ПРОВ. 1935

А. С. ПРУГАВИНЪ.

Комм. Акад. Ин-т Нац. Мен. Запада
БИБЛИОТЕКА

НЕПРІЕМЛЮЩІЕ МІРА.

Очерки религіозныхъ исканій.

Анархическое теченіе
въ русскомъ сектантствѣ.



МОСКВА.--1918.

ТИПОГРАФІЯ Т-ва „ЗАДРУГА“,
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9. Телефонъ 5-87-02.

130
45

БОРЬБА съ АНТИХРИСТОМЪ.

(Очерки религіозно-аграрнаго движенія на Уралѣ).

БОРЬБА СЪ АНТИХРИСТОМЪ.

(Очерки религіозно-аграрнаго движенія на Уралѣ *).

Всѣмъ, конечно, извѣстно, какую крупную, можно сказать, огромную роль въ исторіи развитія международнаго анархизма сыграли три русскихъ человѣка М. А. Бакунинъ, князь П. А. Кропоткинъ и графъ Л. Н. Толстой. При этомъ невольно бросается въ глаза тотъ фактъ, что всѣ названныя лица, по происхожденію, принадлежатъ къ высшему общественному слою, къ русской аристократіи Но значеніе отмѣченнаго факта особенно вырастаетъ въ виду того, что названныя лица по справедливости должны быть причислены къ духовнымъ вождямъ русскаго общества, къ властителямъ думъ современныхъ имъ поколѣній.

Считать этотъ фактъ простой случайностью нѣтъ, разумѣется, никакого основанія. Наоборотъ, извѣстный уклонъ, извѣстное тяготѣніе къ анархизму, можно подмѣтить и у многихъ другихъ руководителей русской общественной мысли. Недаромъ еще недавно М. И. Туганъ-Барановскій утверждалъ даже, что „у всѣхъ (sic) болѣе крупныхъ русскихъ общественныхъ мыслителей мы наблюдаемъ элементы анархическаго мировоззрѣнія“. По его мнѣнію, и Герценъ, „при всей сравнительной умѣренности его общественныхъ воззрѣній,

*) По неизданнымъ источникамъ.

былъ очень близокъ къ этому міровоззрѣнію" „Будущій соціальный строй рисовался Герцену въ видѣ союза свободныхъ крестьянскихъ общинъ и рабочихъ артелей, что совпадаетъ съ анархическимъ идеаломъ" (Рѣчь". 1913 г. № 213).

Даже „такое консервативное движеніе, какъ наше славянофильство, было проникнуто анархическими стремленіями",—говоритъ г Туганъ-Барановскій и, въ подтвержденіе этого, ссылается на извѣстную теорію К. С Аксакова: о государствѣ и землѣ, какъ взаимно-противоположныхъ началахъ Въ этой теоріи цитируемый нами авторъ, вполнѣ справедливо усматриваетъ „своеобразную доктрину анархизма". Впрочемъ, необходимо замѣтить, что, еще задолго до статьи г. Туганъ-Барановскаго, въ литературѣ были отмѣчены „анархистскія" концепціи и Герцена и первыхъ славянофиловъ.

Такимъ образомъ, едва-ли можетъ подлежать сомнѣнію существованіе опредѣленной тяги, явной наклонности къ анархическимъ идеямъ и тенденціямъ со стороны если не „всѣхъ", то, во всякомъ случаѣ, очень многихъ крупныхъ мыслителей и общественныхъ дѣятелей Россіи. Гораздо менѣе освѣщенъ и выясненъ вопросъ объ отношеніи къ тѣмъ же идеаламъ со стороны широкихъ народныхъ массъ.

Насколько идеи анархизма свойственны психологіи крестьянской и рабочей среды, насколько этого рода идеи находятъ откликъ и сочувствіе въ низахъ населенія? Конечно, это—вопросы очень большіе и сложные, для разрѣшенія которыхъ, въ данный моментъ, нѣтъ достаточно данныхъ,—если только мы не захотимъ довольствоваться выводами апріорнаго характера. На этотъ разъ мы возьмемъ только одну область народной психической жизни—область религіозныхъ исканій и сектантства, и попытаемся прослѣдить, какъ и при какихъ условіяхъ проникаютъ въ эту область идеи и стремленія анархическаго характера и благодаря ка-

кимъ именно вліяніямъ эти идеи развиваются и укрѣпляются въ народномъ сознаніи.

Необходимо помнить, что религія для народа никогда не была чѣмъ-то абстрактнымъ, отвлеченнымъ, метафизическимъ. Напротивъ, болѣе сознательная часть народа не отдѣляетъ религіи отъ жизни, такъ какъ въ глазахъ этихъ людей религія является и моралью, и философіей, и этикой, и соціологіей. Люди изъ народа, которые вникали и вдумывались въ Евангеліе, которые проникались возвышенными идеями священной книги, не только стремились сблизить небо съ землею, не только старались связать тѣсными, неразрывными узами религіозную догму съ жизнью людей, Бога съ человѣкомъ, но и пытались воплотить въ жизни начала, возвѣщенныя Великимъ Учителемъ, пытались даже перестроить всю свою жизнь, согласно этимъ началамъ.

Нужно-ли говорить, что подобныя стремленія всегда встрѣчались съ непримиримой враждой предержащими властями—и духовными и свѣтскими. И дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что люди съ подобными стремленіями вынуждались порвать всѣ свои связи съ церковью и перейти въ ряды религіозныхъ отщепенцевъ и сектантовъ, т-е въ ряды людей, которые до 17 апрѣля 1905 года считались внѣ закона.

Въ виду того, что народъ не отдѣляетъ жизни отъ религіознаго ученія, отъ „вѣры“, отъ догмы, въ его представленіи мотивы и стремленія религіознаго, этическаго, духовнаго характера связываются, осложняются и переплетаются самымъ неразрывнымъ образомъ съ интересами общественными, аграрными, соціальными, экономическими.

Эту тѣсную связь, это взаимодѣйствіе нельзя упускать изъ виду тѣмъ, кто хочетъ знакомиться съ религіозными исканіями и переживаніями народа, кто хочетъ понять психологію народныхъ движеній, возникающихъ не только на религіозной почвѣ, но и такихъ,

которыя вырастаютъ изъ интересовъ чисто экономическихъ и правовыхъ, но которыя затѣмъ въ борьбѣ за права народа стараются опереться на религію, какъ на высшій нравственный авторитетъ.

I.

Анархическое теченіе въ русскомъ сектантствѣ

О мистическомъ движеніи, которое широкой волной захватило разные слои русскаго народа и общества, мы имѣли уже случай говорить въ своей книгѣ „Бунтъ противъ природы“ (Москва, 1917 г). Теперь мы намѣрены остановить вниманіе читателей на другомъ явленіи религіозной жизни народа мы хотимъ коснуться того теченія въ русскомъ сектантствѣ, которое носитъ болѣе или менѣе явные слѣды анархическаго характера.

Спѣшимъ оговориться, что лично мы отнюдь не склонны преувеличивать размѣры этого движенія, но считаемъ во всѣхъ отношеніяхъ необходимымъ выяснить его дѣйствительную природу и тѣ главные причины и стимулы, которые его вызываютъ и поддерживаютъ. Сдѣлать это особенно полезно теперь, когда крестьянскія и рабочія массы, видимо, переживаютъ глубокій и тяжелый кризисъ,—не только церковный, но и религіозный.

Вѣдь сейчасъ, на нашихъ глазахъ, въ религіозно-этической жизни народа происходятъ явленія колоссальной важности и значенія, заставляющія думать, что мы находимся, быть можетъ, наканунѣ широкаго народнаго движенія реформаціоннаго характера.

Всѣ русскія секты, по своему происхожденію, могутъ быть подраздѣлены на двѣ неравныя группы: однѣ— зародились и вышли изъ глубинъ трудовыхъ народныхъ массъ, другія же получили свое начало и осно-

ваніе отъ лицъ, принадлежащихъ къ интеллигенціи или, точнѣе говоря, къ разнымъ слоямъ привилегированнаго общества. Къ этой послѣдней группѣ принадлежатъ: пашковцы, толстовцы, іеговисты, считающіе себя послѣдователями капитана артиллеріи Ильина, добролюбовцы и друг.

Анархическія идеи получили довольно широкое развитіе въ ученіи нѣкоторыхъ сектъ, возникшихъ первоначально въ интеллигентной средѣ. Такъ, напримѣръ, въ сектѣ іеговистовъ существуетъ вполнѣ опредѣленное теченіе анархическаго характера. Толстовство почти цѣликомъ окрашено анархическимъ налетомъ *). Въ ученіи бывшаго эстета и сатаниста, а теперь извѣстнаго мистика и народнаго проповѣдника А. М. Добролюбова эти идеи получили точную формулировку и подробное теоретическое обоснованіе.

Переходя къ сектамъ, возникшимъ непосредственно въ народной, т.-е. крестьянской и рабочей средѣ, необходимо отмѣтить, что въ ученіи многихъ сектъ этой группы, также можно встрѣтить тѣ или иные элементы анархическаго credo. Но въ то же время слѣдуетъ установить, что изъ массы сектъ этой группы сравнительно лишь немногія приняли явно анархическій характеръ. Собственно говоря, мы можемъ назвать лишь три секты, ученіе которыхъ вполнѣ опредѣленно проникнуто этимъ характеромъ, а именно. странники или бѣгуны, неплательщики и не-наши. Интересно отмѣтить, что двѣ послѣднія секты возникли на почвѣ „раскола“ или старовѣрія, а странники, или бѣгуны, представляютъ собою крайнее развѣтвленіе безпоповщины.

---

*) Подъ вліяніемъ толстовства анархическія тенденціи были восприняты значительной частью духоборовъ. Переселившіеся въ Канаду духоборы выработали даже довольно цѣльную теорію христіанскаго анархизма, которую и пытались было осуществить въ жизни, но, встрѣтивъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны американскаго правительства, принуждены были пойти на уступки.

Элементы анархическаго міровоззрѣнія можно подмѣтить также въ сектѣ нѣтовцевъ или Спасова согласія которое является переходнымъ звеномъ между поповщиной и безпоповщиной. Покойный Мельниковъ-Печерскій опредѣлялъ численность послѣдователей этой секты, распространенной, главнымъ образомъ, въ Поволжьѣ, въ два миллиона Но необходимо замѣтить, что анархическія идеи свойственны не всей этой сектѣ, а лишь одной, сравнительно небольшой, ея вѣтви, извѣстной подъ именемъ „глухой нѣтовщины"

Возникновенію и развитію анархическихъ идей и настроеній, которыя обнаруживались среди послѣдователей сектъ, выросшихъ въ нѣдрахъ трудового народа, больше всего способствовала та жестокая, чисто истребительная политика, которая практиковалась властями по отношенію къ людямъ, порвавшимъ съ господствующей церковью и желавшимъ, въ дѣлѣ вѣры и духовнаго обновленія, идти своимъ собственнымъ путемъ.

О странникахъ, или бѣгунахъ, у насъ имѣется обширная литература, но, къ сожалѣнію, почти вся она состоитъ изъ работъ, построенныхъ на основаніи чисто архивныхъ матеріаловъ и свѣдѣній официальнаго характера. До сихъ поръ у насъ не было ни одного изслѣдователя, который познакомилъ бы общество съ ученіемъ и жизнью послѣдователей этой чрезвычайно интересной секты на основаніи своихъ личныхъ, непосредственныхъ наблюденій. Объ этомъ, тѣмъ болѣе, слѣдуетъ пожалѣть, что секта странниковъ или „скрытниковъ" и по сіе время распространяется во многихъ губерніяхъ сѣверной и восточной Россіи.

Секта не-нашихъ, по количеству послѣдователей, должна быть отнесена къ числу мелкихъ сектъ. Но ей очень посчастливилось относительно изслѣдователей: объ этой сектѣ писали по личнымъ наблюденіямъ. извѣстный дѣятель освободительнаго движенія Германъ Александровичъ Лопатинъ, сотрудникъ „Рус-

скаго Богатства" докторъ Кокосовъ и М. И. Мишла-Орфановъ Эти лица сообщили о сектѣ не-нашихъ очень много чрезвычайно цѣннаго и интереснаго.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ сектой неплательщиковъ. Несмотря на то, что по условіямъ своего возникновенія, по тѣмъ причинамъ и мотивамъ, которые вызвали появленіе этой секты, она заслуживаетъ глубокаго общественнаго вниманія,—секта эта до сихъ поръ совершенно не изслѣдована. За исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ замѣтокъ и фельетоновъ въ разныхъ газетахъ, главнымъ образомъ, уральскихъ и статьи г. Солодовникова въ „Пермскомъ Краѣ",—объ этой сектѣ почти ничего не писалось.

Секта неплательщиковъ въ сущности является отпрыскомъ того широкаго соціальнаго или, точнѣе говоря, аграрнаго движенія, которое въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія возникло на Уралѣ среди горнозаводскаго населенія при введеніи уставныхъ грамотъ. Народное движеніе, возникнувъ первоначально въ сферѣ чисто экономической, на почвѣ аграрныхъ интересовъ, мало-по-малу, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе, захватило область религіи, призвавъ ее, какъ высшій нравственный авторитетъ, на помощь собственному, чисто мірскому, житейскому, но важному и кровному дѣлу.

Благодаря этому, движеніе, вызванное причинами и мотивами аграрнаго и соціальнаго характера, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи постепенно вылилось въ форму религіозныхъ сектъ съ явно выраженными тенденціями анархическаго характера, съ полнымъ отрицаніемъ и церкви и государства со всѣми ихъ установленіями. Высшія власти узнали объ этомъ движеніи съ большимъ запозданіемъ, но, узнавши, очень обезпокоились.

Александръ II, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго отчета о состояніи Пермской губерніи за 1879 годъ, противъ объясненія о томъ, что „въ средѣ многочислен-

наго населенія горнозаводскихъ мастеровыхъ возникаютъ секты, у которыхъ непризнаваніе властей и неповиновеніе имъ составляетъ основное начало", отмѣтилъ „обратить на это особое вниманіе".

Разумѣется, началась обычная въ подобныхъ случаяхъ тревога. Комитетъ министровъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ доставить по этому вопросу „надлежащія свѣдѣнія и объясненія для представленія таковыхъ на усмотрѣніе Государя Императора".

Завязывается обширная, хотя и строго „секретная" и „конфиденціальная" переписка, въ которой принимаютъ участіе представители какъ центральной, такъ и губернской и уѣздной администраціи, духовныя власти, архіереи, миссіонеры и т. д. Переписка старается выяснить вопросъ о наиболѣе вредныхъ въ государственномъ отношеніи сектахъ изъ числа распространенныхъ на Уралѣ, при чемъ особенное вниманіе обращено было на секты неплательщиковъ и бѣгуновъ или странниковъ.

Когда, спустя нѣкоторое время, я получилъ возможность ознакомиться съ этой перепиской, то убѣдился, что она коснулась исключительно лишь чисто внѣшней стороны религіознаго движенія, совершенно не затронувъ той почвы, на которой возникло и выросло это движеніе, совсѣмъ не выяснивъ тѣхъ соціальныхъ условій, благодаря которымъ „вредныя секты" упрочились въ народной средѣ и приняли характеръ рѣзкаго протеста не только противъ церкви, но и противъ государства и властей.

Съ цѣлью возможно ближе присмотрѣться къ этому движенію, уяснить себѣ причины его возникновенія, его характеръ, понять психологію участниковъ этого движенія, — я отправился на Уралъ и прожилъ тамъ цѣлое лѣто 1882 года. Обстоятельства благопріятствовали моей поѣздкѣ. Пермскій губернаторъ Енакіевъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ моей миссіи и оказалъ мнѣ весьма широкое содѣйствіе.

Прежде всего, онъ открылъ мнѣ двери мѣстныхъ архивовъ, начиная съ архива губернскаго правленія и канцеляріи губернатора и кончая архивами волостныхъ правленій. При этомъ я получилъ возможность знакомиться и съ такъ называемыми „секретными“ и „конфиденціальными“ дѣлами. Затѣмъ, когда я изъ Перми отправился на заводы, на которыхъ, главнымъ образомъ, сосредоточены послѣдователи „вредныхъ сектъ“, губернаторъ Енакіевъ снабдилъ меня рекомендательными письмами къ мѣстнымъ вліятельнымъ лицамъ, которыя и оказали мнѣ содѣйствіе въ моемъ изслѣдованіи.

Благодаря этому, мнѣ удалось собрать богатый матеріалъ о томъ аграрно-религіозномъ движеніи, которое широкой волной охватило населеніе нѣкоторыхъ уральскихъ заводовъ. Но я долженъ сказать, что ни архивныя секретныя дѣла, ни свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ мѣстными людьми, не освѣтили мнѣ этого движенія и не отвѣтили на главный вопросъ, который особенно занималъ меня: почему движеніе, поднятое во имя чисто экономическихъ, матеріальныхъ интересовъ, перешло въ сферу религіи, принявъ характеръ религіознаго и притомъ антицерковнаго движенія?

Все это съ полной наглядностью выяснилось для меня лишь послѣ того, какъ я болѣе мѣсяца прожилъ среди неплательщиковъ, близко сошелся съ ними и какъ я имѣю основаніе думать — заслужилъ ихъ полное довѣріе и расположеніе

II.

Секта неплательщиковъ.

Появленіе секты неплательщиковъ является прямымъ и характернымъ продуктомъ извѣстныхъ условій соціальной жизни русскаго крестьянства, въ частности же тѣхъ ненормальныхъ условій, среди которыхъ приходится существовать горнозаводскому населенію на Ура-

лѣ. Возникновеніе этой секты относится ко времени введенія крестьянской реформы, вызвавшей въ средѣ заводского населенія многія недоразумѣнія и сильное недовольство.

Чтобы уяснить себѣ причины этого недовольства, необходимо помнить, что до 19 февраля 1861 года, крестьяне-мастеровые уральскихъ горныхъ заводовъ пользовались разными льготами и привилегіями, которыя были установлены правительствомъ въ началѣ XIX столѣтія и даже ранѣе въ видахъ развитія горнозаводскаго дѣла.

Такъ, они были освобождены отъ рекрутской повинности и пользовались безплатно заводскою землею и лѣсомъ для собственныхъ надобностей. За десятилѣтнюю службу на заводѣ горнозаводскіе крестьяне получали въ свое владѣніе усадьбу и небольшой земельный участокъ; отслуживъ 15 лѣтъ, крестьянинъ-мастеровой, сверхъ того, получалъ право на пенсію. Затѣмъ они были подчинены особой горной администраціи, чины которой, въ интересахъ самого дѣла, держали себя по отношенію крестьянъ-мастеровыхъ болѣе мягко, чѣмъ общая полиція и администрація.

Такъ какъ, съ введеніемъ уставной грамоты, крестьяне лишались разныхъ прежнихъ льготъ и привилегій аграрнаго характера, то естественно, что они весьма рѣшительно воспротивились принятію уставной грамоты. Что же касается заводовладѣльцевъ, то они, напротивъ, энергично настаивали на скорѣйшемъ введеніи уставныхъ грамотъ. На этой почвѣ чисто экономическихъ и аграрныхъ отношеній началась вражда между помѣщиками-заводовладѣльцами и горнозаводскими крестьянами. Постепенно эта вражда росла и обострялась все болѣе и болѣе.

Крестьяне разсчитывали, что власти въ этой борьбѣ непремѣнно примутъ ихъ сторону, какъ безусловно правую, и такимъ путемъ возстановятъ ихъ права, которыя

нарушались уставной грамотой. Въ этой увѣренности они пишутъ и подаютъ безчисленное множество прошеній во всевозможныя учрежденія, а также разнымъ должностнымъ и высокопоставленнымъ лицамъ

Увы! все это было напрасно, власти оказались глухи ко всѣмъ ихъ просьбамъ и мольбамъ, всѣ ихъ прошенія „остались безъ послѣдствій“, и уставная грамота, несмотря на протесты горнозаводскихъ крестьянъ, была введена Большинство крестьянъ подчинилось вновь создавшимся порядкамъ, но меньшинство продолжало будировать, отказавшись не только отъ уставной грамоты, но и отъ казеннаго надѣла, который полагался по новому положенію, и даже отъ работы на заводахъ.

Недовольные реформой горнозаводскіе крестьяне, почувствовавъ себя обездоленными, рѣшили ничего не платить тому государству, которое нарушило ихъ права и отказалось возстановить ихъ Этихъ крестьянъ стали звать неплательщиками и упорщиками. На первыхъ порахъ недовольство выразилось въ цѣломъ рядѣ волненій „безпорядковъ“ и бунтовъ, которые подавлялись съ необычаиной жестокостью, что, конечно, еще болѣе озлобляло крестьянъ и вооружало ихъ противъ властей и правительства

Преслѣдуемые и гонимые, заводскіе крестьяне-протестанты задавались вопросомъ гдѣ и у кого искать защиты и поддержки въ тяжелой, неравной борьбѣ? И они, какъ люди религіозные, вѣрующіе, рѣшили, что нужно обратиться къ священникамъ, какъ служителямъ церкви, которая стоитъ на стражѣ нравственныхъ, „Божьихъ“ законовъ.

И, вотъ, съ довѣріемъ и надеждой они обращаются къ представителямъ духовенства, знакомятъ ихъ съ положеніемъ дѣла и просятъ заступничества противъ несправедливыхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствій правительственныхъ властей.

Увы! Здѣсь ожидало ихъ новое тяжелое разочаро-

ваніе духовенство рѣшительно встало на сторону властей. Тогда неплательщики рѣшили, что „правда Божія“ исчезла изъ православной церкви. Тогда они рѣшительно порываютъ свои связи съ духовенствомъ и церковью.

Отказавшись отъ православія, въ которомъ они жили до тѣхъ поръ, неплательщики начинаютъ самостоятельно вырабатывать свое религіозное міросозерцаніе, свое отношеніе къ церкви и государству При этомъ религіозные взгляды неплательщиковъ складываются, главнымъ образомъ, подъ двумя вліяніями, а именно съ одной стороны, на нихъ вліяютъ безпоповцы или, точнѣе говоря, крайнее лѣвое крыло ихъ, такъ называемые странники или бѣгуны, а съ другой—сектанты раціоналисты. Кто именно были эти послѣдніе, съ точностью пока установить невозможно, но есть много основаній думать, что это были немоляки.—секта, отрицающая всю внѣшнюю обрядовую сторону религіи и получившая въ 60-хъ годахъ довольно широкое распространеніе во многихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, особенно же въ Вятской и Пермской *).

Отъ странниковъ или бѣгуновъ неплательщики заимствовали ученіе объ антихристѣ и послѣднемъ времени. Какъ извѣстно, это ученіе проникнуто глубокимъ пессимизмомъ, отмѣчено печатью безнадежности. Неплательщики, какъ и странники, учатъ, что правда исчезла изъ міра, что пришли послѣднія времена, такъ какъ антихристъ овладѣлъ міромъ, воплотившись въ духовныхъ и гражданскихъ властяхъ до царя включительно.

Чтобы избавиться отъ власти антихриста, чтобы избѣжать вѣчной погибели, остается одно средство это разъ навсегда отказаться отъ всего, что исходитъ отъ

---

*) Свѣдѣнія о сектѣ немоляковъ читатель можетъ найти въ нашей книгѣ „Религіозные отщепенцы“, выпускъ II, М., 1906 г.

антихриста, не признавать ничего, что отмѣчено его печатью. Исходя изъ этого положенія, неплательщики постепенно дошли до полнаго анархизма, такъ какъ начали отрицать церковь, законы, властей, царя и государство со всѣми его установленіями. Платить налоги и подати—грѣхъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, это значитъ поддерживать власть антихриста, т. е царя. Повиноваться новымъ властямъ нельзя, ибо онѣ установлены не отъ Бога, а отъ царя—антихриста

Вліяніе раціоналистовъ сказалось на отрицаніи неплательщиками таинствъ, обрядовъ, иконъ и вообще всего внѣшняго культа православной церкви. Погребеніе умершихъ, наримѣръ, совершается у нихъ слѣдующимъ упрощеннымъ способомъ. Обыкновенно гдѣнибудь въ лѣсной чащѣ вырывается глубокая яма, въ которую опускается трупъ умершаго въ простомъ ящикѣ, сколоченномъ изъ досокъ. Кто-нибудь изъ присутствующихъ на похоронахъ прочитываетъ „Отче нашъ“ или „Вѣрую“, послѣ чего могила засыпается землей.

Поклоненіе иконамъ—какъ „старымъ“, такъ и новымъ,—неплательщики считаютъ идолопоклонствомъ Въ ихъ избахъ вы не встрѣтите ни одной иконы. Если имъ въ руки попадетъ икона, они стараются немедленно же уничтожить ее сжигаютъ или же разрубаютъ на мелкіе куски.

Но Библія и Евангеліе являются для неплательщиковъ предметами величайшаго и благоговѣйнаго почитанія. На своихъ собраніяхъ, которыя устраиваются по вечерамъ, они особенно охотно читаютъ эти книги, съ жаромъ и увлеченіемъ толкуютъ тексты и разсуждаютъ о прочитанномъ, стараясь найти въ немъ указанія для руководства въ современной, повседневной жизни.

Заимствовавъ ученіе объ антихристѣ отъ безпоповцевъ, неплательщики, однако, остались совершенно чуждыми ихъ нетерпимости къ иновѣрцамъ. Надо жить,—говорятъ неплательщики,—такъ, какъ жилъ

Христосъ, который, когда ходилъ по землѣ, то никого не гнушался, со всѣми ѣлъ и пилъ. Одинъ лишь святой завѣтъ обязателенъ сейчасъ для всѣхъ людей—для „сыновъ истиннаго Бога“,—это безкорыстная любовь другъ къ другу и щедрая помощь меньшей, нищей братіи, всѣмъ, кто въ нуждѣ и горѣ

Относясь отрицательно ко всѣмъ властямъ вообще, неплательщики не дѣлаютъ исключенія въ этомъ отношеніи и для представителя высшей верховной власти въ государствѣ. Они открыто называли царя антихристомъ, а чиновниковъ, всѣхъ тѣхъ, „кто одѣлъ свѣтлыя пуговицы“—слугами антихриста, посланниками его. Они были убѣждены, что царь Александръ II-ой нарушилъ вѣчный законъ, данный самимъ Богомъ и состоящій въ томъ, чтобы всѣ люди пользовались землями, лѣсами, покосами, полями и всѣми угодьями—безъ всякихъ пошлинъ, безъ всякихъ налоговъ.

Поэтому всѣ распоряженія, идущія свыше, встрѣчаются неплательщиками съ явной враждой и чѣмъ выше поставлена власть по своему положенію, тѣмъ съ большей враждой относятся къ ней неплательщики.

III.

Призывъ 1874 года.

Въ 1874 году, какъ извѣстно, въ Россіи введена была всеобщая воинская повинность Какъ и слѣдовало ожидать, неплательщики встрѣтили крайне враждебно уставъ о воинской повинности, тѣмъ болѣе, что онъ нарушалъ ихъ давнишнюю привилегію, въ силу которой они были освобождены отъ рекрутской повинности. На требованія мѣстныхъ властей подчиниться новому воинскому уставу, неплательщики отвѣчали

— Пусть отдадутъ намъ нашу землю по старому положенію, тогда мы и сами пойдемъ на службу, и

дѣтей пошлемъ. А по новому положенію и сами не пойдемъ, и дѣтей не дадимъ... Антихристу служить не желаемъ.

И они—какъ мы сейчасъ увидимъ — не побоялись немедленно же провести въ жизнь свое рѣшеніе.

15 ноября 1874 года открылись дѣйствія уѣзднаго по воинской повинности присутствія въ 6-мъ Михайловскомъ призывномъ участкѣ, въ составъ котораго входили волости Верхне и Нижне-Сергинскія, Михайловская и Атигская. Дѣйствія присутствія, согласно закону, начались съ повѣрки призывныхъ списковъ. Тотчасъ же выяснилось, что многіе изъ призываемыхъ не явились въ присутствіе. Волостные старшины докладываютъ, что неявившіеся въ присутствіе находятся на сборной квартирѣ, вмѣстѣ со своими родственниками.

Присутствіе командируетъ фельдфебеля Алексѣева на эту квартиру и приказываетъ ему привести призываемыхъ. Но это оказалось не такъ-то легко исполнить. На сборной квартирѣ скучилась огромная толпа народа, состоявшая какъ изъ призываемыхъ, такъ и ихъ родственниковъ: отцовъ, матерей, братьевъ и т. д. Это были „неплательщики“.

Всѣ они были одѣты въ бѣлыя длинныя, холщевыя рубахи и такіе-же штаны, на ногахъ—лапти и бѣлыя портянки, на головѣ — войлочная шляпа. „Мужики въ тулупахъ и со звѣрскими взглядами“,—писалъ фельдфебель Алексѣевъ На приказаніе фельдфебеля итти въ присутствіе неплательщики не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія.

Тогда пускается въ ходъ сила полицейскіе и конвойные хватаютъ призываемыхъ и тащатъ ихъ въ присутствіе. Призываемые оказываютъ пассивное сопротивленіе: упираются, ложатся на землю, но къ насиліямъ не прибѣгаютъ. Когда ихъ втащили, наконецъ, въ присутствіе, они отказались снять шляпы.

— При повѣркѣ призывныхъ списковъ предсѣдатель

присутствія громко выкрикиваетъ фамилію.—Такой-то!—кричитъ онъ. Въ отвѣтъ на это неплательщики хоромъ кричатъ:

По новымъ правамъ, не согласны!.. Антихристу служить не желаемъ! Антихристову печать не принимаемъ!

Это вызываетъ большое замѣшательство среди членовъ присутствія Они начинаютъ успокаивать призываемыхъ, указываютъ имъ, что призывъ производится по распоряженію государя императора, и что поэтому они должны подчиниться его волѣ Но неплательщики не унимались,

— Вашъ царь—антихристъ, кричали они

Военный пріемщикъ и солдаты бросились къ неплательщикамъ и начали зажимать имъ рты.

— А вы сами—антихристовы слуги!—кричали неплательщики.

Наконецъ, кое-какъ удалось водворить спокойствіе.

— Берите жеребій! — говоритъ предсѣдатель. обращаясь къ неплательщикамъ.

— По новымъ правамъ не согласны!.. Антихристову печать не принимаемъ! .

Началось медицинское освидѣтельствованіе призываемыхъ Для этого требуется, чтобы призываемые раздѣлись до-нага. Неплательщики категорически отказываются исполнить это требованіе Предсѣдатель приказываетъ солдатамъ раздѣть ихъ. Неплательщики „положительно не хотятъ ни рукой ни ногой пошевелить“, Солдаты принуждены и раздѣвать и разувать ихъ

— Становись къ мѣрѣ! — кричитъ военный пріемщикъ неплательщику.

Тотъ ни съ мѣста.

— Тащите его въ мѣру! — приказываетъ предсѣдатель солдатамъ

Солдаты берутъ подъ руки неплательщика и тащатъ его къ станку. Неплательщикъ опускается и ложится

на полъ Нѣсколько солдатъ берутъ его, какъ бревно, на руки и несутъ къ станку. Но онъ наотрѣзъ отказывается стать въ мѣру...

Несмотря однако на сопротивленіе, несмотря на протесты, призываемые изъ числа неплательщиковъ зачисляются въ военную службу, безъ жеребья, при чемъ ихъ ростъ, тѣлосложеніе опредѣляется по наружному виду. Такимъ путемъ было принято 38 человѣкъ.

Когда процедура пріема закончилась, предсѣдатель присутствія, обращаясь къ новобранцамъ, приказалъ:

— Идите въ церковь принять присягу!

Въ отвѣтъ тотчасъ же раздались крики неплательщиковъ:

— Не пойдемъ! . Не будемъ присягать!.. Не согласны по новымъ правамъ! и т. д.

— Отвести ихъ въ церковь!—приказываетъ предсѣдатель солдатамъ.

Не мало усилій потребовалось со стороны конвоя, чтобы исполнить это приказаніе, такъ какъ неплательщики, принятые на службу, рѣшительно отказывались выйти изъ присутствія. Поэтому солдаты и полицейскіе брали ихъ подъ руки и насильно вытаскивали на улицу. Но здѣсь большая толпа неплательщиковъ, состоящая изъ родственниковъ новобранцевъ, преградила путь къ церкви. Отцы, матери, братья и сестры новобранцевъ хватались, цѣплялись за нихъ и старались вырвать ихъ изъ рукъ солдатъ и полицейскихъ.

Толпа сбила и смяла конвойныхъ, сотскихъ и полицейскихъ. Военный пріемщикъ, бросившійся въ толпу, чтобы возстановить порядокъ, также былъ „смятъ“. Тогда конвой пускаетъ въ ходъ штыки и сабли и, такимъ образомъ, очищаетъ дорогу къ церкви. И хотя мужики сильно таки „помяли солдатъ“, надавали имъ „тумаковъ“, изорвали на нихъ амуницію, оборвали пуговицы и медали,—тѣмъ не менѣе солдатамъ и поли-

цейскимъ удалось втащить въ церковь новобранцевъ-неплательщиковъ.

Но какъ только священникъ вышелъ изъ алтаря и обратился къ новобранцамъ съ проповѣдью, приглашая ихъ принять присягу, неплательщики одѣли шляпы на головы, закрыли уши руками и начали кричать:

— Не желаемъ присягать!.. Несогласны по новымъ правамъ!.. Это не церковь, а капище!.. и т. д.

Конечно, при этихъ условіяхъ присяга не могла состояться, и неплательщиковъ прямо изъ церкви потащили въ арестантскую при волостномъ правленіи.

Вскорѣ туда явился священникъ Василій Горный и началъ усовѣщевать неплательщиковъ „подчиниться судьбѣ“ и принять присягу. На помощь ему выступилъ фельдфебель Алексѣевъ, который пугалъ и стращалъ новобранцевъ страшной перспективой, ожидающей ихъ на военной службѣ въ томъ случаѣ, если они не примутъ присяги и не подчинятся военной дисциплинѣ.

Эти угрозы фельдфебеля, съ одной стороны, увѣщанія священника съ другой—въ обстановкѣ волостной кутузки не остались безъ вліянія: 11 человѣкъ новобранцевъ изъявили согласіе принять присягу. Но остальные 27 человѣкъ остались непреклонными. Подъ строгимъ конвоемъ солдатъ и полицейскихъ эти 27 человѣкъ были отправлены въ Красноуфимскъ, въ мѣстную команду.

Здѣсь ихъ продолжали усовѣщевать воинскій начальникъ, протоіерей Братчиковъ и, наконецъ, командированный въ Пермскую губернію по Высочайшему повелѣнію на время призыва флигель-адъютантъ генералъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, получившій впослѣдствіи такую громкую извѣстность въ качествѣ „народнаго героя“.

Эти увѣщанія опять-таки не остались безъ результата: еще 8 человѣкъ изъ новобранцевъ-неплательщиковъ изъявили желаніе принять присягу. Но Скобелевъ

не желалъ помириться на этомъ, и,повидимому, поставилъ себѣ цѣлью добиться, чтобы всѣ новобранцы-неплательщики примирились съ военной службой. Вскорѣ, однако, онъ принужденъ былъ отказаться отъ этой мысли.

Разсказываютъ, что однажды Скобелевъ долго убѣждалъ новобранцевъ - неплательщиковъ подчиниться военной дисциплинѣ. Онъ всячески усовѣщевалъ ихъ отказаться отъ „ложныхъ взглядовъ“ на военную службу. Это происходило въ командѣ, въ присутствіи полковника Маліевскаго, предсѣдателя уѣздной земской управы Скочкова и протоіерея Братчикова.

Но убѣжденія „бѣлаго генерала“, повидимому, очень мало трогали неплательщиковъ, которые молча слушали его, не выражая и тѣни раскаянія въ своихъ поступкахъ Въ заключеніе своей рѣчи Скобелевъ обратился къ неплательщикамъ съ такими словами:

— Вы подумайте, братцы, о томъ· какъ я явлюсь къ государю императору, что я ему скажу? Вся Россія подчинилась его приказу, повсюду новобранцы съ охотой и радостью идутъ на службу царю и отечеству. Только какой-то одинъ или два завода не захотѣли исполнить волю государя императора .. А? Что-же вы молчите? Что я долженъ буду сказать государю, когда онъ меня спроситъ какъ прошелъ призывъ въ Пермской губерніи?

— А что знаешь, то и говори!—сказалъ одинъ изъ неплательщиковъ, стоявшихъ въ первомъ ряду.

Эти слова настолько возмутили Скобелева, что онъ потерялъ всякое хладнокровіе. Что было силы онъ размахнулся и ударилъ кулакомъ по лицу неплательщика, который, какъ снопъ, свалился съ ногъ

Этой сценой и закончились увѣщанія бѣлаго генерала. Призвавъ фельдфебеля Алексѣева, Скобелевъ обратился къ нему съ такимъ наставленіемъ

— Алексѣевъ, ты старый фельдфебель .. ты знаешь,

какъ нужно дѣйствовать съ этими болванами ..—И, показывая ему кулакъ, онъ спросилъ:—Понимаешь?...

— Такъ точно, ваше превосходительство!

Такимъ образомъ, инструкція, какъ слѣдуетъ обращаться съ болванами", отказывающимися отъ воинской повинности, была наглядно и авторитетно преподана „бѣлымъ генераломъ".

IV.

На военной службѣ.

Положеніе новобранцевъ-неплательщиковъ, которые отказывались подчиниться воинской дисциплинѣ, было, конечно, въ высшей степени тяжелое. Они подвергались постояннымъ и жестокимъ побоямъ, за которыми обыкновенно слѣдовалъ арестъ Вслѣдствіе этого, большую часть времени имъ приходилось проводить въ карцерѣ или тюремномъ замкѣ.

Но такъ какъ, несмотря на всѣ эти „мѣры", неплательщики не сдавались и продолжали упорствовать, то само военное начальство, видимо, не знало, что съ ними дѣлать, какъ съ ними быть Пробовали было возбуждать противъ нихъ судебныя преслѣдованія, но изъ этого ничего не выходило, тѣмъ болѣе, что неплательщики рѣшительно отказывались что-либо отвѣчать военнымъ слѣдователямъ.

Наконецъ, и сами военныя власти не были согласны между собой относительно тѣхъ мѣръ, съ помощью которыхъ слѣдовало бороться съ неплательщиками. Пользуясь подлинными офиціальными дѣлами, мы разскажемъ здѣсь, какъ постепенно выработались и установились отношенія военнаго вѣдомства къ новобранцамъ-неплательщикамъ. Больше всего этому способствовалъ главный военный судъ, куда перешло дѣло о неплательщикахъ лѣтомъ 1875 года. Въ рѣшеніи суда довольно подробно излагается ходъ всего дѣла, его

исторія, а потому мы и приводимъ здѣсь это рѣшеніе почти безъ всякихъ измѣненій.

„17 ноября 1874 года, были приняты и зачислены въ военную службу, согласно 217 ст. устава о воинск. повин., безъ жеребья, 38 человѣкъ, крестьянъ Красноуфимскаго уѣзда, которыхъ въ тотъ же день повели къ присягѣ, но всѣ они упорно отказались принять присягу, и изъ числа ихъ, лишь 11 новобранцевъ, по убѣжденію мѣстнаго священника, въ тотъ-же день приняли присягу, а остальные 27 человѣкъ, какъ отказавшіеся отъ присяги, отправлены въ Красноуфимскую мѣстную команду подъ особый надзоръ. Изъ этого числа 8 новобранцевъ, вслѣдствіе постояннаго внушенія имъ обязанности ихъ подчиниться распоряженіямъ начальства и отступить отъ своихъ неправильныхъ возврѣній, черезъ нѣкоторое время согласились принять присягу, остальные же 19 человѣкъ, обвиняемые по настоящему дѣлу, несмотря на всѣ старанія склонить ихъ къ принятію присяги, остались при своихъ убѣжденіяхъ, отказываясь исполнять приказанія начальства и, называя себя сынами истиннаго Бога, на всякое отдаваемое имъ приказаніе, говорили всѣ вмѣстѣ и каждый порознь.

— Ничего не признаемъ . отъ горнаго штата не отступаемъ никакихъ властей и новыхъ порядковъ не знаемъ...

Такъ, 16 декабря на переданное имъ фельдфебелемъ Алексѣевымъ приказаніе начальника команды очистить снѣгъ съ командиаго двора, означенные новобранцы отвѣтили, что они несогласны исполнять это. На объясненія же фельдфебеля, что они должны подчиняться требованію начальства, возражали, что они „сыны истиннаго Бога, никакихъ властей не признаютъ“, и не исполнили сего приказанія, несмотря на неоднократныя увѣщанія фельдфебеля.

Затѣмъ, 29 декабря на переданное унтеръ-офице-

ромъ Постоляковымъ приказаніе того же начальника остричься, обвиняемые не дали себя стричь, говоря:

— Несогласны!..

Когда же ихъ начали стричь силою, то многіе изъ нихъ ложились на полъ. Послѣ этого они отказались исполнить приказаніе начальства учиться стойкѣ и примѣрить заготовленную для нихъ мундирную одежду.

Затѣмъ, 1-го января 1875 года, когда начальникъ команды, полковникъ Маліевскій, поздравлялъ команду съ новымъ годомъ, то новобранцы, при всей командѣ, отвѣтили молчаніемъ, а на замѣчаніе Маліевскаго, что съ нихъ за эту дерзость строго взыщется, всѣ они отвѣтили:

— Власть закона.

Наконецъ, на переданное унтеръ-офицеромъ Постоляковымъ приказаніе начальника команды, чтобы они помогли убрать доставленный въ команду провіантъ, новобранцы отказались отъ исполненія этого. На спросъ же полковника Маліевскаго о причинѣ отказа, всѣ они отвѣтили, что „ничего не признаютъ и ничего дѣлать не будутъ“.

При производствѣ объ этихъ поступкахъ предварительнаго слѣдствія, всѣ обвиняемые новобранцы не отвѣчали на предложенные имъ слѣдователемъ вопросы и отказались отъ подписи протоколовъ, при чемъ каждый изъ нихъ говорилъ:

— „Я человѣкъ истиннаго Бога... Града настоящаго не имѣю... Отъ горнаго истиннаго штата не отступаю и отступить не желаю... Новыхъ правилъ и властей не признаю, а за вѣру и Бога готовъ принять мученическій вѣнецъ“.

Военный прокуроръ Казанскаго военнаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ Шмидтъ, на разсмотрѣніе котораго поступило настоящее слѣдственное дѣло, нашелъ, что хотя обвиняемые 19 новобранцевъ выставляютъ причиною своего упорнаго неповиновенія свои религіозныя

воззрѣнія, но по дѣлу видно, что ими въ этомъ случаѣ руководила другая цѣль—желаніе освободиться отъ воинской повинности, которой они до сего времени не подлежали. Въ этомъ смыслѣ они сами высказываются, заявляя, что не признаютъ никакихъ властей, кромѣ истиннаго горнаго штата, т.-е. такого положенія, въ которомъ они прежде находились и которое представлялось для нихъ болѣе выгоднымъ.

Поэтому военный прокуроръ полагалъ. новобранцевъ (такихъ-то,—перечисляются 19 человѣкъ), по обвиненію въ неоднократномъ отказѣ подчиниться приказанію начальства, т.-е. преступленіи, предусмотрѣнномъ 113 ст. С. В. П. XXII, предать военному суду.

Начальникъ мѣстныхъ войскъ Казанскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ Гартонгъ, не соглашаясь съ заключеніемъ военнаго прокурора, нашелъ, что хотя обвиняемые по этому дѣлу въ неповиновеніи новобранцы должны подлежать суду, но, принимая во вниманіе, что неповиновеніе ихъ не сопровождалось особенно дерзкими и буйными дѣяніями, а равно принадлежность ихъ къ сектѣ неплательщиковъ, т.-е. къ обществу неразвитому, грубому и присвоившему себѣ ложное направленіе, и находя, что лучшимъ средствомъ къ вразумленію ихъ можетъ служить разъединеніе ихъ между собою, согласно съ мнѣніемъ Пермскаго губернскаго воинскаго начальника, полагаетъ: не предавая названныхъ новобранцевъ суду, распредѣлить ихъ по разнымъ частямъ войскъ, съ отдачею подъ надзоръ начальства.

Командующій войсками Казанскаго военнаго округа генералъ отъ инфантеріи Бруннеръ согласился съ мнѣніемъ начальника мѣстныхъ войскъ, съ тѣмъ,. чтобы обвиняемыхъ по этому дѣлу новобранцевъ, по распредѣленіи по разнымъ частямъ войскъ, поручить, независимо отъ надзора начальства, увѣщанію мѣстныхъ священниковъ, какъ это установлено 8 пунктомъ Высочай-

ше утвержденныхъ 11 іюня 1863 года правилъ о состоящихъ въ военной службѣ раскольникахъ.

Выслушавъ заключеніе главнаго военнаго прокурора Философова, главный военный судъ нашелъ, что новобранцы (такіе-то—перечисляются 19 человѣкъ), обвиняются въ томъ, что, будучи зачислены по послѣднему набору въ военную службу, они, подъ вліяніемъ своего религіознаго заблужденія, отказались отъ принятія присяги на вѣрность службы и затѣмъ, состоя въ Красноуфимской мѣстной командѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ отказывались отъ исполненія приказаній начальника команды, говоря, что они сыны истиннаго Бога, никакихъ властей и новыхъ порядковъ не признаютъ и отъ горнаго штата не отстумаютъ; кромѣ того, не отвѣчали на привѣтствіе начальника команды. За эти преступленія, составляющія по точному смыслу 113 ст. С. В. П. 1869 г. XXII, неповиновеніе, новобранцы (такіе-то—19 человѣкъ), на основаніи 637 ст. С. В. П. XXIV, подлежатъ преданію военному суду.

Но при этомъ, главный военный судъ, соглашаясь съ заключеніемъ по настоящему дѣлу начальника мѣстныхъ войскъ и командующаго войсками Казанскаго военнаго округа, съ своей стороны не могъ не обратить вниманія: во 1-хъ, на то, что обвиняемые по этому дѣлу 19 новобранцевъ, принадлежа, по удостовѣренію увѣщевавшаго ихъ священника, къ раскольнической сектѣ, совершили преступленія подъ вліяніемъ религіознаго заблужденія и усвоеннаго ими ложнаго понятія объ отношеніи къ властямъ, 2-хъ, что при разъединеніи ихъ и удаленіи отъ мѣста родины, можно надѣяться, что они при отсутствіи взаимнаго другъ на друга вліянія, сознаютъ свои заблужденія и, при учрежденіи за ними правильнаго надзора, постепенно усвоятъ настоящія понятія о существующихъ узаконеніяхъ и обязанностяхъ своихъ по службѣ, такъ какъ изъ дѣла видно, что подобная мѣра разъединенія ихъ была уже примѣнена

къ нимъ во время содержанія ихъ въ Пермскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ они были размѣщени по отдѣльнымъ камерамъ и не оказывали противодѣйствія распоряженіямъ начальства, и, наконецъ, 3-хъ, что оставленіе ихъ на службѣ, съ распредѣленіемъ въ разныя части войскъ, можетъ послужить примѣромъ для другихъ подобныхъ сектантовъ въ безуспѣшности упорства при отправленіи воинской повинности, тогда какъ, съ преданіемъ суду, обвиняемые по этому дѣлу, въ случаѣ признанія ихъ виновными въ неповиновеніи начальству могутъ подлежать наказанію, соединенному съ исключеніемъ изъ военнаго вѣдомства, что, при религіозномъ ихъ заблужденіи, можетъ привести ихъ къ убѣжденію въ достиженіи желаемой цѣли.

Поэтому, главный военный судъ опредѣлилъ: означенныя соображенія повергнуть на монаршее его императорскаго величества воззрѣніе и всеподданнѣйше ходатайствовать о томъ, чтобы новобранцевъ (такихъ-то) не предавать военному суду и предоставить командующему войсками Казанскаго военнаго округа распредѣлить всѣхъ упомянутыхъ новобранцевъ въ разныя части войскъ въ округѣ, учредивъ надъ ними особый надзоръ начальства, которому поручить, при содѣйствіи мѣстныхъ священниковъ, кроткими мѣрами и увѣщаніями, стараться привести ихъ къ сознанію ложности ихъ убѣжденій и къ правильному пониманію обязанностей службы".

20-го іюня 1875 года, послѣдовало высочайшее соизволеніе на это ходатайство. Главный военный прокуроръ, стасъ-секретарь Философовъ, сообщилъ командующему войсками Казанскаго военнаго округа о приведеніи въ исполненіе постановленія главнаго военнаго суда относительно 19-ти новобранцевъ-неплательщиковъ.

Но при исполненіи опредѣленія главнаго военнаго суда неожиданно встрѣтились затрудненія. По этому

поводу Пермскій губернскій воинскій начальникъ 26 іюля 1875 г. писалъ губернатору:

„Высочайше утверждено 19 новобранцевъ Красноуфимскаго уѣзда, содержащихся въ Пермскомъ тюремномъ замкѣ за уклоненіе отъ военной службы, отправить по расписанію въ разные полки. Но такъ какъ новобранцы эти скрываютъ свои имена и прозвища, то не представляется возможнымъ выполнить это повелѣніе, безъ опасенія, что каждый изъ нихъ попадетъ не въ ту часть, въ которую назначается.

„Находясь въ такомъ затрудненіи, я покорнѣйше прошу содѣйствія вашего превосходительства къ дознанію ихъ прозвищъ, что, по моему мнѣнію, можетъ быть достигнуто вытребованіемъ изъ Михайловской волости лицъ, которымъ новобранцы эти лично извѣстны".

Получивъ эту бумагу, губернаторъ о содержаніи ея сообщилъ Красноуфимскому уѣздному исправнику, которому онъ, между прочимъ, писалъ: „Препровождая списокъ новобранцевъ, скрывающихъ свои имена и фамиліи, предлагаю вашему высокоблагородію обратиться въ этомъ случаѣ къ содѣйствію мѣстнаго волостного старшины и предложить ему, не признаетъ ли онъ возможнымъ явиться въ г. Пермь для сообщенія именъ и фамилій названныхъ новобранцевъ, въ противномъ случаѣ командировалъ бы для этой цѣли такое лицо, которому лично извѣстны означенные новобранцы". О предоставленіи этому лицу средствъ для проѣзда губернаторъ предлагаетъ исправнику просить уѣздную земскую управу.

По распоряженію исправника, „для уликъ въ настоящихъ именахъ и фамиліяхъ, содержащихся въ замкѣ 19-ти новобранцевъ" были высланы въ Пермь слѣдующія лица отставные унтеръ-офицеры Тимофей Юдинъ и Тимофей Карповъ, сельскій староста Николай Тепикинъ и крестьянинъ Андрей Коровинъ. Только при по-

мощи этихъ лицъ удалось выяснить и установить имена и фамиліи 19-ти новобранцевъ-неплательщиковъ, сидѣвшихъ въ Пермской тюрьмѣ.

V.

Призывъ 1875 года.

Этимъ отнюдь не кончилась борьба или, какъ говорили неплательщики, „брань“ противъ антихриста. Въ слѣдующій призывъ 1875 года, администрація, въ виду приподнятаго настроенія неплательщиковъ, ожидала „новыхъ безпорядковъ“, новаго сопротивленія съ ихъ стороны Поэтому еще задолго до призыва властями начали уже приниматься различныя мѣры, съ помощью которыхъ надѣялись предупредить безпорядки.

Мировой посредникъ Красноуфимскаго уѣзда писалъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Пермскому губернатору:

„Въ октябрѣ прошлаго года, получивъ свѣдѣніе о томъ, что многіе изъ крестьянъ заводовъ Сергинскаго округа и преимущественно Нижне-Сергинскаго намѣрены уклониться отъ вынутія жеребья въ призывъ прошлаго года, я счелъ нужнымъ, для предупрежденія безпорядковъ, созвать въ Нижне-Сергинское волостное правленіе тѣхъ молодыхъ людей и отцовъ ихъ, которые высказывали открыто нежеланіе подчиниться правиламъ устава о военной повинности, для разъясненія имъ новаго закона, и предупредилъ, что ихъ ожидаетъ въ случаѣ отказа отъ исполненія воинской повинности.

„Нынѣ, получивши предложеніе вашего превосходительства, я снова 10 сего апрѣля собралъ въ волостное правленіе молодыхъ людей съ отцами слѣдующаго призыва, прочиталъ высочайшій манифестъ 1 января 1874 г., многія изъ постановленій устава, съ подробными разъясненіями. При этомъ никто изъ собранныхъ крестьянъ никакихъ возраженій не дѣлалъ.

„Но затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, многіе изъ крестьянъ Нижне-Сергинской волости цѣлыми массами явились ко мнѣ съ объявленіями, изъ которыхъ видно, что часть Нижне-Сергинскаго населенія, извѣстнаго подъ именемъ неплательщиковъ, отказывающихся отъ платежа повинностей, между прочимъ, открыто заявляютъ о неподчиненіи правиламъ устава о воинской повинности, слѣдовательно, есть основаніе ожидать, что и въ предстоящій призывъ могутъ повториться случаи отказа отъ вынутія жеребья молодыми людьми заводовъ Сергинскаго округа

„Независимо отъ этого — продолжалъ мировой посредникъ — изъ прилагаемыхъ заявленій крестьянъ видны вообще духъ и направленіе противодѣйствія распоряженіямъ правительственныхъ и мѣстныхъ властей—вредно вліяющіе на остальное заводское населеніе, которое въ цѣломъ составѣ замѣтно уклоняется отъ уплаты повинностей, какъ напримѣръ, общество Верхне-Сергинское. Объ этомъ мною будетъ сдѣлано особое представленіе“.

Въ отвѣтъ на это представленіе мирового посредника, губернаторъ проситъ его „объявить лицамъ, подавшимъ заявленія о нежеланіи отбывать воинскую повинность и платить подати, что, при малѣйшемъ поползновеніи ихъ уклониться отъ исполненія воинской повинности, принадлежащіе къ ихъ средѣ молодые люди призывного возраста будутъ взяты въ военную службу безъ жеребья, подобно тому, какъ это сдѣлано въ прошлый призывъ, а подати взыщутся указанными въ законѣ мѣрами и никакія ихъ заявленія противъ этого не будутъ приняты въ уваженіе“.

Объ этомъ новомъ движеніи среди неплательщиковъ губернаторъ счелъ долгомъ сообщить министру внутреннихъ дѣлъ, при чемъ подробно излагаетъ исторію съ подачей ими заявленій о нежеланіи отбывать воинскую повинность. Губернаторъ отмѣчаетъ, что подъ этими

заявленіями подписалось 115 человѣкъ и что „въ числѣ подписавшихся есть даже женщины".

При этомъ губернаторъ высказываетъ мнѣніе о необходимости „оставить пока безъ преслѣдованія лицъ, подписавшихъ заявленія, по слѣдующимъ соображеніямъ. Если нынѣ же возбудить противъ нихъ преслѣдованіе, то, судя по количеству подписей, судебное слѣдствіе захватитъ всю Нижне - Сергинскую волость, можетъ коснуться другихъ волостей и ничего нѣтъ невѣроятнаго, что не окончится ко времени призыва, а между тѣмъ лица, подлежащія призыву, уйдутъ изъ призывного возраста, и слѣдующій съ уѣзда комплектъ новобранцевъ всею тяжестью упадетъ на тѣ волости, которыя безпрекословно отбываютъ повинность.

„Если же, напротивъ, несмотря ни на какія заявленія такъ называемыхъ неплательщиковъ, оставить ихъ безъ преслѣдованія, взять изъ среды ихъ въ военную службу безъ жеребья лицъ призывного возраста въ случаѣ уклоненія ихъ отъ вынутія такового, то ближайшимъ слѣдствіемъ такого образа дѣйствій будетъ, съ одной стороны, то, что молодые люди призывного возраста изъ волостей, которыя не уклоняются отъ исполненія воинской повинности, не будутъ отбывать этой повинности за волости уклоняющіяся, а съ другой—число неплательщиковъ будетъ постепенно рѣдѣть и, наконецъ, должно потерять всякое значеніе по своей малочисленности.

„Опасеніе, что новобранцы изъ числа неплательщиковъ могутъ вредно повліять на убѣжденія ихъ сослуживцевъ въ военномъ вѣдомствѣ, по моему мнѣнію, не имѣетъ достаточныхъ основаній. Мнѣ извѣстно, что противъ нѣкоторыхъ изъ числа неплательщиковъ, взятыхъ въ первый призывъ безъ жеребья и дозволившихъ себѣ обнаружить свое непризнаніе обязательности воинской повинности уже въ военномъ вѣдомствѣ, со сто-

роны сего послѣдняго возбуждено формальное судебное преслѣдованіе

„Данныя новобранцами изъ неплательщиковъ показанія въ военномъ вѣдомствѣ, насколько мнѣ извѣстно, могутъ быть выражены въ слѣдующей формѣ „Я человѣкъ истиннаго Бога . града настоящаго не имѣю, грядущаго взыскую... странникъ на аминевоіі землѣ".

„Подобный безсмысленный отвѣтъ самъ по себѣ ничего не выражаетъ, и нельзя думать, чтобы отвѣчающими отвѣтъ этотъ былъ обдуманъ надлежащимъ образомъ. Это заученныя фразы, внушенныя новобранцамъ какимъ-нибудь расколоучителемъ.

„Я не считаю себя вправѣ сообщать военному вѣдомству свои соображенія, но думаю, что въ данномъ случаѣ не слѣдовало бы возбуждать формальнаго преслѣдованія, а нужно бы только людей съ подобными убѣжденіями распредѣлить въ разныя, отдаленныя одна отъ другой части военнаго вѣдомства, не оставивъ ихъ, разумѣется, безъ особеннаго вниманія. Строгость военной дисциплины, отсутствіе тѣхъ лицъ, которыми внушены подобныя мысли новобранцамъ и, наконецъ, военная среда—не подлежитъ сомнѣнію, въ непродолжительномъ времени отрезвили бы новобранцевъ, и они могли бы еще быть весьма полезными слугами отечеству".

Министръ внутреннихъ дѣлъ согласился съ соображеніями губернатора „относительно освобожденія отъ формальнаго преслѣдованія крестьянъ Нижне-Сергинской волости, заявившихъ мѣстному мировому посреднику о нежеланіи подчиниться дѣйствію устава о воинской повинности, платить подати и отбывать прочія повинности". По соглашенію съ военнымъ министромъ, онъ „призналъ возможнымъ не возбуждать судебнаго преслѣдованія противъ помянутыхъ крестьянъ, ограничившись распоряженіями, сдѣланными губернаторомъ".

По мѣрѣ приближенія срока призыва, мѣстныя военныя и гражданскія власти проявляли все болѣе

замѣтное безпокойство и ажитацію. Пермскій губернскій воинскій начальникъ предписалъ Красноуфимскому уѣздному воинскому начальнику „командировать въ Михайловскій призывной участокъ 20 нижнихъ чиновъ для устраненія безпорядковъ, могущихъ возникнуть со стороны крестьянъ по поводу выполненія воинской повинности“. Объ этомъ сообщается и по телеграфу, и по почтѣ.

Губернаторъ шлетъ предписанія исправнику и уѣздному присутствію о томъ, чтобы „какъ можно внимательнѣе и осторожнѣе относиться къ дѣлу призыва по Нижне-Сергинской волости“. 5 января 1876 года, Пермскій губернаторъ требуетъ отъ Красноуфимскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія представленія „болѣе подробныхъ свѣдѣній относительно неплательщиковъ не былъ ли ими нарушенъ порядокъ, разысканы ли подлежащіе изъ нихъ поступленію на службу и вообще не было-ли какихъ-либо заслуживающихъ вниманія происшествій во время дѣйствій присутствія по призыву въ 6-мъ Михайловскомъ участкѣ“.

На этотъ запросъ уѣздное присутствіе донесло, что „призываемые изъ числа неплательщиковъ ко дню открытія дѣйствій по призыву въ присутствіе *не явились*“. Вслѣдствіе этого, уже послѣ раздачи жеребьевъ, 3-го декабря, присутствіе сдѣлало распоряженіе чрезъ Михайловское и Нижне-Сергинское волостныя правленія о представленіи ихъ (силою) къ освидѣтельствованію, что и было исполнено на другой же день со стороны Михайловскаго волостнаго правленія.

„При освидѣтельствованіи, призываемые неплательщики упорно отказывались раздѣваться и становиться въ станокъ для измѣренія роста, не отвѣчали ни на одинъ вопросъ присутствія и не объявляли даже своихъ именъ, а потому, какъ измѣреніе роста, такъ и осмотръ тѣлосложенія были произведены насильно, съ помощью полицейской стражи.

„Неплательщики Нижне-Сергинской волости въ числѣ 8 человѣкъ, за непредставленіемъ ихъ въ призывной участокъ были освидѣтельствованы уже по окончаніи дѣйствій присутствія въ уѣздѣ, именно 15-го декабря, въ г. Красноуфимскѣ, куда они были представлены полиціею. Эти лица еще упорнѣе сопротивлялись при освидѣтельствованіи, такъ что присутствіе лишено было всякой возможности измѣрить ихъ ростъ и осмотрѣть тѣлосложеніе, почему вынуждено было произвести осмотръ по наружному виду „безъ измѣренія роста“

Всего неплательщиковъ въ призывъ 1875 г. было принято 13 человѣкъ Но и по пріемкѣ на службу, эти новобранцы вели себя точно такъ же, какъ новобранцы-неплательщики призыва прошлаго 1874 года. Объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующаго сообщенія Пермскаго губернскаго воинскаго начальника на имя губернатора.

„При осмотрѣ и повѣркѣ, прибывшей 4 января изъ г. Красноуфимска, партіи новобранцевъ, предназначенныхъ на службу въ войска Туркестанскаго военнаго округа, въ числѣ 71 человѣка, 13 человѣкъ, принятыхъ на службу безъ жеребья въ Михайловскомъ участкѣ, на перекличкѣ не откликнулись, и никто изъ нихъ при отдѣльномъ опросѣ именъ своихъ не объявилъ, подобно прошлогоднимъ 19 новобранцамъ, называя себя „сынами Божіими“.

Въ виду этого, воинскій начальникъ просилъ губернатора сдѣлать распоряженіе о вызовѣ въ Пермь людей, которые могли бы „уличить“ принятыхъ на службу новобранцевъ-неплательщиковъ. Вслѣдствіе этого, высланы были отставной унтеръ-офицеръ Тимофей Юдинъ и полицейскій сотникъ Михайловской волости Андрей Сухановъ, которые и установили имена и фамиліи новобранцевъ-неплательщиковъ.

Такимъ образомъ, за два призыва 1874 и 1875 гг., отказалось отъ военной службы 32 новобранца. Затѣмъ,

постепенно съ каждымъ призывомъ, число неплательщиковъ, которые отказывались отъ воинской повинности, становилось все меньше и меньше. Въ началѣ 80-хъ годовъ такихъ лицъ въ каждый призывъ было по одному, по два неплательщика, не больше Такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли члены Красноуфимскаго уѣзднаго по воинской повинности присутствія и мѣстный воинскій начальникъ П. В. Левашевъ.

VI.

Судьба новобранцевъ-неплательщиковъ.

Какова была дальнѣйшая судьба всѣхъ этихъ людей? Свѣдѣнія, собранныя мною по этому поводу, говорятъ за то, что судьба эта была въ высокой степени печальна. Къ сожалѣнію, документально прослѣдить дальнѣйшую судьбу неплательщиковъ, сданныхъ безъ жеребья въ военную службу, мнѣ удалось лишь въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ. Я приведу здѣсь одинъ изъ такихъ случаевъ,—какъ нельзя болѣе характерный.

Въ 1877 году главный штабъ военнаго министерства, обратился къ Пермскому губернатору со слѣдующимъ отношеніемъ: изъ 19 новобранцевъ, которые въ призывъ 74 года, „подъ вліяніемъ религіознаго заблужденія“, отказались отъ военной службы и были приняты безъ жеребья, рядовой Григорій (вѣроятно, Гурій) Зубаревъ, „былъ признанъ впослѣдствіи нуждающимся, по роду болѣзни, во временномъ освобожденіи отъ службы и, по существующимъ правиламъ, подлежалъ увольненію въ отпускъ, для поправленія здоровья, но по свойству его заблужденія это было признано несоотвѣтственнымъ, такъ какъ единомышленники его могли увидѣть въ появленіи его на родинѣ, подъ предлогомъ болѣзни, средство уклониться отъ военной службы и найти въ этомъ основаніе къ еще большему упорству въ своихъ заблужденіяхъ.

„Поэтому Зубаревъ былъ переведенъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ Кутаисскую мѣстную команду съ тѣмъ, чтобы для поправленія разстроеннаго здоровья былъ совершенно освобожденъ отъ несенія служебныхъ обязанностей въ теченіе года, а по окончаніи этого срока былъ бы переосвидѣтельствованъ и о результатахъ этого было бы сообщено главному штабу для дальнѣйшаго распоряженія

„Между тѣмъ, Зубаревъ, какъ нынѣ оказалось, будучи признанъ при освидѣтельствованіи вновь нуждающимся въ освобожденіи отъ службы для поправленія здоровья, уволенъ, по недоразумѣнію, въ отпускъ на родину, въ Пермскую губернію, на одинъ годъ

„Нынѣ же возбужденъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли возвратить Зубарева обратно въ свою команду или оставить въ отпуску на родинѣ?

„Для разрѣшенія этого вопроса, главный штабъ проситъ ваше превосходительство, по собраніи надлежащихъ справокъ, увѣдомить: какъ ведетъ себя нынѣ Зубаревъ, не созналъ ли онъ ложности своихъ убѣжденій и можетъ ли оставаться на родинѣ безъ вреднаго вліянія на своихъ единомышленниковъ?"

Получивъ этотъ запросъ, губернаторъ въ свою очередь требуетъ свѣдѣній о Зубаревѣ отъ уѣзднаго исправника. Послѣдній доноситъ „Зубаревъ со дня прибытія своего на родину (Нижне-Сергинскій заводъ) и по настоящее время ведетъ себя безукоризненно, разстройства между молодыми людьми, находящимися подъ вліяніемъ религіознаго заблужденія, никакого не дѣлалъ и не дѣлаетъ. Появленіе Зубарева на родину никакихъ вредныхъ послѣдствій на его единомышленниковъ не производитъ. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что въ минувшій призывъ изъ всѣхъ призванныхъ на службу молодыхъ людей Нижне-Сергинскаго заводскаго общества не желалъ взять призывной жеребій только одинъ крестьянинъ Смольниковъ.

„Рядовой Зубаревъ ложности своихъ убѣжденій все еще не сознаетъ, въ чемъ на него имѣетъ сильное вліяніе родная мать, живущая съ нимъ вмѣстѣ, которая, какъ самая закоренѣлая неплательщица податей, подъ угрозами проклятія, не дозволяетъ ему называться солдатомъ и носить военную одежду, а потому и Зубаревъ, хотя и не пренебрегаетъ военной одеждой, но при спросѣ называетъ себя не солдатомъ, а „человѣкомъ истиннаго Бога“, „странникомъ на сей землѣ“,—и на убѣжденія мѣстныхъ властей оставить заблужденіе отвѣчаетъ всегда одно, что не можетъ переступить материнскаго благословенія. За всѣмъ этимъ Зубаревъ, по отзыву волостнаго и сельскаго начальства, можетъ оставаться на родинѣ безъ вреднаго вліянія на своихъ единомышленниковъ“.

Я заинтересовался вопросомъ чѣмъ собственно болѣлъ Зубаревъ? Съ этой цѣлью я разспрашивалъ его родственниковъ, односельцевъ и другихъ лицъ, которыя близко знали его. Вотъ что мнѣ пришлось узнать по этому поводу.

Зубаревъ былъ здоровый и сильный парень могучаго тѣлосложенія. Но съ момента пріема его на службу онъ началъ подвергаться жестокимъ и варварскимъ избіеніямъ за то, что онъ рѣшительно отказывался исполнять приказанія военнаго начальства. Онъ не хотѣлъ надѣвать солдатской одежды, отказывался брать въ руки ружье, не откликался на перекличкахъ и т. д.

За все это его жестоко били и истязали унтеръ-офицеры, фельдфебели и т. д. „Смертнымъ боемъ били“,—говорили крестьяне. Въ результатѣ этихъ систематическихъ избіеній было то, что Зубаревъ изъ здороваго, цвѣтущаго парня обратился въ хилаго, слабаго, больного, чахоточнаго человѣка, котораго военныя власти принуждены были отправить на родину „для поправленія здоровья“.

Если и теперь лица, отказывающіяся отъ военной

службы, зачастую подвергаются избіеніямъ, то въ 70-хъ годахъ подобное отношеніе къ такого рода новобранцамъ составляло самое обычное, заурядное явленіе. Тѣмъ болѣе, что въ то время еще живы были традиціи николаевской солдатчины, когда въ полной силѣ царило правило: „за битаго двухъ небитыхъ даютъ".

Другихъ неплательщиковъ „за ослушаніе" и „сопротивленіе" морили въ сырыхъ, холодныхъ карцерахъ, въ тюрьмахъ и острогахъ, морили цѣлыми годами...

Зубаревъ, хотя и калѣкой, но все же вернулся на родину, между тѣмъ многіе изъ неплательщиковъ, принятыхъ въ призывы 1874 и 75 г., такъ и погибли на службѣ, вдали отъ родины и родныхъ.

VII.

Демонстраціи.

Но и послѣ этихъ тяжелыхъ пораженій неплательщики не хотѣли сдаться, не хотѣли признать себя побѣжденными. Глубоко вѣря въ свою правоту, они попрежнему продолжали упорную борьбу съ антихристомъ, воплощеніе котораго видѣли въ царѣ, въ государственныхъ и церковныхъ властяхъ, въ ихъ политикѣ, въ ихъ отношеніи къ правамъ, нуждамъ и интересамъ народныхъ массъ.

Основной характеръ этой борьбы оставался прежній и выражался, главнымъ образомъ, въ пассивномъ протестѣ, въ пассивномъ сопротивленіи всѣмъ распоряженіямъ, исходившимъ отъ властей. Но появлялись и новыя формы борьбы, совершенно необычныя для нашего крестьянства и до тѣхъ поръ совершенно ему неизвѣстныя. Это—публичныя выступленія демонстративнаго характера, какъ единичныя, такъ и коллективныя

Съ конца 70-хъ годовъ неплательщики начинаютъ устраивать разныя демонстраціи религіозно-политиче-

скаго характера съ цѣлью заявить свой протестъ противъ власти антихриста, подчинившаго себѣ и государство и церковь.

Я разскажу здѣсь объ одномъ изъ такихъ выступленій, которое происходило въ Михайловскомъ заводѣ въ праздникъ Вознесенія 25 мая 1878 года и которое среди мѣстнаго населенія извѣстно подъ именемъ „демонстраціи у памятника".

Въ этотъ день было назначено торжественное молебствіе по случаю „чудеснаго избавленія государя императора отъ грозившей ему въ Парижѣ опасности" (покушеніе Березовскаго). Молебствіе было назначено на площади около памятника, построеннаго въ воспоминаніе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Неплательщики, очевидно, нашли, что этотъ день является наиболѣе подходящимъ для ихъ публичнаго и демонстративнаго выступленія.

И вотъ, въ тотъ моментъ, какъ мѣстный священникъ Василій Горный началъ совершать молебствіе, изъ толпы народа, собравшагося вокругъ памятника, выдѣлилась группа крестьянъ неплательщиковъ. Ихъ было десять человѣкъ разнаго возраста: Андрей Алексѣевъ Ананьинъ, 19 лѣтъ; Дмитрій Ермолаевъ Бараковскихъ, 63 лѣтъ; Петръ Макаровъ Кобяковъ, 33 лѣтъ; Ефимъ Петровъ Дайбовъ, 31 года; Степанъ Ѳедоровъ и сынъ его Ѳедоръ Степановъ Шатохины, 64 и 23 лѣтъ; Егоръ Герасимовъ Цыгановъ, 28 лѣтъ; Михаилъ Ивановъ Симоновъ, также 28 лѣтъ; и отпускной солдатъ Гурьянъ Васильевъ Зубаревъ, 24 лѣтъ. Послѣдній, очевидно, нашъ знакомый, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ.

Вся эта группа лицъ, не снимая шапокъ, пробралась къ самому мѣсту совершенія богослуженія, при чемъ трое изъ нихъ: Ананьинъ, Бараковскихъ и Ѳедоръ Шатохинъ, приблизившись къ священнику, начали кричать·

— Кому вы молитесь?! . За кого вы молитесь?!

Остальные демонстранты подхватили эти крики

Полиція бросилась на участниковъ демонстраціи, и всѣ десять человѣкъ были тутъ же арестованы и заключены въ арестантскую при волостномъ правленіи. Здѣсь они были подвергнуты допросу, но демонстранты держали себя, какъ настоящіе конспираторы они не только не дали никакихъ объясненій по поводу своего поведенія, но даже отказались объявить свои имена

Слѣдствіемъ было установлено, что происшествіе это явилось результатомъ „фанатическихъ взглядовъ со стороны неплательщиковъ, не признающихъ на землѣ ни церкви, съ ея таинствами и обрядами, ни правительства, и именующихъ себя „сынами Божіими“ и „странниками“.

Затѣмъ было выяснено, что демонстрація эта подготовлялась заранѣе со стороны неплательщиковъ, которые готовились сдѣлать публичное изобличеніе православія, точнѣе говоря, антихриста, и не скрывали, что избрали для этого день 25 мая, когда было назначено благодарственное молебствіе по поводу избавленія государя отъ грозившей ему опасности Мѣстныя волостныя и сельскія власти также знали о замыслѣ неплательщиковъ и были наготовѣ, благодаря этому обстоятельству, своеобразная демонстрація, устроенная неплательщиками, была быстро прекращена, и священникъ получилъ возможность окончить молебенъ.

Привлеченные къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ, участники демонстраціи продолжали держать себя крайне конспиративнымъ, а нѣкоторые и вызывающимъ образомъ. Одни изъ нихъ отказались отъ всякихъ показаній и на всѣ вопросы слѣдователя отвѣчали упорнымъ молчаніемъ. Другіе же, не отрицая своего присутствія на площади у памятника 25 мая, заявили, что приходили туда „для изобличенія антихриста, уподобляющагося Богу“. При этомъ слѣдова-

теля обвиняемые называли предтечею и слугою антихриста, отъ полученія обвинительнаго акта они (за исключеніемъ Кобякова и Дайбова) отказались.

Демонстранты судились въ Пермскомъ окружномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ богохульствѣ. Изъ показаній свидѣтелей, бывшихъ на судѣ, особенный интересъ представляютъ показанія Михайловскаго волостного старшины Грязнова и священника Василія Горнаго, совершавшаго молебствіе. По словамъ старшины, секта неплательщиковъ образовалась лѣтъ 12 назадъ (слѣдовательно, около половины 60-хъ годовъ) въ средѣ тѣхъ крестьянъ, которые вслѣдствіе разныхъ причинъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ религіею, отказались отъ платежа податей. Сначала эти крестьяне не платили только податей, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличались отъ остальнаго населенія, религіозную же секту они образовали изъ себя лѣтъ 12 назадъ, при чемъ стали называть себя „сынами Божіими“ и „странниками на сей землѣ“ Съ этихъ поръ они перестали ходить въ церковь, начали отрицать таинства брака и крещенія, перестали хоронить по церковному обряду Въ Михайловской волости такихъ сектантовъ около тридцати дворовъ Въ 1869 году изъ числа этихъ неплательщиковъ, по общественному приговору, было сослано въ Сибирь до 30 человѣкъ за неплатежъ податей

Въ заключеніе своего показанія старшина высказалъ убѣжденіе, что если подсудимые не будутъ отправлены въ Сибирь, то „тогда и другіе крестьяне совратятся въ ихъ вѣру, такъ какъ идетъ толкъ, что съ неплательщиками, молъ, ничего не дѣлаютъ, стало быть, они поступаютъ правильно“

Священникъ Василій Горный, разсказавъ на судѣ о происшествіи у памятника, согласно съ обвинительнымъ актомъ, дополнилъ, что всѣ подсудимые были „трезвы, но чрезвычайно остервенѣлы“ (особенно Ѳедоръ Шато-

хинъ), такъ что, „при видѣ ихъ звѣрскаго ожесточенія", онъ опасался за свою жизнь. Въ испугѣ онъ хотѣлъ даже остановить служеніе молебна, но въ это время явился старшина и арестовалъ хулителей святыни и нарушителей общей молитвы".

„Испугъ, происшедшій со мною отъ вышеозначенныхъ лицъ,—заключилъ священникъ свое показаніе,—при появленіи старшины сталъ проходить, и я, собравшись съ духомъ бодрости, совершилъ полный молебенъ и окончилъ его многолѣтіемъ за отца отечества и его царствующій домъ"

Присяжные вынесли обвинительный приговоръ относительно семи подсудимыхъ, при чемъ признали, что они дѣйствовали по невѣжеству. Кобякова и Дайбова оправдали. Судъ приговорилъ стариковъ къ заключенію въ тюрьмѣ на годъ, а остальныхъ—къ полугодовому заключенію. Одинъ изъ обвиняемыхъ, Степанъ Шатохинъ, умеръ въ острогѣ, вторично обвиняемый слѣдователемъ по такому же дѣлу

Какъ извѣстно, 6 декабря 1876 года въ Петербургѣ, на Казанской площади была устроена политическая демонстрація, въ которой участвовали Боголюбовъ, Плехановъ и другіе представители тогдашняго радикальнаго народничества. Эта первая въ Россіи политическая демонстрація произвела сильное впечатлѣніе на общество и вызвала массу слуховъ и толковъ въ народѣ. Въ слѣдующемъ 1877 году происходилъ судъ надъ участниками этой демонстраціи.

Когда, спустя годъ послѣ этого суда, неплательщики Михайловскаго завода устроили демонстрацію на площади у памятника въ честь 19 февраля 1861 года, то нѣкоторые уральцы и пермяки склонны были объяснять это выступленіе вліяніемъ казанской демонстраціи.

Позднѣе, когда я попалъ на Уралъ и сошелся съ неплательщиками, проживъ среди нихъ цѣлое лѣто,

я старался выяснить, насколько справедливо приведенное объясненіе. При этомъ мнѣ совершенно неожиданно удалось натолкнуться на цѣлый рядъ фактовъ, которые, несомнѣнно, устанавливали существованіе извѣстныхъ отношеній между неплательщиками и радикалами-народниками эпохи „хожденія въ народъ“.

Я узналъ, что нѣкоторые изъ пропагандистовъ народниковъ были на Уралѣ у неплательщиковъ. Позднѣе я получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія по этому поводу отъ Дмитрія Александровича Клеменца и другихъ лицъ, „ходившихъ въ народъ“. Но о томъ, въ чемъ именно выразились сношенія радикаловъ-народниковъ того времени съ неплательщиками, и какое вліяніе оказали эти сношенія на настроеніе неплательщиковъ и на ихъ дальнѣйшую тактику, я буду говорить въ одной изъ слѣдующихъ своихъ работъ.

Еще недавно было почти невозможно затрагивать подобнаго рода темы, такъ какъ этимъ можно было навлечь серьезныя и крупныя непріятности со стороны властей на головы людей, ни въ чемъ неповинныхъ. Но теперь всѣ эти препятствія сметены революціей, и потому мы надѣемся въ ближайшее время использовать въ полной мѣрѣ тотъ глубоко интересный матеріалъ, который собранъ нами и который рисуетъ перепетіи борьбы уральскихъ неплательщиковъ съ антихристомъ, или, точнѣе говоря, съ царизмомъ.

БОГОЧЕЛОВЪКИ.

Богочеловѣки.

I.

Для тѣхъ читателей, которые, быть можетъ, никогда не слыхали о „богочеловѣкахъ“, спѣшимъ пояснить, что подъ этимъ именемъ у насъ были извѣстны послѣдователи религіозно-этическаго ученія, возникшаго въ средѣ русской интеллигенціи въ 70-хъ годахъ, въ самый разгаръ „хожденія въ народъ“.

„Богочеловѣчество“, безъ сомнѣнія, представляетъ немалый интересъ, какъ одно изъ проявленій религіозныхъ исканій, которыя отъ времени до времени захватываютъ интеллигентные слои нашего общества. Интересъ этотъ еще болѣе возрастаетъ въ виду того, что религіозныя исканія на этотъ разъ захватили среду молодежи, при томъ очень активной, соціалистически настроенной, т.-е. той части молодежи, которая въ большинствѣ, въ массѣ, обыкновенно остается совершенно равнодушной и даже совсѣмъ чуждой интересамъ религіознаго характера.

Но къ этому присоединяется еще особый, спеціальный интересъ вслѣдствіе тѣхъ связей, тѣхъ отношеній, которыя несомнѣнно существовали между „богочеловѣчествомъ“ и Львомъ Толстымъ Какъ теперь выясняется, основатель этого ученія и нѣкоторые изъ его ближайшихъ послѣдователей стояли очень близко къ Л. Н.

Толстому, находились съ нимъ въ постоянныхъ отношеніяхъ.

Фактъ этотъ получаетъ еще большее значеніе въ виду того, что знакомство великаго писателя съ „богочеловѣками“ какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ его жизни, когда его собственныя религіозныя искания пріобрѣли особенную остроту.

По словамъ Толстого, онъ всегда стремился къ отысканію смысла жизни, и только сложныя внѣшнія явленія и событія и его собственныя страсти и увлеченія отодвигали это рѣшеніе вопросовъ жизни. Но къ концу 70-хъ годовъ эти искания начинаютъ принимать опредѣленныя, законченныя формы, выливаются въ извѣстную систему, извѣстные тезисы. Къ этому именно времени относится и знакомство Льва Николаевича съ „богочеловѣками“.

Въ 1878 году Толстой пишетъ Страхову. „У меня живетъ учителемъ математики кандидатъ петербургскаго университета, прожившій два года въ Канзасѣ, въ Америкѣ, въ русскихъ колоніяхъ коммунистовъ. Благодаря ему, я познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ социалистовъ, тѣхъ самыхъ которыхъ теперь судятъ *) Но и эти люди пришли къ необходимости остановиться въ преобразовательной дѣятельности и прежде поискать религіозныя основы. Со всѣхъ сторонъ, всѣ умы обращаются на то самое, что мнѣ не даетъ покоя“ **)

Учителемъ математики старшихъ сыновей Льва Николаевича, какъ извѣстно, былъ въ то время „кандидатъ петербургскаго университета“ Василій Ивановичъ Алексѣевъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ Толстого, который называлъ его въ своихъ письмахъ

*) Въ это время въ Петербургѣ происходилъ процессъ 193-хъ, къ которому, какъ извѣстно, были привлечены главнымъ образомъ лица, „ходившія въ народъ“.

**) „Письма Л. Н. Толстого“, томъ второй, 1911 г., стр. 53.

„милымъ другомъ". Алексѣевъ, находившійся сначала подъ сильнымъ вліяніемъ народническихъ идей, которыми вдохновлялась тогда наша молодежь, вскорѣ однако увлекся „богочеловѣчествомъ" и сдѣлался однимъ изъ видныхъ послѣдователей этого ученія.

Далѣе я буду еще имѣть случай болѣе подробно говорить объ Алексѣевѣ и объ его участіи въ американской общинѣ, о которой вскользь упоминаетъ Толстой, теперь же мнѣ хотѣлось бы обратить вниманіе читателей на слова Льва Николаевича изъ только что приведеннаго письма о томъ, что, благодаря Алексѣеву онъ „познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ"

О комъ говоритъ здѣсь Толстой? Кто были эти лица, я въ точности не знаю, но мнѣ извѣстно, что Левъ Николаевичъ познакомился черезъ Алексѣева съ А. К Маликовымъ, который былъ основателемъ богочеловѣчества и организаторомъ русской общины въ Америкѣ. Толстой очень скоро сблизился съ Маликовымъ, такъ какъ у нихъ сразу же нашлась общая почва—глубокое убѣжденіе въ томъ, что безъ религіи не можетъ жить человѣчество.

Хотя впослѣдствіи, уже значительно позднѣе, Толстой въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ разошелся съ Маликовымъ, такъ какъ послѣдній подъ вліяніемъ пережитыхъ потрясеній и тяжелыхъ утратъ отказался отъ идей, послужившихъ основаніемъ для богочеловѣчества, и вернулся въ церковное православіе, тѣмъ не менѣе великій писатель не переставалъ относиться къ Маликову съ глубокимъ уваженіемъ.

Но, кромѣ Алексѣева и Маликова, къ Толстому былъ очень близокъ еще одинъ „богочеловѣкъ" — Алексѣй Алексѣевичъ Бибиковъ, который долгое время состоялъ управляющимъ его самарскаго имѣнія. Наконецъ, позднѣе—въ 1886-1887 гг —Толстому пришлось довольно близко познакомиться и сойтись съ Вильямомъ

Фреемъ*), который хотя и не былъ настоящимъ „богочеловѣкомъ“, такъ какъ являлся убѣжденнымъ послѣдователемъ Огюста Конта, но во многомъ раздѣлялъ идеи Маликова и былъ членомъ американской общины „богочеловѣковъ“.

Есть основанія думать, что продолжительное знакомство и сношенія съ богочеловѣками не могли пройти безслѣдно для Толстого, не могли не влять извѣстнымъ образомъ на направленіе и характеръ его религіозныхъ и этическихъ идей и убѣжденій, которыя въ это время складывались и формировались въ опредѣленную религіозно-философскую доктрину.

Въ виду этого, полагаемъ, будетъ небезынтересно поближе познакомиться какъ съ самымъ ученіемъ „богочеловѣковъ“, такъ и съ личностью его основателя и съ фигурами его главныхъ послѣдователей и участниковъ, насколько это позволяютъ матеріалы, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи.

Обо всемъ этомъ въ печати имѣются лишь самыя скудныя и отрывочныя свѣдѣнія. Первыя свѣдѣнія о „богочеловѣкахъ“ или „маликовцахъ“ появились въ заграничной печати. Базельскій профессоръ Тунъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ о революціонномъ движеніи въ Россіи приводитъ слѣдующія данныя о Маликовѣ и его ученіи: „Въ началѣ 1874 года вокругъ Маликова, привлекавшагося еще по каракозовскому дѣлу и находившагося тогда подъ полицейскимъ надзоромъ въ Орлѣ, собралось нѣсколько десятковъ энтузіастовъ, такъ называемыхъ „богочеловѣковъ“, которые утверждали, что въ каждомъ человѣкѣ живутъ добрыя свойства: любовь къ ближнему, готовность пожертвовать собой, и что даже въ самомъ ничтожномъ субъектѣ находится эта „искра божія“. Необходимо только про-

*) О сношеніяхъ Толстого съ Фреемъ см статью П. И. Бирюкова: „Л. Н. Толстой и Вильямъ Фрей“. „Минувшіе годы“, 1908 г. № 9.

будить ее въ людяхъ проповѣдью, укрѣпить въ нихъ „божественное начало“, т.-е. идею равенства и братства. Согласно своему ученію, эта мистическая секта совершенно отказалась отъ всякаго революціоннаго насилія, а ея основатель Маликовъ попытался даже, когда былъ арестованъ, подѣйствовать на прокурора и раздуть находившуюся въ немъ „божественную искру“ въ пламя любви къ человѣчеству. Это удалось ему въ томъ смыслѣ, что прокуроръ объявилъ мечтателя сумасшедшимъ и не препятствовалъ ему и его товарищамъ переселиться въ Сѣверную Америку. Попытка ихъ устроить тамъ коммунистическія земледѣльческія колоніи была неудачна; они скоро очутились въ страшной нуждѣ и черезъ 2—3 года вернулись въ Европу“ *). Вотъ и все.

Въ русской печати за послѣднія десять лѣтъ въ разныхъ воспоминаніяхъ изъ жизни 70-хъ годовъ нерѣдко мелькаетъ имя Маликова и упоминанія о „богочеловѣчествѣ“, но всегда вскользь, мимоходомъ. Такъ, напримѣръ, бывшій шлиссельбуржецъ М. Ф. Фроленко въ своихъ воспоминаніяхъ удѣляетъ „богочеловѣкамъ“ лишь нѣсколько строкъ. По его словамъ, Маликовъ велъ „горячую проповѣдь о возрожденіи людей путемъ вѣры въ то, что люди—боги, что стоитъ людямъ повѣрить въ это (найти въ себѣ бога,—какъ выражались тогда) и съ нихъ спадетъ кора всѣхъ порочныхъ страстей и чувствъ, и они превратятся въ непорочныхъ агнцевъ, неспособныхъ ни на что злое, дурное. Міръ быстро обновится и на землѣ водворится земной рай“ **).

Въ нашей печати имѣется лишь одна статья, спеціально посвященная Маликову и его ученію, это статья г. Фаресова, подъ заглавіемъ: „Одинъ изъ семидесят-

*) Тунъ „Исторія революціоннаго движенія въ Россіи“. Переводъ Л. Ш, стр. 108.

**) „Изъ далекаго прошлаго“ М. Ф. Фроленко. „Минувшіе годы“, 1908 г. № 7, стр. 96.

никовъ", напечатанная въ „Вѣстникѣ Европы" 1914 г. № 9). Основываясь на своихъ личныхъ воспоминаніяхъ, г. Фаресовъ подробно разсказываетъ въ этой статьѣ о встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Маликовымъ, котораго онъ зналъ какъ въ Орлѣ, въ 1873-74 гг., такъ и въ послѣдніе годы его жизни.

Конечно, довольно трудно судить о томъ, насколько точно удалось г Фаресову воспроизвести свои разговоры съ Маликовымъ, изъ которыхъ первые по времени, представляющіе наиболѣе существенное значеніе, имѣли мѣсто болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Но во всякомъ случаѣ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Фаресовымъ объ ученіи Маликова, носятъ слишкомъ поверхностный, неопредѣленный характеръ и очень мало уясняютъ сущность міровоззрѣнія „богочеловѣковъ" *) Можно думать даже, что религіозно-утопическое теченіе 70-хъ годовъ въ статьѣ г. Фаресова получило совершенно невѣрное освѣщеніе. По крайней мѣрѣ, объ этомъ очень рѣшительно заявилъ въ печати одинъ изъ самыхъ выдающихся участниковъ этого движенія Н В Чайковскій, въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1905 г. № 5).

Мы будемъ рады, если намъ удастся хотя до нѣкоторой степени возстановить истинный характеръ этого движенія.

II.

Ученіе „богочеловѣковъ" возникло въ 1874 году, какъ мы уже замѣтили, въ самый разгаръ „хожденія въ народъ".

Основатель этого ученія Александръ Капитоновичъ

---

*) Справедливость требуетъ однако отмѣтить, что въ статьѣ г. Фаресова имѣются очень интересныя подробности относительно пребыванія „богочеловѣковъ" въ Америкѣ и объ ихъ жизни въ общинѣ,—записанныя со словъ Малакова.

Маликовъ, по общему мнѣнію людей, знавшихъ его лично, являлся человѣкомъ очень крупнымъ, въ которомъ здоровый и трезвый реализмъ какъ-то непостижимо уживался съ религіозно-мистическими стремленіями и исканіями. А знали Маликова многіе изъ лучшихъ и выдающихся представителей нашей интеллигенціи, такъ, напримѣръ, съ нимъ были хорошо и близко знакомы Владиміръ Галактіоновичъ Короленко, Николай Федоровичъ Анненскій и др.

Маликовъ происходилъ изъ зажиточной крестьянской семьи Владимірской губерніи, образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, по окончаніи котораго поступилъ на службу по судебному вѣдомству, при чемъ вскорѣ былъ назначенъ на должность судебнаго слѣдователя въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губ. Но недолго ему пришлось служить здѣсь.

Въ 1866 году онъ былъ привлеченъ по дѣлу каракозовцевъ, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, А. А. Бибиковымъ, который одновременно съ нимъ служилъ мировымъ посредникомъ въ томъ же Жиздринскомъ уѣздѣ. Затѣмъ идутъ обычныя послѣдствія такого „привлеченія“: арестъ, крѣпость, судебный процессъ и, наконецъ, ссылка въ Архангельскую губернію, подъ надзоръ полиціи.

Чтобы точнѣе опредѣлить себѣ роль и участіе Маликова и Бибикова въ каракозовскомъ дѣлѣ, необходимо прежде всего припомнить, что въ этомъ движеніи слились тогда два различныхъ теченія. „Одно изъ нихъ — говоритъ кн. П. А. Кропоткинъ — представляло въ зародышѣ то движеніе „въ народъ“, которое впослѣдствіи приняло такіе громадные размѣры, второе же имѣло характеръ чисто политическій. Нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ вышли бы блестящіе профессора, выдающіеся историки и этнографы, рѣшили въ 1864 году стать, несмотря на всѣ препятствія со стороны правительства, носителями знанія и просвѣщенія среди народа. Они селились, какъ простые работники, въ боль-

шихъ промышленныхъ городахъ, устраивали тамъ кооперативныя общества, открывали негласныя школы. Они надѣялись, что при извѣстномъ тактѣ и терпѣніи имъ удастся воспитать людей изъ народа и, такимъ образомъ, создать центры, изъ которыхъ постепенно среди массъ будутъ распространяться лучшія и болѣе высокія идеи. Для осуществленія плана были пожертвованы большія состоянія; любви и преданности дѣлу было очень много... Съ другой стороны, Каракозовъ, Ишутинъ и нѣкоторые другіе члены кружка придали движенію чисто политическій характеръ" *).

Всѣ данныя, которыя имѣются въ нашихъ матеріалахъ, заставляютъ думать, что какъ Маликовъ, такъ и Бибиковъ несомнѣнно принадлежали къ первой группѣ каракозовцевъ, т. е. къ тѣмъ именно лицамъ, которыя на первый планъ выдвигали культурно-просвѣтительныя цѣли и задачи и дальше мирной пропаганды соціалистическихъ идей не шли. Отправляясь на службу въ Жиздринскій уѣздъ Калужской губерніи, въ которомъ находятся извѣстные Мальцевскіе заводы, они мечтали о дѣятельности на пользу рабочаго населенія этихъ заводовъ. Однако дѣятельность эта продолжалась очень недолго, такъ какъ вскорѣ послѣдовалъ арестъ, а затѣмъ и ссылка.

Первые годы ссылки на далекомъ сѣверѣ Маликову пришлось прожить въ крохотномъ и захолустномъ уѣздномъ городкѣ — Холмогорахъ — при крайне тяжелыхъ условіяхъ, безъ всякой работы и службы, если не считать занятій въ мѣстномъ архивѣ. Съ переводомъ въ Архангельскъ Маликовъ получилъ возможность начать работы по изслѣдованію крайняго сѣвера и занять мѣсто секретаря архангельскаго губернскаго статистическаго комитета.

---

*) П. А. Кропоткинъ: „Записки революціонера", Лондонъ, 1902 г. стр. 239.

Но жизнь въ Архангельскѣ, въ силу его отдаленности и отсутствія желѣзной дороги, а также въ виду суровыхъ климатическихъ условій, не могла не тяготить Маликова. Поэтому, какъ только состоялось освобожденіе его отъ надзора полиціи, — онъ спѣшитъ оставить суровый сѣверъ и въ 1872 г. переѣзжаетъ въ г. Орелъ на службу въ управленіе желѣзной дороги *).

Проходитъ годъ, другой, и Маликова вдругъ всецѣло захватываетъ волна религіозно-соціалистическаго увлеченія, которое, особенно на первыхъ порахъ, выражалось очень ярко и носило характеръ настоящаго религіознаго экстаза. О томъ, какъ и подъ какими вліяніями совершился въ Маликовѣ этотъ рѣзкій переломъ, послѣ котораго онъ вдругъ выступилъ въ роли религіознаго реформатора, до сихъ поръ въ точности почти ничего неизвѣстно

Необходимо сказать, что въ Орлѣ Маликовъ вращался, главнымъ образомъ, среди молодежи, которая въ то время была охвачена горячимъ стремленіемъ „служить народу“, „итти въ народъ“ для пропаганды соціалистическихъ идей Маликовъ, какъ человѣкъ съ политическимъ прошлымъ, пользовался въ кружкахъ тогдашней радикально настроенной молодежи всеобщимъ уваженіемъ и даже авторитетомъ. Этому еще болѣе способствовали его личныя достоинства, а также его знакомство съ нѣкоторыми изъ наиболѣе видныхъ вождей народническаго движенія того времени, какъ, напримѣръ, съ Порфиріемъ Войнаральскимъ и, наконецъ, дружба его съ Н. В. Чайковскимъ и другими.

Молодые пропагандисты изъ числа студентовъ, офицеровъ и курсистокъ, отправляясь въ народъ, считали полезнымъ побывать въ Орлѣ у Маликова, чтобы получить отъ него разныя свѣдѣнія, указанія практическаго характера, рекомендаціи къ нужнымъ и полезнымъ людямъ и т. д.

---

*) „Негласный“ полицейскій надзоръ за Маликовымъ оставался и въ Орлѣ

Собственно говоря, Маликовъ никогда не былъ революціонеромъ, въ прямомъ значеніи этого слова, хотя его страстный темпераментъ, съ одной стороны, а, съ другой, впечатлѣнія, вынесенныя изъ столкновеній во время скитаній по тюрьмамъ и ссылкамъ и, наконецъ, его знакомства съ дѣятелями радикальныхъ кружковъ— быть можетъ, и толкали его на этотъ путь. По „движенію въ народъ“ онъ, безъ сомнѣнія, сочувствовалъ и потому обращавшейся къ нему молодежи всегда оказывалъ всяческое содѣйствіе.

Окружавшая Маликова молодежь была не мало смущена, когда въ одинъ прекрасный день, вмѣсто рѣчей на общественныя и соціальныя темы, она вдругъ услышала отъ него... проповѣдь, въ которой онъ со свойственной ему страстностью началъ развивать идею богочеловѣчества. Но это смущеніе молодежи скоро разсѣялось, смѣнившись глубокимъ вниманіемъ и интересомъ къ новому слову, столь непохожему на то, что ей приходилось слышать до тѣхъ поръ. Маликову сразу же удалось приковать къ своему ученію вниманіе молодежи, явившейся къ нему совсѣмъ съ другими цѣлями, съ другими настроеніями. А за вниманіемъ явилось и сочувствіе. Всѣхъ заражала его глубокая искренность, подкупала его убѣжденность, которая казалась непоколебимой, увлекалъ страстный энтузіазмъ. Въ проповѣдываніи своего „богочеловѣчества“ Маликовъ былъ неутомимъ. Зачастую не только цѣлые дни, но и цѣлыя ночи напролетъ онъ развивалъ свое ученіе, доказывая, что всѣ люди должны стремиться довести до высшаго развитія религіозное чувство, которое заложено въ каждомъ человѣкѣ, и этимъ путемъ достигать совершенства. Онъ вѣрилъ, что всѣ революціонеры и нигилисты откажутся отъ своей дѣятельности, какъ недостигающей цѣли, и сдѣлаются богочеловѣками. Рѣчи Маликова въ это время походили больше на вдохновенныя проповѣди, дышали огнемъ и страстью,

„жгли сердца“ слушателей. Недаромъ ихъ всегда называли „пламенными рѣчами“. Одинъ изъ слышавшихъ въ это время Маликова увѣрялъ, что, когда тотъ говорилъ на тему о богочеловѣкѣ, то казалось, что „искры сыпались вокругъ него“.

Слѣдуетъ замѣтить, что взгляды на религію Маликова и его главнаго послѣдователя Н. В. Чайковскаго и ранѣе были какъ нельзя болѣе далеки отъ тѣхъ шаблонныхъ опредѣленій отрицательнаго характера, которыя были въ такомъ ходу въ интеллигентной средѣ, особенно въ нигилистическихъ кружкахъ того времени. Придавая важное значеніе психологическому элементу, они считали религіозный вопросъ не болѣзненнымъ, а вполнѣ закономѣрнымъ, будучи убѣждены, что религіи принадлежитъ руководящая рѣчь въ массовой жизни человѣчества.

Они говорили, что нѣтъ такихъ людей, у которыхъ не было бы никакой религіи У такъ называемыхъ атеистовъ есть своя религія, религія принциповъ, высшихъ нравственныхъ началъ, въ которые они вѣрятъ непоколебимо и которые для нихъ являются своего рода религіозными догматами, заповѣдями.

III

Христіанство Маликовъ и Чайковскій ставили очень высоко. Всю современную цивилизацію, весь культурный прогрессъ они разсматривали, какъ порожденіе христіанскаго ученія путемъ вліянія на міръ и человѣка и постепеннаго внесенія христіанскихъ воззрѣній въ сознаніе и жизнь людей. Но, вполнѣ сознавая колоссальныя заслуги христіанства въ прошломъ, въ исторіи человѣчества, богочеловѣки находили, что въ настоящее время насталъ моментъ, когда христіанство дало все то, что оно могло дать человѣчеству; оно выжило свое содержаніе и такимъ образомъ сдѣлалось

безсильно передъ новыми назрѣвающими задачами и запросами современной соціальной и міровой жизни. И вотъ поэтому является настоятельная и жгучая необходимость въ новой религіи, которая дѣйствительно зажгла бы сердца людей, которая обновила бы ихъ жизнь, ихъ духовный, моральный міръ, которая дѣйствительно внесла бы гармонію въ смятенную, измученную душу современнаго человѣчества и сдѣлала его счастливымъ. Такой именно религіей, — по убѣжденію Маликова, — и должно было явиться ученіе о „богочеловѣчествѣ“.

Чѣмъ же въ сущности отличалось „богочеловѣчество“ отъ христіанства?

Главная, основная идея христіанскаго ученія заключается въ положеніи, что „царство Божіе *внутри* насъ“. Отсюда вытекаетъ обязанность и долгъ каждаго отдѣльнаго человѣка заботиться о *личномъ* совершенствованіи. Но отсюда же у христіанина явное равнодушіе къ тому, что *внѣ* насъ, *внѣ* человѣка, отсюда индифферентизмъ къ общественнымъ и государственнымъ условіямъ и формамъ жизни. Эта сторона христіанства, какъ извѣстно, выражена и подчеркнута и въ ученіи Л. Н. Толстого, опирающемся главнымъ образомъ на Евангеліи.

„Богочеловѣки“ вполнѣ и безусловно признавали необходимость нравственнаго, религіозно-моральнаго обновленія и возрожденія человѣка. Въ этомъ отношеніи они вполнѣ сходились съ христіанскимъ ученіемъ. Но они утверждали, что на этомъ, т.-е. на одномъ личномъ совершенствованіи, остановиться невозможно. Они утверждали, что міръ, гармонія, любовь, справедливость должны быть не только въ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, но должны проникать всѣ общественныя, соціальныя, международныя отношенія людей.

На основаніи исторіи религій богочеловѣки доказывали, что во всѣхъ религіяхъ человѣкъ въ сущности

всегда боготворилъ самого себя. Они доказывали, что, постепенно совершенствуясь морально, освобождаясь отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, слабостей, порочныхъ наклонностей и дурныхъ страстей, человѣкъ можетъ достигнуть высокаго, идеальнаго совершенства, можетъ приблизиться къ самому Богу, можетъ слиться съ Нимъ, объединиться съ Богомъ, и въ доказательство этого ссылались на то необычайное, мистическое, чисто божественное состояніе, которое переживаетъ вѣрующій человѣкъ въ минуты религіознаго экстаза.

При такомъ состояніи людей естественно должны прекратиться и исчезнуть изъ жизни всякіе антагонизмы, отравляющіе въ настоящее время существованіе человѣчества: войны, борьба классовъ и партій, преступленія и пороки въ жизни людей. Словомъ, гармонія водворится не только въ душѣ человѣка, но и во внѣшнихъ условіяхъ и формахъ общественной жизни.

И все это, — по мнѣнію богочеловѣковъ, — должно совершиться путемъ обоготворенія человѣка. Такимъ образомъ, на мѣсто христіанскаго самопожертвованія во имя, какихъ бы то ни было, высокихъ идеаловъ они ставили самоуваженіе человѣка, переходившее въ прямое его обоготвореніе

Насиліе отрицалось въ силу его безполезности. Однако непротивленіе злу никогда не возводилось въ догму. Но всѣ насильственные пріемы борьбы со зломъ, со страстями, съ разрушительными наклонностями въ человѣческомъ обществѣ считались совершенно безплодными, безполезными. Понятно, что всякіе насильственные пути, въ родѣ революціи и возстанія, отрицались богочеловѣками самымъ категорическимъ образомъ. Маликовъ проповѣдывалъ, что насиліе нельзя уничтожить насиліемъ, — точно такъ же какъ нельзя огонь залить керосиномъ.

Охваченный необыкновеннымъ энтузіазмомъ, Маликовъ нерѣдко переживалъ минуты религіознаго экстаза

который, случалось, разражался слезами и рыданіями. Это приподнятое настроеніе Маликова и его послѣдователей, число которыхъ все возрастало, продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Неизвѣстно, какое направленіе приняло бы это движеніе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, но тутъ, по русскому обыкновенію, выступили на сцену... жандармы и прокуроры, которые сочли долгомъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы „положить предѣлъ“. Далѣе я подробнѣе разскажу объ этомъ.

IV.

Казалось, всѣ основанія были за то, что молодежь, увлеченная соціалистическимъ движеніемъ, если не отнесется враждебно, то во всякомъ случаѣ останется совершенно глухой къ проповѣди, отрицавшей самыя основы ея міросозерцанія, какъ нельзя болѣе далекаго отъ всякой метафизики и мистицизма.

Чтобы показать, какіе взгляды на религію и на религіозный элементъ высказывались въ то время людьми, признававшимися вождями и руководителями движенія, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько строчекъ изъ вступительной статьи, помѣщенной въ первомъ номерѣ журнала „Впередъ“ за 1873 годъ, подъ названіемъ „Наша программа“:

„*Религіозный*“ *), церковный, догматическій элементъ намъ безусловно враждебенъ. Мы опираемся на критику, стремимся къ торжеству реальной мысли, къ удовлетворенію реальныхъ потребностей. Между нами и различными сектами, ортодоксальными и еретическими, опирающимися на откровеніе или на идеалистическую метафизику, нѣтъ ничего общаго. Принципъ сверхъестественнаго, мистическаго мы не признаемъ ни въ одномъ изъ его оттѣнковъ“ (стран. 5).

*) Курсивъ подлинника.

При господствѣ такихъ взглядовъ слѣдовало бы ожидать, что богочеловѣчество Маликова на первыхъ же порахъ неминуемо должно потерпѣть полнѣйшій крахъ. Тѣмъ не менѣе приходится признать, что проповѣдь Маликова имѣла несомнѣнный успѣхъ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ же у него появляется цѣлый рядъ послѣдователей, горячо увѣровавшихъ въ его „богочеловѣчество". Между прочимъ ученіе это приняли два молодыхъ артиллерійскихъ офицера Тепловъ и Аитовъ, кандидатъ петербургскаго университета В. И. Алексѣевъ, бывшій студентъ-медикъ московскаго университета С. Л. Клячко, молодая интеллигентная барышня Курова, слушательница петербургскихъ, только что открывшихся тогда медицинскихъ курсовъ, К. С. Пругавина, старый пріятель Маликова, бывшій мировой посредникъ А. А. Бибиковъ, затѣмъ Хохловъ, Г-жа Эйгофъ и многіе другіе.

Но въ глазахъ молодого поколѣнія богочеловѣчество особенно много выиграло съ момента присоединенія къ нему Николая Васильевича Чайковскаго, основателя извѣстнаго кружка чайковцевъ,—кружка, который сыгралъ такую крупную роль въ исторіи русскаго общественнаго движенія. Необходимо замѣтить, что Чайковскій пользовался огромной популярностью и вліяніемъ въ интеллигентныхъ кружкахъ того времени.

Чѣмъ же можно объяснить столь быстрый успѣхъ мистической проповѣди Маликова въ средѣ, которая, казалось бы, какъ нельзя болѣе была застрахована отъ всякаго мистицизма?

Намъ кажется, что явленіе это слѣдуетъ объяснить, главнымъ образомъ, тѣми альтруистическими настроеніями, которыя переживались тогда нашей передовой молодежью, поставившей на своемъ знамени „служеніе народу" и жаждавшей подвига, самоотреченія, стремившейся отказаться отъ всякихъ привилегій, удобствъ и преимуществъ своего положенія, чтобы слиться съ трудовой народной массой, безправной и угнетенной, но

которая въ глазахъ молодежи являлась носительницей свѣтлыхъ нравственныхъ идеаловъ.

Движеніе это, проникнутое самымъ высокимъ идеализмомъ, по своему внутреннему содержанію носило въ значительной степени религіозный, этическій характеръ. Недаромъ одинъ изъ самыхъ видныхъ участниковъ „хожденія въ народъ", Сергѣй Кравчинскій, слѣдующимъ образомъ опредѣлялъ общій характеръ этого движенія, его психологію. „Движеніе это едва-ли можно назвать политическимъ. Оно было скорѣе какимъ-то крестовымъ походомъ, отличаясь вполнѣ заразительнымъ и всепоглощающимъ характеромъ религіозныхъ движеній. Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ удовлетворенію глубокой потребности личнаго нравственнаго очищенія" *). Именно въ этомъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ видѣть причину того, что мистическія проповѣди Маликова о богочеловѣчествѣ, о нравственномъ совершенствованіи, о развитіи религіознаго сознанія нашли въ адептахъ этого движенія такой скорый отзвукъ.

Идеи, составлявшія народническое credo, носились въ то время въ воздухѣ. Эти идеи исповѣдывались и всѣми богочеловѣками. Мы глубоко убѣждены, что и Толстой, при его необыкновенной чуткости, не могъ не подпасть подъ вліяніе этихъ идей.

Правда, любовь къ мужику пробудилась въ Толстомъ очень рано. Въ своемъ письмѣ къ Григоровичу по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности онъ писалъ: „Вы мнѣ дороги... въ особенности по тѣмъ незабвеннымъ впечатлѣніямъ, которыя произвели на меня вмѣстѣ съ „Записками Охотника" Тургенева ваши первыя повѣсти. Помню умиленіе и восторгъ, произведенные на меня, 16-лѣтняго мальчика, не смѣвшаго вѣрить себѣ, „Антономъ-Горемыкой", бывшимъ для меня радо-

*) С. Степнякъ: „Подпольная Россія" Лондонъ. 1893 г., стр. 15

ѣтнымъ открытіемъ того, что русскаго мужика, нашего кормильца и—хочется сказать—учителя, можно и должно описывать, не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ и даже съ трепетомъ" *).

Здѣсь, въ этихъ строчкахъ, какъ нельзя болѣе ярко сказывается то же самое настроеніе, то же самое отношеніе къ „мужику", полное восторга и „трепета", которыя являлись самыми характерными особенностями народнической психики, народнической идеологіи 70-хъ годовъ. Всегда таившіяся въ Толстомъ симпатіи къ трудовому народу и крестьянину пріобрѣтаютъ вполнѣ опредѣленный характеръ именно въ концѣ 70-хъ годовъ, т. е. въ то самое время, когда происходитъ его сближеніе съ богочеловѣками и народниками.

Въ это именно время Толстой начинаетъ стремиться къ „опрощенію", которое, какъ извѣстно, составляло основную черту людей, „ходившихъ въ народъ"; съ этого времени въ его отношеніяхъ къ свѣтскому обществу, къ аристократической средѣ проглядываютъ явно отрицательныя тенденціи. Онъ стремится сблизиться съ народомъ, ознакомиться съ его духовнымъ міромъ, для чего предпринимаетъ путешествія по монастырямъ, знакомится съ сектантами и т. д. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, которые практиковались лицами, „ходившими въ народъ", т. е. ходитъ по Россіи пѣшкомъ, одѣвается въ крестьянское платье до лаптей включительно, и проч.

Демократическія симпатіи Толстого постепенно растутъ все болѣе, принимая при этомъ чисто народническій характеръ. Это прежде всего, конечно, очень сильно отражается въ его произведеніяхъ, а затѣмъ и въ условіяхъ его личной жизни, въ его обстановкѣ, костюмѣ и т. д. Около этого же времени изъ подписи

*) Письма Л. Н. Толстого". 1910 г., стр. 223.

Льва Николаевича исчезаетъ титулъ графа. Онъ задумываетъ писать для широкихъ народныхъ массъ, задается мыслью создать народный органъ, стремится улучшить лубочную народную литературу и т. д.

V.

Успѣхъ ученія Маликова обратилъ на него вниманіе администраціи, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ его послѣдователей начали распространять богочеловѣчество въ народѣ, съ Евангеліемъ въ рукахъ. Молодые офицеры Тепловъ и Аитовъ были арестованы за это „на мѣстѣ преступленія“.

Жандармскій генералъ Слезкинъ и прокуроръ Жихаревъ, производившій въ то время дознаніе по дѣлу о пропагандѣ въ 36 губерніяхъ, заинтересовались ученіемъ Маликова, его „пропагандой“. Маликовъ былъ арестованъ и привезенъ въ Москву.

На первомъ же допросѣ, въ присутствіи Жихарева и Слезкина, Маликовъ, вмѣсто показаній, которыя отъ него требовались, произнесъ горячую рѣчь о богочеловѣчествѣ, о необходимости нравственнаго совершенствованія, о развитіи религіознаго чувства и сознанія, о достиженіи того высокаго идеала, который долженъ приблизить человѣка къ Богу. Сообщеніе профессора Туна о томъ, что рѣчь эта заставила прокурора объявить мечтателя (т. е. Маликова) „сумасшедшимъ“, не подтверждается обстоятельствами дѣла. Напротивъ, имѣется нѣсколько свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, что рѣчь Маликова произвела сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. То, что они услышали, было для нихъ и ново, и неожиданно. Вслѣдъ за этимъ Маликовъ былъ немедленно же освобожденъ.

Вскорѣ однако власти спохватились и признали, что, хотя ученіе Маликова и не заключаетъ въ себѣ „ничего политическаго“, тѣмъ не менѣе распространеніе его не

можетъ быть допущено. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно какими соображеніями мотивировалось это распоряженіе. Какъ ни какъ, по Маликову строго-настрого было воспрещено распространять свое ученіе.

Обстоятельство это заставило „богочеловѣковъ“ задуматься относительно своего дальнѣйшаго существованія, тѣмъ болѣе, что они предвидѣли возможность новыхъ стѣсненій, новыхъ репрессій. Съ цѣлью примѣнить свои идеи къ жизни, богочеловѣки еще ранѣе задумали образовать, на началахъ своего ученія, особую земледѣльческую общину. Но, убѣдившись, что русскія политическія условія того времени отнюдь не благопріятствовали какимъ бы то ни было религіозно-соціальнымъ опытамъ, они рѣшили уѣхать въ Америку, чтобы тамъ, на полной свободѣ, осуществить опытъ достиженія намѣченнаго ими идеала, устроить такую общину, которая послужила бы образцомъ для всѣхъ другихъ. Въ концѣ того же 1874 года „богочеловѣки“ эмигрировали въ Америку въ числѣ 15 человѣкъ и тамъ въ штатѣ Канзасъ купили землю и устроили общину. Въ числѣ членовъ этой общины были. Маликовъ съ женой и дѣтьми, Чайковскій съ женой, Алексѣевъ съ семьей, Клячко съ женой, Хохловъ, Бруевичъ изъ Орла, братъ Алексѣева, Лидія Эйгофъ изъ Саратова Позднѣе къ нимъ присоединился русскій эмигрантъ Владиміръ Константиновичъ Гейнсъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Вильяма Фрея, оставившій Россію еще въ 1868 году.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что въ то время въ нѣкоторыхъ кругахъ русской интеллигенціи наблюдалась замѣтная тяга къ переселенію въ Америку. Фактъ этотъ, между прочимъ, отмѣченъ въ интересныхъ и содержательныхъ „Воспоминаніяхъ“ Вл. Дебогорія-Мокріевича, который разсказываетъ, что съ конца 60-хъ годовъ многіе представители русской интеллигенціи „усматривали нѣчто необыкновенно привлекательное въ

американской жизни и учрежденіяхъ и ѣздили туда". Самъ авторъ „Воспоминаній" точно также стремился въ то время въ Америку, имѣя въ виду организовать тамъ общину, которая на дѣлѣ бы осуществила принципъ отрицанія личной собственности.

Живя въ Россіи, Гейнсъ окончилъ двѣ военныя академіи. артиллерійскую и генеральнаго штаба, послѣ чего поступилъ въ Финляндскій гвардейскій полкъ. Подобная служба не могла его удовлетворить, несмотря на то, что его обширныя спеціальныя знанія какъ нельзя болѣе цѣнились начальствомъ. Все обѣщало ему быструю и блестящую карьеру (его родной братъ былъ казанскимъ губернаторомъ). Но все это нимало не прельщало его, такъ какъ всѣ его интересы, стремленія и планы лежали совсѣмъ въ иной плоскости. Онъ задавался широкими, грандіозными цѣлями о перевоспитаніи общества и народа. Подъ вліяніемъ сочиненій Фурье, Роберта Овена и Чернышевскаго, онъ усвоилъ соціалистическія идеи съ сильнымъ этическимъ налетомъ и мечталъ о возрожденіи человѣчества къ новой жизни путемъ устройства трудовыхъ общинъ на коммунистическихъ началахъ. И вотъ онъ сжигаетъ корабли и вмѣстѣ съ женой, носившей фамилію Славинской, вполнѣ раздѣлявшей его убѣжденія, уѣзжаетъ въ 1868 году въ Америку, гдѣ и поселяется окончательно. При этомъ онъ принялъ американское подданство и перемѣнилъ свое имя и фамилію, назвавшись Вильямомъ Фреемъ.

Послѣ разныхъ перипетій, неизбѣжныхъ въ положеніи эмигранта, онъ ѣдетъ въ Миссури и тамъ вступаетъ въ общину „Union", которой отдаетъ свои послѣдніе сто долларовъ. Но проходитъ годъ, и община распадается „вслѣдствіе внутреннихъ несогласій". Тогда онъ перекочевываетъ въ Канзасъ и тамъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, докторомъ Bricks, основываетъ свою общину-коммуну „La Progressive". Однако и эта община

вскорѣ распалась „изъ-за разногласій, возникшихъ съ американцами, которые желали придать общинѣ коммерческій характеръ“. Эти неудачи убѣждаютъ Фрея въ томъ, что однѣ экономическія основы и, въ частности, коммунизмъ совершенно недостаточны „для созданія прочнаго общества, и что для этого необходимо и нравственное возрожденіе человѣка“. Изученіе О Конта и его „религіи человѣчества“ окончательно укрѣпляетъ Фрея въ необходимости выдвинуть на первый планъ идею объ этическомъ совершенствованіи Сдѣлавшись горячимъ послѣдователемъ позитивной религіи, увлекшись ея возвышенными принципами, въ родѣ знаменитаго „vivre pour autrui“, Фрей началъ доказывать, что „никакая общинная жизнь невозможна безъ религіи, которая составляетъ основу человѣческой дѣятельности, объединяя вѣрующихъ и руководя ими“ *).

Такъ объясняетъ біографъ Фрея Н. В. Рейнгардтъ ту эволюцію, которую пришлось пережить Фрею на пути отъ коммунизма къ позитивизму. Мы считаемъ нелишнимъ добавить, что мысль о невозможности общинной жизни безъ религіи могла явиться у Фрея подъ впечатлѣніемъ знакомства съ состояніемъ различныхъ американскихъ общинъ. Ему не могъ не броситься въ глаза фактъ, что въ то время, когда общины коммунистовъ и людей, задававшихся исключительно соціальными цѣлями, всегда очень быстро распадались, общины людей, объединенныхъ религіозной идеей, сектантовъ: шэкеровъ, перфекціонистовъ, мормоновъ и т. д., существовали и развивались, достигая нерѣдко цвѣтущаго состоянія.

Познакомившись съ „богочеловѣками“, Фрей вмѣстѣ съ женой и дѣтьми вступилъ въ ихъ общину. Но это

---

*) Н. В. Рейнгардтъ: „Необыкновенная личность“. Казань, 1889 г.

вступленіе не только не повлекло за собой укрѣпленія богочеловѣческой общины, а, наоборотъ, не мало поспособствовало ея окончательному распаденію.

Г. Рейнгардтъ, кстати сказать, черезчуръ идеализировавшій Фрея въ своей брошюрѣ, ни слова не говоритъ объ его жизни въ общинѣ богочеловѣковъ. Между тѣмъ пребываніе Фрея въ этой общинѣ проливаетъ яркій свѣтъ на личность этого безспорно замѣчательнаго, но въ то же время сектантски-односторонняго человѣка. Несомнѣнно, что съ точки зрѣнія личной морали Вильямъ Фрей былъ поистинѣ человѣкомъ святой жизни. Человѣкъ идеи и принциповъ по преимуществу, онъ отличался полнымъ отсутствіемъ всякихъ побужденій личнаго характера, былъ совершенно свободенъ отъ всего, что носитъ характеръ эгоистическихъ стремленій и помысловъ. Но въ то же время онъ несомнѣнно былъ слишкомъ прямолинейнымъ человѣкомъ, черезчуръ склоннымъ доводить до абсурда выполненіе тѣхъ или иныхъ положеній или догматовъ исповѣдуемой имъ доктрины Такъ, напримѣръ, свое вегетаріанство Фрей не преминулъ довести до крайнихъ, невозможныхъ предѣловъ, категорически и разъ навсегда отказавшись отъ употребленія даже сахара, даже соли. То же самое повторялось и въ другихъ случаяхъ. Извѣстный принципъ позитивной религіи „жить открыто“—vivre au grand jour—т. е не скрывать отъ людей образъ своей частной жизни, Фрей точно также доводилъ до совершенно нелѣпыхъ предѣловъ. Такъ, живя въ общинѣ богочеловѣковъ, онъ пытался доказать, что даже мужъ и жена не имѣютъ права вести между собой сепаратные разговоры, что и они не должны позволять себѣ хотя по временамъ изолироваться отъ другихъ членовъ общины. — Дальше этого, конечно, уже не могла идти изступленная ненависть ко всякому проявленію индивидуализма

VI.

Дѣло у богочеловѣковъ не пошло община ихъ не развилась и не окрѣпла. Это, разумѣется, объясняется многими причинами, изъ которыхъ можно указать: незнаніе мѣстныхъ условій, неумѣніе быстро примѣниться къ нимъ, полное отсутствіе привычки къ физическому труду. Въ первое время послѣ дня, проведеннаго на какой-нибудь тяжелой работѣ, въ родѣ рубки дровъ или копанья грядъ, богочеловѣки чувствовали себя точно послѣ пытки. Постепенно, съ теченіемъ времени хотя и выработалась привычка владѣть топоромъ и заступомъ, тѣмъ не менѣе тяжелая физическая работа изо дня въ день не могла не угнетать русскихъ интеллигентовъ. А работать приходилось съ утра и до вечера, нерѣдко по 11 часовъ въ сутки, работать, что называется, до упаду. Крайняя непрактичность членовъ общины сказалась на первыхъ же порахъ при сооруженіи необходимыхъ построекъ и затѣмъ постоянно давала себя знать въ дѣлѣ веденія хозяйства. Такъ, напримѣръ, сарай для коровъ выстроенъ былъ изъ такихъ тонкихъ столбиковъ или кольевъ, что, какъ только корова вздумала почесаться около сарая, онъ тотчасъ же свалился. Никто не умѣлъ ходить за скотомъ, выдаивать коровъ до конца; вслѣдствіе этого многія коровы оказались перепорченными, и т. д.

Неудивительно, что община начала нуждаться. Постепенно нужда обострялась все больше и больше. Членамъ общины жилось голодно и холодно. Въ результатѣ чрезмѣрной, напряженной работы, помимо утомленія и усталости, являлось недовольство, прокрадывалось раздраженіе. Взаимныя отношенія членовъ общины начали разлаживаться, начали возникать недоразумѣнія, неудовольствія, пререканія. Вѣра въ возможность достиженія богочеловѣческаго совершенства,—вѣра, которая воодушевляла и окрыляла членовъ общины,—постепенно сла-

бѣла и гасла. Надежда создать новую религію, которая явилась бы синтезомъ христіанства и соціализма, распадалась окончательно.

Въ отношеніяхъ къ нимъ американцевъ проглядывало явное недовѣріе и предубѣжденіе. Американцы называли ихъ коммунистами, говорили, что у нихъ существуетъ общность женъ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что это обычные слухи, почти всегда пускаемые въ Америкѣ о членахъ разныхъ сектантскихъ общинъ. Наконецъ, еще одна нелѣпая легенда была пущена въ ходъ американцами о „богочеловѣкахъ“: начали увѣрять, что они—огнепоклонники, что они создали будто бы особый культъ поклоненія огню Поводомъ для возникновенія этой легенды послужилъ слѣдующій случай. Разъ вечеромъ, при постройкѣ домовъ для жилья, колонисты начали обжигать сваи для фундамента. Разложили большой костеръ, собрались вокругъ него и, пользуясь хорошей погодой, начали хоромъ пѣть русскія пѣсни. Эта картина въ глухой степи была дѣйствительно очень оригинальна и эффектна. Американцы, видя эту сцену, рѣшили, что члены новой общины совершаютъ поклоненіе огню.

Вообще между практическими американцами и русскими общинниками, преисполненными крайняго идеализма, не установилось сколько-нибудь прочныхъ отношеній и связей. Это, разумѣется, не могло не тяготить „богочеловѣковъ“, которые начали чувствовать себя въ Америкѣ совершенно чужими людьми. И вотъ у нихъ появляется тоска по родинѣ, мучительная тоска по русскимъ людямъ, острое, жгучее желаніе, во что бы то ни стало, увидѣть Россію.

Здѣсь, я полагаю, будетъ интересно привести мнѣніе одного изъ видныхъ участниковъ этой коммуны относительно тѣхъ причинъ, которыя главнымъ образомъ повели къ распаденію общины. Вотъ что онъ пишетъ мнѣ по этому поводу.

„Причина распаденія нашей общины въ Америкѣ заключалась вовсе не въ бѣдности и не въ неумѣніи приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ. Бѣдными мы поѣхали, бѣдными и вернулись. Нѣтъ, причина была въ незнаніи нами насъ самихъ. Мы думали, стоитъ только поселиться вмѣстѣ, оудемъ работать, всѣ мы одинаковыхъ взглядовъ на жизнь, одинаково образованы, слѣдовательно, и положимъ основаніе – ядро хорошей жизни, а потомъ будутъ основываться и другія общины, подобныя нашей, и такимъ путемъ образуется цѣлое общество съ хорошими основами жизни, гдѣ не будетъ ни обижаемыхъ, ни обижающихъ.

„Но на дѣлѣ оказалось иначе. Оказалось, что въ каждомъ изъ насъ заложено съ дѣтства, даже по наслѣдству, столько эгоизма, что намъ справиться съ своими эгоистическими привычками очень трудно. Нужно было изжить эти привычки, мало-по-малу пріобрѣсти новыя, альтруистическія. Вслѣдствіе этого появилось у насъ взаимное недовольство, раздраженіе, начали возникать недоразумѣнія, неудовольствія, пре-реканія другъ съ другомъ. Надежда создать новое общество, основанное на хорошихъ началахъ, постепенно слабѣла и гасла. Оказалось, что это дѣло будущихъ поколѣній, воспитанныхъ на новыхъ началахъ съ дѣтства.

„Вотъ въ это-то время я и Чайковскій и обратились къ Фрею, умудренному еще ранѣе опытомъ въ устройствѣ общинной жизни, не поможетъ ли онъ намъ справиться съ нашей неурядицей. Фрей энергично принялся за дѣло. Но вся его работа была направлена только на внѣшнюю сторону. Онъ завелъ порядокъ въ нашей жизни. Всѣ должны были въ опредѣленное время вставать по утрамъ, въ опредѣленное время садиться за столъ, въ опредѣленное время идти на работу, и всѣ мы сначала готовы были ему подчиняться, лишь бы поправить дѣло. Фрей мечталъ даже завести обычай, практиковавшійся въ общинѣ у шэкеровъ,—встрѣчать

восходъ солнца общимъ пѣніемъ псалмовъ на какомъ-нибудь холмѣ.

„Фрей былъ человѣкъ прямолинейный, съ необыкновенно сильной, точно, стальной волей,—человѣкъ скорѣе догмата, но не чувства. Мы же всѣ были скорѣе люди чувства. Замѣтилъ онъ, что всѣ общины, задававшіяся исключительно соціальными цѣлями, обыкновенно скоро распадаются, общины же религіозныя процвѣтаютъ и развиваются, и этого было достаточно для него, чтобы и въ нашу общину ввести религіозное начало, хотя самъ онъ былъ далеко нерелигіознымъ человѣкомъ.

„Фрей завелъ у насъ такъ называемые критицизмы": всякій долженъ былъ критиковать каждаго своего сочлена, высказывая все, что онъ замѣтилъ въ немъ предосудительнаго; затѣмъ слѣдовало общее сужденіе, какъ бы слѣдовало избѣжать этого или какъ исправиться. Подобная система исправленія—крайне щекотливая. Къ тому же она совершенно не достигала своей цѣли, такъ какъ нисколько не исправляла къ лучшему тѣхъ взаимныхъ отношеній, которыя постепенно обострялись Между тѣмъ Фрей способенъ былъ душить даже живыя проявленія, если только они расходились съ установленнымъ догматомъ.

„Конечно, болѣе всего это пришлось не понутру Маликову, какъ человѣку непосредственнаго чувства. Маликовъ физически былъ послабѣе всѣхъ силами, человѣкъ увлеченій, а не упорнаго труда, менѣе всѣхъ насъ любившій физическій трудъ. Ему бы пойти помечтать въ хорошее весеннее утро куда-нибудь въ лѣсъ, или сѣсть на берегъ рѣки и поудить рыбки, а тутъ на очереди спѣшныя полевыя работы.

„Разъ онъ не вытерпѣлъ, пошелъ утромъ удить рыбу, вмѣсто того, чтобы сажать въ полѣ кукурузу, оправдываясь тѣмъ, что это тоже своего рода трудъ, имѣющій цѣлью улучшить нашъ столъ. Но вернулся онъ ни съ чѣмъ и за обѣдомъ получилъ упрекъ отъ

Фрея въ бездѣльничаньи Маликовъ не могъ выносить такихъ стѣснительныхъ для себя условій, построилъ себѣ хибарку за рѣкою, переселился туда съ семью и сталъ жить отдѣльно отъ общины".

Собственно говоря, и „Фрей не обладалъ особенной привычкой къ труду. Онъ больше занимался обученіемъ своихъ двухъ дѣтей, и только въ самую плохую погоду, когда, какъ говорится, „хозяинъ и собаки не выгонитъ на дворъ", когда главные работники Чайковскій и Алексѣевъ оставались дома, чтобы переждать дурную погоду, Фрей, какъ бы въ назиданіе общинникамъ, прекращалъ свои занятія съ дѣтьми, одѣвался потеплѣе, подвязывалъ голову платкомъ по-бабьи, потому что отъ вѣтру нельзя было удержать шапки на головѣ, бралъ топоръ и выходилъ на дворъ рубить дрова... Вотъ какой онъ былъ педантъ!"

„Однажды лѣтомъ Чайковскій сильно расхворался лихорадкою и не могъ ходить на работу. Фрей по обыкновенію занимался обученіемъ своихъ дѣтей Клячко уѣхалъ по дѣламъ въ городъ; оставался я единственный работникъ, потому что Маликовъ, Хохловъ и Бруевичъ тогда съ нами уже не жили. Между тѣмъ на очереди была спѣшная работа—необходимо было загородить наше поле съ кукурузою отъ сосѣдняго пастбища, чтобы скотъ не потравилъ нашей кукурузы,—единственнаго нашего средства къ существованію.

„Я отправился одинъ на эту работу, огородилъ нашу кукурузу, но благодаря этому мнѣ пришлось опоздать на цѣлый часъ къ обѣду, такъ какъ я не могъ уйти, не окончивши изъ огорода. По возвращеніи домой, я увидѣлъ, что Фрей собралъ „митингъ", на которомъ предлагалъ лишить меня обѣда, какъ нарушителя общиннаго постановленія—являться къ обѣду во время. Я страшно разсердился. Соблюдая интересы общины, я огородилъ поле, чтобы сохранить хлѣбъ общины отъ потравы, лишивъ себя во-время притти

пообѣдать, и за это—предложеніе совсѣмъ лишить меня обѣда. Услыхавъ это, больной Чайковскій, лежавшій въ сосѣдней комнатѣ, вышелъ оттуда и сталъ рѣзко упрекать Фрея въ формализмѣ. Всѣ общинники встали на сторону Чайковскаго, и мнѣ разрѣшено было поѣсть!"

Подобные инциденты не могли, конечно, не вліять разлагающимъ образомъ на сплоченность членовъ общины. Атмосфера постепенно сгущалась. Въ то же время среди общинниковъ все сильнѣе и сильнѣе начинала сказываться тоска по родинѣ.

— „Помню, въ одну изъ такихъ минутъ,—разсказывалъ впослѣдствіи Маликовъ,—моя жена, со слезами на глазахъ, прочла стихотвореніе Лермонтова: „Люблю отчизну я, но странною любовью"... Что сдѣлалось съ нами, когда она закончила стихотвореніе!... Даже дѣти были блѣдны и испуганы тѣмъ, что мы зарыдали и бѣжали изъ дому. Каждый хотѣлъ остаться наединѣ, и затѣмъ, сойдясь вновь, мы уже боялись напоминать другъ другу о Россіи, точно это была глубокая сердечная рана, которую всѣ знаютъ и не говорятъ о ней. Такъ мы тосковали по родинѣ" *).

Подъ конецъ они прямо возненавидѣли космополитизмъ.

— „Гдѣ родился, тамъ и пригодился",—говоритъ русскій мужикъ, и мы это почувствовали на себѣ, какъ только испытали разлуку съ родиной и жизнь среди иностранцевъ,—разсказывалъ Маликовъ.—Въ голову не приходило намъ ранѣе, что тоска по родинѣ можетъ развиться въ болѣзнь, и тогда откажемся на чужбинѣ отъ всѣхъ „послѣднихъ словъ науки", чтобы только не разлучаться съ отчизной".

И вотъ среди коммунистовъ все чаще и чаще начинаютъ возникать разговоры о возвращеніи въ Россію.

— „Мы здѣсь только чадимъ догорѣвшимъ въ

*) „Вѣстникъ Европы", 1904 г № 9.

лампадкѣ масломъ,—восклицалъ Чайковскій.—Вы, мистеръ Фрей, иногда мнѣ кажетесь умнымъ человѣкомъ, а иногда—хуже византійскаго попа. Это „послѣднее слово жизни—коммуна“ не дается намъ“.

Глубокое разочарованіе Чайковскаго вполнѣ раздѣлялось Маликовымъ.

— „На живомъ дѣлѣ,—говорилъ онъ,—мы оказались совсѣмъ не „совершенствомъ“, а такими же жалкими и слабыми людьми, какъ и прочіе. Мы не только не показали имъ примѣра того, какъ надо работать, но и настроеніемъ своимъ въ сношеніяхъ между собой мы не можемъ похвастаться. Мы истязали себя подвижничествомъ, и никто ему не будетъ слѣдовать, а истязали себя потому, что негодны безъ государства для новой, на своихъ собственныхъ ногахъ, жизни. Мы всѣ воспитались подъ опекой организованнаго порядка и на его счетъ питались и выросли; поздно уже становиться на свои ноги, какъ это обнаруживается теперь на живомъ дѣлѣ. Мы—дѣти стараго міра, и должны вернуться туда же“ *).

Необходимо замѣтить, что къ этому времени вполнѣ уже опредѣлилась линія расхожденія Маликова съ Чайковскимъ: въ то время, какъ Маликовъ все замѣтнѣе склонялся въ сторону религіи и христіанства,—Чайковскій явно тяготѣлъ къ соціализму.

Черезъ два года члены общины рѣшили разстаться, чтобы „вернуться въ цивилизацію“, какъ говорили они.

Часть изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Маликовъ и Алексѣевъ, вернулись въ Россію, другіе—Чайковскій и Клячко—остались за границей, въ Европѣ.

Они вернулись изъ Америки морально разбитыми людьми,—настолько, что объ участіи въ русскомъ общественномъ движеніи, которое въ то время отлилось въ форму „Народной воли“—невозможно было и ду-

*) Тамъ-же.

мать. Тѣмъ болѣе, что всѣ „богочеловѣки“ Маликовъ, Чайковскій, Алексѣевъ и другіе всегда отличались отсутствіемъ боевого революціоннаго темперамента и всегда вдохновлялись, главнымъ образомъ, творческой, созидательной работой. Мотивы этическаго характера всегда преобладали въ нихъ. И хотя они болѣли душой за то, что творилось въ Россіи, благодаря господству реакціи, тѣмъ не менѣе отдать своей души политическимъ партіямъ они уже не могли. Но они не отказались отъ высокаго богочеловѣческаго идеала, какъ конечной цѣли, къ которой, по ихъ мнѣнію, стремится человѣчество въ процессѣ естественной эволюціи. Они остались вполнѣ вѣрны этому идеалу.

Таково по нашему мнѣнію было настроеніе богочеловѣковъ въ тотъ моментъ, когда они, вернувшись въ Россію, вошли въ сношенія съ Толстымъ. Изъ нихъ, какъ мы видѣли, особенно близко сталъ къ Толстому В. И. Алексѣевъ, учитель его дѣтей, прожившій съ великимъ писателемъ подъ одной кровлей нѣсколько лѣтъ.

Окончивъ свои учительскія обязанности въ семьѣ Толстого, Алексѣевъ не порвалъ своихъ связей со Львомъ Николаевичемъ. Покинувъ Ясную Поляну, онъ переселился въ самарское имѣніе Толстого, гдѣ и прожилъ довольно долгое время. Переписка, существовавшая между Алексѣевымъ и Толстымъ, носитъ самый дружескій, интимный характеръ Нѣкоторыя изъ писемъ Толстого къ Алексѣеву читатель найдетъ въ первомъ томѣ сборника П А. Сергѣенка: „Письма Л. Н. Толстого“. (Москва, 1910 г).

Уже изъ этихъ писемъ можно видѣть, какой глубокой сердечностью проникнуты были отношенія великаго писателя къ В. И. Алексѣеву и насколько близко они были духовно. „Думаю я о васъ безпрестанно и люблю васъ очень“, пишетъ ему Толстой въ 1881 году. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „Мнѣ радостно думать, что *у насъ съ вами вѣра одна*“.

Въ томъ же письмѣ Толстой заявляетъ: „я не хочу забывать того, что я вамъ во многомъ обязанъ, въ томъ спокойствіи и ясности міросозерцанія, до котораго я дошелъ. Я васъ узналъ, перваго человѣка (тронутаго образованіемъ) не на словахъ, а въ сердцѣ исповѣдующаго ту вѣру, которая стала яснымъ и непоколебимымъ для меня свѣтомъ. Это заставило меня вѣрить въ возможность того, что смутно всегда шевелилось въ душѣ. И поэтому вы какъ были, такъ и останетесь всегда дороги (мнѣ)".

Другой „богочеловѣкъ", съ которымъ Толстой въ теченіе долгаго времени состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, былъ, какъ я уже замѣтилъ ранѣе,—А. А. Бибиковъ. Прошлое этого человѣка тоже было далеко незаурядным, а потому будетъ не лишне сказать о немъ нѣсколько словъ.

Потомокъ стариннаго дворянскаго рода Бибиковъ былъ помѣщикъ Тульской губерніи и въ половинѣ 60-хъ годовъ служилъ мировымъ посредникомъ. Вмѣстѣ съ Маликовымъ онъ былъ привлеченъ къ дѣлу Каракозова вслѣдъ за выстрѣломъ послѣдняго 4 апрѣля 1866 года. Послѣ суда Бибиковъ былъ сосланъ въ г. Кадниковъ, Вологодской губерніи, гдѣ и пробылъ около двухъ лѣтъ; весной 1868 года его переводятъ въ Великій Устюгъ, той же губерніи. Здѣсь онъ прожилъ еще годъ, послѣ чего, по болѣзни, былъ переведенъ въ г. Воронежъ. Въ 1871 году ему разрѣшено было переѣхать въ свое имѣніе, въ Тульскую губернію, съ условіемъ жить тамъ безвыѣздно, подъ надзоромъ полиціи.

Если не ошибаюсь, къ этому времени относится знакомство Бибикова со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и его семьей. Вскорѣ послѣ этого онъ получилъ мѣсто управляющаго самарскимъ имѣніемъ Толстого и поселился на хуторѣ, въ степи, около села Патровки Бузулукскаго уѣзда. По своимъ взглядамъ

и убѣжденіямъ онъ считался въ то время „богочеловѣкомъ“, сторонникомъ ученія Маликова, съ которымъ его соединяло долголѣтнее и близкое знакомство.

Что касается Маликова, то сношенія съ нимъ Толстого выражались въ частныхъ встрѣчахъ и свиданіяхъ, продолжительныхъ бесѣдахъ и безконечныхъ спорахъ на темы религіозно-этическаго характера. Существовала-ли между ними переписка—я не знаю. Старшая дочь Маликова К. А. Дубахъ сообщила мнѣ, что у покойнаго отца ея имѣлись письма Л. Н. Толстого, но что они, вмѣстѣ со всѣми другими бумагами, погибли во время крушенія поѣзда при переѣздѣ отца на службу въ г. Михайловъ, Рязанской губерніи *).

Объ отношеніяхъ Толстого къ Фрею мы говорить здѣсь не будемъ, такъ какъ объ этомъ уже разсказано П. И. Бирюковымъ въ его статьѣ, напечатанной въ „Минувшихъ годахъ“.

Этимъ пока мы и закончимъ свой очеркъ въ надеждѣ, что онъ послужитъ поводомъ для лицъ, располагающихъ свѣдѣніями о „богочеловѣчествѣ“ и объ отношеніи геніальнаго писателя къ участникамъ этого движенія—подѣлиться своими свѣдѣніями въ печати.

Особенно же, конечно, желательно, чтобы высказались въ печати сами участники этого движенія, какъ В. И. Алексѣевъ, Н. В. Чайковскій, А. А. Бибиковъ и другіе. Время идетъ, ряды семидесятниковъ все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, а потому ждать долѣе нельзя—необходимо спѣшить!

---

*) Тогда же погибла переписка А. К. Маликова съ Вл. С. Соловьевымъ, К. П. Побѣдоносцевымъ и др.

ТОЛСТОВЦЫ.

Кризисъ толстовства.

Репутація очень плодовитаго писателя давно уже упрочилась за Е. Н. Чириковымъ. Однако нельзя не замѣтить, что сколько-нибудь замѣтный и крупный успѣхъ выпадаетъ на долю сравнительно весьма немногихъ его произведеній. Между прочимъ такой именно успѣхъ имѣлъ его романъ „Юность“, вышедшій въ свѣтъ, если не ошибаюсь, въ 1911 году. И критикой и публикой романъ этотъ былъ встрѣченъ самымъ сочувственнымъ образомъ. Особенно молодежь зачитывалась и увлекалась „Юностью“ г. Чирикова.

Продолженіемъ „Юности“ явился романъ „Въ изгнаніи“. Но этотъ второй романъ уже не имѣлъ такого успѣха, какъ первый. Слышались критическія, подчасъ довольно ѣдкія замѣчанія; указывалось, напримѣръ, что романъ написанъ „ужъ слишкомъ бойко“, что называется сразбѣга, сразмаха, въ той особенной манерѣ, о которой говорятъ: „неглиже съ отвагой“.

Тѣмъ не менѣе не отрицалось, что романъ представляетъ извѣстный общественный интересъ, такъ какъ рисуетъ русскую ссылку начала 90-хъ годовъ, при чемъ автору удалось довольно вѣрно оттѣнить характерныя черты общественной атмосферы эпохи зарожденія въ Россіи марксизма, а нѣкоторыя выведенныя имъ дѣйствующія лица очерчены и умѣло и выпукло.

Въ числѣ лицъ, выведенныхъ въ этомъ романѣ, наше

вниманіе привлекаетъ фигура находящагося въ ссылкѣ толстовца Куренкова.

Г. Чириковъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ бел-летристовъ, на художественной палитрѣ которыхъ имѣются только двѣ краски,—черная и бѣлая,—которыми они и раскрашиваютъ выводимыхъ ими дѣйствующихъ лицъ сообразно своимъ личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ. Онъ даже въ уѣздномъ исправникѣ, который зорко наблюдаетъ за политическими ссыльными, сумѣлъ найти и подмѣтить черты вполнѣ человѣческія, если не извиняющія, то объясняющія мотивы и побужденія, которыми этотъ полицейскій чинъ руководствовался въ своей дѣятельности.

Въ полицейскомъ чиновникѣ, въ исправникѣ, г. Чириковъ нашелъ человѣческія черты, а вотъ въ толстовцѣ онъ, повидимому, не могъ (или не хотѣлъ?) отыскать такихъ чертъ. Въ изображеніи автора толстовецъ Куренковъ, это—что-то прямо ужасное, это—не живой человѣкъ съ сердцемъ и нервами, а какая-то ходячая окаменѣлость, вѣчно холодная и резонирующая.

Сухой и черствый педантъ, проникнутый квакерской моралью, толстовецъ Куренковъ остается глубоко чуждымъ всѣмъ идейнымъ стремленіямъ, которыя волнуютъ передовую часть русскаго общества, между прочимъ и членовъ той ссыльной колоніи, въ которой живетъ и онъ самъ со своей семьей.

Но, живя въ этой колоніи, онъ остается совершенно одинокимъ, изолированнымъ, не только не встрѣчая ни въ комъ изъ окружающихъ его людей ни малѣйшаго сочувствія, а наоборотъ, постоянно возбуждая противъ себя острое чувство непріязни и раздраженія. То же самое происходитъ и въ его семьѣ. Съ женой онъ постоянно „грызется“, донимая ее, очевидно, своимъ резонерствомъ. Родной сынъ его питаетъ къ отцу глубокую вражду и ненависть, уходитъ отъ него, становится эсъэромъ и мечтаетъ о совершеніи террористическаго акта.

Болѣе полнаго и страшнаго краха въ идейной жизни семьи толстовца трудно, конечно, что-нибудь и придумать.

Правъ ли авторъ, выводя передъ нами *такой* типъ толстовца? Можетъ ли г. Куренковъ считаться типичнымъ представителемъ толстовцевъ? Лично я готовъ допустить, что Е. Н. Чириковъ въ этомъ случаѣ слишкомъ сгустилъ краски и тѣмъ, быть можетъ, погрѣшилъ противъ истины. Невозможно допустить, чтобы въ духовномъ обликѣ толстовца Куренкова такъ-таки не нашлось на одной симпатичной черты. Ясно, что г. Чириковъ „переборщилъ", какъ говорятъ хохлы

Я думаю, что въ данномъ случаѣ на творчествѣ г. Чирикова сказалось,—быть-можетъ, даже противъ его воли,—вліяніе общественныхъ настроеній, общественнаго гипноза. Дѣло въ томъ, что наша передовая интеллигенція крайне недолюбливаетъ толстовцевъ, относится къ нимъ рѣзко отрицательно. Такое отношеніе установилось уже давно, и оно объединяетъ очень различныя по своему внутреннему характеру теченія.

Покойный Владиміръ Соловьевъ, какъ убѣжденный перковникъ, вообще крайне не любилъ сектантства. Но особенно онъ не переваривалъ „толстовства", о которомъ всегда отзывался не иначе, какъ съ очень злой иронією. Помнится, немало ядовитыхъ стрѣлъ по адресу толстовцевъ и другихъ сектантовъ было пущено Владиміромъ Соловьевымъ въ его „Трехъ разговорахъ".

Еще болѣе отрицательно, хотя и съ другой точки зрѣнія, относился къ толстовству другой крупный представитель русской общественной мысли временъ Толстого,—покойный Н. К. Михайловскій. Размѣры очерка не позволяютъ мнѣ, къ сожалѣнію, привести соотвѣтствующія цитаты въ подкрѣпленіе своихъ словъ, но я утѣшаюсь тѣмъ, что многимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, знакомы и памятны статьи по этому вопросу нашего выдающагося критика и публициста.

Преемники Михайловскаго, представители болѣе молодыхъ поколѣній, вполнѣ раздѣляютъ его воззрѣнія на роль и значеніе толстовцевъ въ русской общественной жизни. „Толстовство, какъ живое общественное теченіе уже изсякло, и самъ Толстой давно переросъ его“,— писалъ А. В. Пѣшехоновъ вскорѣ послѣ смерти Льва Николаевича. Далѣе онъ старался доказать, „насколько толстовство мало подходило къ Льву Николаевичу и, какъ подчасъ было непріятно для него“ *).

Но г. Пѣшехоновъ, видимо, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно фактовъ, подкрѣпляющихъ его вполнѣ справедливые, конечно, выводы и заключенія. Между тѣмъ онъ могъ бы указать, что и самъ Левъ Николаевичъ, тяготясь „толстовствомъ“, не разъ старался отмежеваться отъ него. Съ этой цѣлью онъ выступалъ даже въ печати. Еще чаще онъ заявлялъ объ этомъ въ своихъ бесѣдахъ съ близкими ему людьми.

— *Я—Толстой, но не толстовецъ*,—говаривалъ онъ многимъ изъ своихъ друзей и знакомыхъ.

Что касается тѣхъ общественныхъ группъ и теченій, которыя относятся отрицательно вообще ко всякому движенію религіознаго характера, то объ ихъ отношеніи къ толстовству нечего, разумѣется, и говорить: оно само собой понятно.

Насколько наше общество любитъ и чтитъ Толстого, настолько же оно не любитъ толстовцевъ, которымъ не можетъ простить ихъ узости, часто убогой односторонности, ихъ отрицательнаго, а нерѣдко и прямо враждебнаго отношенія къ наукѣ, культурѣ и ко всему, что носитъ на себѣ печать общественности. Русское прогрессивное общество не въ силахъ простить толстовцамъ ихъ черствaго, холоднаго, ледянаго равнодушія къ происходящей вокругъ великой борьбѣ за свободу и счастье народа, за политическіе и соціальные идеалы, за обновленіе и возрожденіе родной страны.

*) „Гора и море“ А. Пѣшехонова. „Русское Богатство“ 1910 г № 11-й.

Этотъ разрывъ, это отчужденіе особенно остро почувствовались обществомъ въ тяжелые годы недавней борьбы, раздѣлившей всю сознательную Россію на два лагеря,—на друзей и враговъ народа. Съ тѣхъ поръ разрывъ все углубляется, пропасть, отдѣляющая толстовство отъ передовыхъ слоевъ общества, становится все глубже, все непроходимѣе.

Я знаю, мнѣ могутъ возразить, что при оцѣнкѣ толстовства, какъ явленія главнымъ образомъ духовной религіозной жизни и, слѣдовательно, лежащаго въ особой плоскости, неумѣстно предъявлять требованія политическаго и соціальнаго характера. Людей „не пріемлющихъ міра“ нельзя судить съ точки зрѣнія интересовъ этого міра Но если мы, признавъ справедливость этого возраженія, попытаемся взглянуть на толстовство съ точки зрѣнія высшихъ идеаловъ, высшихъ достиженій, то здѣсь насъ ожидаетъ еще болѣе горькое разочарованіе.

Мы увидимъ, что изъ великаго неутомимаго искателя вѣчныхъ истинъ, высшихъ моральныхъ цѣнностей,—смѣлаго, дерзкаго, въ душѣ котораго всю жизнь яркимъ пламенемъ горѣлъ мятежъ противъ догмы, бунтъ противъ авторитетовъ, страстная тревога за человѣка,—изъ этого титана хотятъ сдѣлать какого-то сектанта,—узкаго, нетерпимаго...

Свести колоссальное духовное богатство, оставленное Толстымъ, въ узкія рамки какой-то секты, чуть не единственными догматами которой являются непротивленіе, опрощеніе, вегетаріанство и некуреніе,—вотъ въ чемъ заключается главная вина, главное преступленіе такъ-называемыхъ толстовцевъ. И въ этомъ главнымъ образомъ лежитъ причина того глубокаго кризиса, который переживается сейчасъ толстовствомъ.

Можно ли удивляться тому, что болѣе живые, болѣе чуткіе и болѣе искренніе люди бѣгутъ изъ толстовства, порываютъ съ нимъ всякія связи? Я могъ бы привести здѣсь длинный списокъ лицъ, которыя, разочарова-

ышись въ толстовствѣ, убѣдившись въ его узости и косности, порвали съ нимъ и вернулись къ активной дѣятельности въ разныхъ областяхъ общественной жизни.

И теперь толстовство, видимо, хирѣетъ и дряхлѣетъ все болѣе и болѣе. Оно застыло, закоченѣло въ мертвой неподвижности своихъ догматовъ. Жизнь отлетѣла отъ него.

Всякія исканія, порывы, муки религіознаго творчества замерли Всѣ успокоились, такъ какъ кодексъ житейской морали и этики выработанъ и установленъ незыблемо. Онъ крайне простъ.

Не пей.

Не кури.

Не убей.

Не блуди.

Не ѣшь убоины.

Вотъ и весь кодексъ, поражающій своею примитивностью, своей необычайной элементарностью. Онъ проще и короче, чѣмъ заповѣди Моисея, хотя съ тѣхъ поръ человѣческая жизнь, человѣческая психологія какъ-будто немного осложнились.

Толстовецъ Куренковъ, выведенный въ романѣ г. Чирикова, безъ всякаго сомнѣнія, въ точности исполняетъ всѣ заповѣди, вошедшія въ толстовскій кодексъ. Но—увы -это, очевидно, нисколько не мѣшаетъ ему оставаться и холоднымъ резонеромъ, и заскорузлымъ эгоистомъ.

Да, жизнь отлетѣла отъ толстовства, обнаруживъ его полную нищету духа, его банкротство мысли.

И это въ то самое время, когда идеи Толстого получаютъ все большее распространеніе въ народѣ, проникая въ широкіе демократическіе слои сельской „полуинтеллигенціи“, сектантовъ и религіозныхъ отщепенцевъ, рабочихъ, крестьянства. Съ жадностью воспринимаемыя, здѣсь эти идеи перерабатываются, пре-

творяются и усваиваются въ духѣ и направленіи, менѣе всего согласномъ съ воззрѣніями правовѣрныхъ толстовцевъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что заслуга въ дѣлѣ распространенія произведеній Льва Николаевича главнымъ образомъ принадлежитъ толстовцамъ. Но это было едва ли не единственное большое, хорошее дѣло, исполненное толстовцами. Къ тому же необходимо замѣтить, что это было дѣломъ отдѣльныхъ, сравнительно очень немногихъ лицъ, дѣятельность которыхъ въ этомъ направленіи заслуживаетъ, разумѣется, самой глубокой и искренней признательности со стороны общества. Изъ этихъ лицъ слѣдуетъ прежде всего назвать Вл. Гр. Черткова и Пв. Пв. Горбунова-Посадова.

Возникновеніе толстовства на первыхъ порахъ вызвало настоящую панику въ церковныхъ и синодскихъ кругахъ. Слѣды этой паники ясно видны между прочимъ въ отчетахъ тогдашняго оберъ-прокурора Побѣдоносцева. Духовныя власти боялись популярности имени Толстого, опасались, что толстовство сумѣетъ объединить подъ своимъ знаменемъ все наше многомилліонное сектантство, опасались широкаго религіозно-общественнаго движенія.

Дѣйствительность не оправдала этихъ опасеній; поэтому страхи постепенно все слабѣли и, наконецъ, теперь, повидимому, совсѣмъ исчезли. Власти убѣдились, что вмѣсто реформаціоннаго движенія прибавилась лишь одна новая секта. Но въ Россіи такъ много всевозможныхъ сектъ, что одной больше, одной меньше,— не все ли это равно?..

„Непротивленыши".

Говорятъ, эта кличка впервые была пущена покойнымъ Лѣсковымъ, который вообще славился своимъ умѣньемъ изобрѣтать и пускать въ обращеніе разныя новыя крылатыя слова и словечки.

Какъ извѣстно, Лѣсковъ былъ горячимъ поклонникомъ Л. Н. Толстого, но терпѣть не могъ толстовцевъ, главнѣйшимъ догматомъ религіозно-соціальнаго credo которыхъ является идея о „непротивленіи", т.-е. идея безусловнаго, абсолютнаго отрицанія *всякаго* насилія *при всякихъ* условіяхъ.

Кличка, пущенная въ ходъ Лѣсковымъ, привилась, получила широкое распространеніе и сейчасъ пользуется большой популярностью, особенно въ кружкахъ, интересующихся вопросами религіознаго характера

Толстовство возникло у меня на глазахъ. Благодаря личному знакомству со Л. Н. Толстымъ,—начало котораго относится къ 1881 году,—я имѣлъ возможность близко наблюдать и процессъ зарожденія „толстовства", и его первые шаги, и дѣятельность первыхъ его адептовъ и прозелитовъ. Когда-нибудь обо всемъ этомъ я азскажу подробнѣе.

На этотъ разъ мнѣ хочется привести здѣсь нѣсколько иллюстрацій на тему о томъ, до какихъ уродливыхъ, нелѣпыхъ, карикатурныхъ формъ доходитъ у толстовцевъ неуклонное проведеніе ими въ жизнь принципа непротивленія, въ какія дебри заводятъ ихъ эти прямолинейныя стремленія при полномъ игнорированіи условій реальной жизни.

Такъ какъ въ моемъ разсказѣ между прочимъ выводится одинъ изъ толстовцевъ-непротивленцевъ, извѣстный подъ именемъ „Сережи Попова", то я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Молодой человѣкъ, Сергѣй Михайловичъ Поповъ, является яркимъ представителемъ того типа толстовцевъ, которые въ высшей степени послѣдовательно проводятъ въ жизнь свои религіозно-соціальные взгляды и убѣжденія, не допуская никакихъ компромиссовъ, не отступая ни передъ чѣмъ.

Сережа Поповъ отрицаетъ деньги и всякую другую собственность, проповѣдуетъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, въ жизни, полную, почти діогеновскую нищету. Онъ ведетъ жизнь одинокаго и бездомнаго странника; работаетъ, гдѣ придется, при чемъ ни отъ какой работы не отказывается, хотя предпочитаетъ работать въ поляхъ, садахъ, огородахъ.

За работу считаетъ себя въ правѣ пользоваться пищей и кровомъ, иногда,—въ виду крайней нужды,—необходимымъ бѣльемъ и одеждой. Но обыкновенно у него не бываетъ болѣе *одной* рубашки, болѣе *одного* пиджака и т. д. Отъ денегъ за трудъ онъ всегда отказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Еще рѣшительнѣе онъ отрицаетъ всякое насилие,—не только по отношенію къ человѣку, но и животному Въ послѣднее время онъ пошелъ еще дальше въ этомъ направленіи и началъ отрицать насиліе даже по отношенію *къ растенію*. Но объ этомъ какъ-нибудь въ другой разъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ тишѣ читатели найдутъ въ слѣдующихъ главахъ этой книги.

Сережа Поповъ, выйдя на крыльцо, замѣтилъ, что мальчики гоняются по двору за мышью, стараясь ее поймать. Онъ тотчасъ же заподозрилъ, что дѣти не прочь помучить мышенка, а быть-можетъ, готовы даже и совсѣмъ прикончить его. Разумѣется, онъ въ ту же минуту бросается спасать мышенка.

— Дѣти, дѣти! Что вы дѣлаете?!. Развѣ можно мучить бѣднаго мышенка?.. Смотрите, вы его совсѣмъ замучили... Онъ еле бѣжитъ... Бѣдненькій, бѣдненькій...

Сережа беретъ въ руки мышенка, ласкаетъ его и

уноситъ подальше отъ „мучителей“. Онъ накормилъ его, напоилъ, а затѣмъ пустилъ въ какой-то чуланъ, гдѣ поставилъ пищу и питье для мышенка. Каждый день по нѣскольку разъ онъ приходилъ въ этотъ чуланъ, приготовлялъ пищу, перемѣнялъ воду, ласкалъ мышенка, ходилъ за нимъ, заботился о немъ. И такъ онъ возился съ этимъ мышенкомъ нѣсколько недѣль, пока тотъ, неблагодарный, не исчезъ куда-то,—быть-можетъ, въ закромы, гдѣ хранился крестьянскій хлѣбъ.

Объ этомъ съ явнымъ сочувствіемъ и даже съ умиленіемъ разсказывалъ мнѣ одинъ молодой человѣкъ, Г. И Л, начинающій писатель, котораго его знакомые считаютъ также за толстовца.

Но я, признаюсь, никакъ не могъ раздѣлить этого умиленія. Разумѣется, Сережа сдѣлалъ очень хорошо, что преподалъ дѣтямъ урокъ сострадательнаго отношенія къ беззащитнымъ животнымъ Но у меня невольно возникалъ назойливый вопросъ а какъ бы поступилъ въ подобныхъ же случаяхъ тотъ же Сережа Поповъ, если бы вмѣсто мышенка ему пришлось имѣть дѣло скажемъ, съ крысами, или сусликами, которыхъ современная медицина считаетъ главными распространителями такой грозной и страшной болѣзни, какъ чума?

Все, что я знаю о Сережѣ Поповѣ, не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и крысы и суслики всегда и при всякихъ условіяхъ нашли бы въ немъ такого же горячаго и вѣрнаго защитника и покровителя, какого нашелъ въ его лицѣ затравленный мальчиками мышенокъ. Я увѣренъ, что никакіе медицинскіе авторитеты въ мірѣ не въ состояніи убѣдить Сережу Попова въ необходимости истребленія крысъ или сусликовъ.

И еще одна мысль неотступно лѣзла въ голову: неужели же Сережа Поповъ въ окружающей его обстановкѣ не могъ найти, помимо мышенка, никого изъ людей, которые бы нуждались и въ его участіи, и въ его ласкѣ?

Другой фактъ.

Дѣло происходитъ въ Швейцаріи, гдѣ вмѣстѣ со своей семьей проживаетъ одинъ правовѣрный толстовецъ въ собственной виллѣ или, быть-можетъ, будетъ точнѣе сказать, въ усадьбѣ. У него хорошій садъ, за которымъ онъ заботливо ухаживаетъ. Въ этихъ заботахъ ему помогаетъ его маленькій сынишка, мальчикъ лѣтъ 10—11-ти.

— Жукъ, жукъ!—кричитъ однажды мальчикъ, завидя какого-то „подозрительнаго“ жука на яблонѣ.— Это—тотъ самый жукъ, который портитъ яблоки,—убѣжденно говоритъ онъ.—Убить его?—спрашиваетъ мальчикъ въ нерѣшительности.

— Что ты говоришь?—протестуетъ отецъ —Какъ можно убивать!

— Но что же съ нимъ дѣлать? Вѣдь онъ всѣ наши яблоки перепортитъ.

Отецъ подумалъ, поколебался, а затѣмъ обратился къ сыну съ такимъ совѣтомъ:

— Брось его... черезъ ограду.

Мальчикъ не заставилъ себя просить, и „подозрительный“ жукъ полетѣлъ черезъ ограду,—въ садъ къ сосѣду.

Итакъ, средство противъ вредныхъ жуковъ и другихъ насѣкомыхъ было найдено, и мальчикъ началъ, не стѣсняясь, въ широкихъ размѣрахъ пользоваться этимъ средствомъ.

Но, разумѣется, это не могло продолжиться долго. Вскорѣ продѣлки мальчика были замѣчены, и отъ найденнаго „средства“ волей-неволей пришлось отказаться.

Такимъ образомъ, снова возникалъ неотвязный вопросъ: что-же дѣлать съ вредными жуками и другими подобными насѣкомыми? Долго думалъ объ этомъ отецъ-толстовецъ и, наконецъ, рѣшилъ.

— Спускай ихъ въ прудъ!—сказалъ онъ сыну.

Мальчикъ началъ „спускать“. Жуки, не приспособленные къ жизни въ водѣ, конечно, гибли.

Въ сущности это было то же „убійство“, лишь чуть-чуть замаскированное, но... дѣлать было нечего, въ силу необходимости приходилось мириться съ этимъ, чтобы спасти яблоки и другіе фрукты, необходимые для вегетаріанскаго питанія.

Слушая разсказъ объ этомъ своего знакомаго Виктора Александровича Данилова, я невольно вспоминалъ саранчу, вспоминалъ знаменитую гессенскую муху и другихъ многочисленныхъ „вредителей“, которые наносятъ такой страшный уронъ посѣвамъ ржи, пшеницы и овса, уничтожая нерѣдко до-тла ихъ всходы. Вспоминалъ крестьянъ и сельскихъ хозяевъ, ведущихъ съ этими вредителями ожесточенную систематическую борьбу путемъ безпощаднаго истребленія ихъ. Конечно, всѣ эти мирные, безобидные люди, какъ нельзя болѣе далеки отъ мысли о томъ, что кто-то можетъ предъявить имъ обвиненіе въ жестокихъ и массовыхъ убійствахъ.

Третій фактъ.

Докторъ Владиміръ Васильевичъ Рахмановъ, самъ бывшій нѣкогда толстовцемъ, человѣкъ, заслуживающій полнаго довѣрія, разсказывалъ мнѣ такой случай

Г-жа Х—интеллигентная барышня, близкая родственница извѣстнаго толстовца г Z. Но сама она не „толстовка“, а просто образованная, начитанная барышня, „сама-по-себѣ“, свободомыслящая, не чуждая запросовъ религіознаго характера.

Разъ какъ-то ей пришлось гостить въ интеллигентной семьѣ знакомыхъ толстовцевъ А—выхъ. Жена А—ва только-что родила ребенка. Въ первую же ночь, проведенную у А—выхъ, г-жа Х. совершенно неожиданно для нея подверглась нападенію... клоповъ. Она провела непріятную, безпокойную ночь.

На утро г-жа Х. узнаетъ, что и сама хозяйка дома

страдаетъ отъ клоповъ. Жена А—ва, малокровная, болѣзненная, медленно поправлявшаяся отъ родовъ женщина, также сильно мучилась оттого, что клопы не давали ей заснуть, безпокоили ее по ночамъ, и, какъ пiявки, высасывали кровь.

Г. А—въ знаетъ все это; онъ видитъ, что и жена, и гостья, и даже ребенокъ жестоко страдаютъ отъ клоповъ, не досыпаютъ ночей, что это крайне вредно отражается на ихъ самочувствiи и даже на здоровьѣ. Но онъ не придумаетъ, какъ можно помочь имъ въ этомъ случаѣ, не нарушая великаго догмата о „непротивленiи".

Время идетъ, всѣ мучаются,—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Наконецъ, у А—ва созрѣваетъ рѣшенiе. Какъ-то поутру онъ вооружается метелкой, беретъ коробку и начинаетъ собирать въ нее клоповъ. Осматриваетъ кровати, шаритъ по обоямъ, выгоняетъ цѣлые рои клоповъ изъ ихъ укромныхъ уголковъ и запираетъ въ коробку, стараясь при этомъ, чтобы,—Боже упаси!—какъ-нибудь не раздавить по неосторожности какого-либо слишкомъ юркаго клопа. Эта своеобразная охота, благодаря необыкновенному изобилiю „дичи", удается какъ нельзя лучше чуть не полная коробка!

Затѣмъ онъ выходитъ на улицу съ твердымъ намѣренiемъ выбросить коробку съ клопами въ снѣжный сугробъ. Но въ послѣднюю минуту его рѣшимость вдругъ поколебалась. „Что я дѣлаю?—подумалъ онъ:—Вѣдь клопы, выброшенные мною въ снѣгъ, неизбѣжно погибнутъ. Такимъ образомъ, я буду ихъ убiйцей. Убiйцей, быть-можетъ, цѣлой сотни живыхъ существъ! Конечно, они вредятъ человѣку. Но не то же ли самое говорятъ люди, которые примѣняютъ смертную казнь и воздвигаютъ эшафоты и висѣлицы? Не то же ли самое говорятъ террористы, которые расправляются со своими врагами при помощи бомбъ и браунинговъ?

Всѣ подобныя дѣйствiя вызываются чувствомъ

злобы и ненависти, которое никогда не должно имѣть мѣста въ нашемъ сердцѣ. Ни къ „вреднымъ людямъ", ни къ вреднымъ насѣкомымъ нельзя питать чувства ненависти . Не мною дана имъ жизнь, поэтому я не имѣю никакого права отнимать ее у нихъ. Въ противномъ случаѣ мой поступокъ будетъ не что иное, какъ коллективное убійство Но я не желаю быть ни палачомъ, ни террористомъ"

Словомъ, г А—въ переживаетъ въ своемъ родѣ настоящую трагедію, которая кончается тѣмъ, что онъ идетъ домой, въ свою квартиру, раскрываетъ роковую коробку и выпускаетъ на волю клоповъ, которые спѣшатъ на старыя, насиженныя мѣста, на стѣны и въ кровати.

— Въ эту ночь мы уже совсѣмъ не смыкали глазъ,— говорила г-жа Х ,—ни я, ни жена А—ва ни на минуту не могли уснуть, такъ какъ клопы буквально осыпали насъ, точно мстили намъ за попытку избавиться отъ нихъ

Это—не анекдотъ, не шаржъ, не карикатура это—подлинное, „истинное происшествіе", какъ нельзя болѣе ярко иллюстрирующее тотъ безнадежный тупикъ, въ который попали „правовѣрные" господа толстовцы, благодаря узкому догматизму и мертвому, бездушному доктринерству.

Слушая этотъ разсказъ, многіе смѣются: одни—добродушно, другіе негодуя. Но мнѣ при этомъ всегда бываетъ до боли обидно... Обидно за Льва Николаевича Толстого, за его ученіе, за его великую любовь *къ человѣку.*

ТОЛСТОВЦЫ.

I.

Левъ и Сережа

— Пришли какіе-то два человѣка,—сообщаетъ прислуга,—по черному ходу... васъ спрашиваютъ.

— Кто такіе?

— Да кто жъ ихъ знаетъ... Должно-быть, сектанты какіе-нибудь.

Сектанты, какъ здѣшніе, петербургскіе, такъ и пріѣзжіе изъ провинціи, частенько навѣщаютъ меня, и потому прислуга давно уже присмотрѣлась къ нимъ.

— Просите.

Входитъ молодой человѣкъ, лѣтъ 20 съ небольшимъ, средняго роста, въ желтой верблюжьяго сукна курткѣ и высокихъ сапогахъ, а за нимъ—здоровый, могучій, широкоплечій мужчина съ львиной шевелюрой, одѣтый въ крестьянскій чапанъ и [redacted]ные высокіе сапоги.

— Насъ направилъ къ вамъ И. М. Т.,—говоритъ молодой человѣкъ.—Мы хотѣли повидать васъ, познакомиться съ вами, такъ какъ читали ваши книжки. „Религіозные отщепенцы“.

И. М. Т.—бывшій толстовецъ, теперь „свободный христіанинъ“—мой хорошій знакомый.

Прошу садиться и, обращаясь къ молодому человѣку, спрашиваю, какъ его звать.

Вижу, маленькая заминка. Молодой человѣкъ не спѣшитъ отвѣтить, а его спутникъ замѣчаетъ: „Къ чему это? Развѣ не все равно, какъ звать?“

Въ своихъ отношеніяхъ съ сектантами мнѣ приходилось встрѣчать послѣдователей такихъ ученій, которыя отрицали имена и фамиліи, не любили открывать ихъ и предпочитали называть себя „рабъ Христовъ“, „раба Христова“. Это были послѣдователи такихъ крайнихъ сектъ, какъ бѣгуны или странники, неплательщики, „не-наши“ и т. п. Зная это, я не настаивалъ на своемъ вопросѣ, но все же замѣтилъ своимъ новымъ знакомымъ, что какъ-то неудобно вести разговоръ, не зная имени, отчества своего собесѣдника.

Послѣ нѣкотораго колебанія молодой человѣкъ сказалъ, что его зовутъ Сергѣемъ, а его спутника—Львомъ. Я не зналъ, были ли это настоящія ихъ имена или только клички, принятыя ими, но не могъ не подумать, что Левъ дѣйствительно выглядѣлъ львомъ, и если это была лишь кличка его, то во всякомъ случаѣ слѣдовало признать, что она, по извѣстной пословицѣ, пришлась ему какъ нельзя болѣе „по шерсти“. Смѣлый увѣренный взглядъ, правильныя, мужественныя черты лица, большой черепъ, рыжеватая борода съ огненнымъ отливомъ, откинутыя назадъ непокорныя, буйныя пряди густыхъ длинныхъ волосъ, сильная, точно вылитая изъ бронзы, пропорціонально сложенная фигура.

Я невольно пожалѣлъ, что я не художникъ и даже не фотографъ.

Спутникъ Льва представлялъ по внѣшности полную противоположность ему: небольшого роста, съ блѣднымъ лицомъ и румяными щеками, съ подслѣповатыми больными глазами, которыми онъ не могъ смотрѣть прямо даже на прикрытую абажуромъ лампу, молчаливый, съ нерѣшительными движеніями—онъ производилъ впечатлѣніе скромнаго юноши-неудачника. Всѣ его знакомые обыкновенно называютъ его „Сережей“.

Я полюбопытствовалъ узнать отъ своихъ новыхъ знакомыхъ, откуда они.

Новое недоразумѣніе. Послѣ нѣкотораго неловкаго молчанія Левъ переспросилъ меня: „что значитъ „откуда“? Желаю ли я знать, откуда они пришли или откуда они родомъ»?

Я сказалъ, что мнѣ было бы интересно знать, откуда они пріѣхали въ Петербургъ, а также, гдѣ ихъ родина.

— Къ чему это?—началъ Левъ.—Развѣ не все равно, откуда мы? Неужели нужны еще губерніи, уѣзды, волости? Все это ни къ чему, это государственность, казенщина.. Зачѣмъ все это? Ничего этого не надо! Мы этого не признаемъ... Все это—ерунда!—энергично добавилъ онъ и тряхнулъ своей львиной гривой, откинувъ назадъ упрямыя длинныя пряди волосъ.

Не сразу наладился разговоръ. Но постепенно и мало-по-малу шероховатости исчезли, и мы вступили въ мирную, душевную бесѣду о ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, объ отношеніи ихъ къ различнымъ явленіямъ общественной жизни и т. д. Бесѣда наша затянулась; приближался обѣденный часъ, и потому я хотѣлъ было предложить моимъ новымъ знакомымъ пообѣдать у меня, но тотчасъ же долженъ былъ отказаться отъ этой мысли, такъ какъ узналъ, что они вегетаріанцы. Строгіе вегетаріанцы и притомъ ригористы, не употребляющіе въ пищу „ничего лишняго“, кромѣ хлѣба и овощей.

На вопросъ, отчего они не ѣдятъ мяса и рыбы, Сергѣй отвѣчалъ:

— Все живое хочетъ жить и страшится страданій смерти. Поэтому я не въ правѣ отнимать жизнь, такъ какъ я не могу ее вернуть. Моя цѣль—любить все живое. Если я скажу, что все для меня, то вѣдь то же самое можете сказать и вы, и птица, и рыба, и червячокъ... Все живое хочетъ жить,—еще разъ съ убѣжденіемъ проговорилъ онъ.

— Можетъ-быть, мы выпьемъ чайку?—предложилъ я.

— Мы не пьемъ чаю.

— Какъ? Совсѣмъ, никогда?

— Никогда! . Мы пьемъ только кипятокъ.

— Ну, будемъ пить кипятокъ!

И они, дѣйствительно, пили кипятокъ съ сахаромъ „вприкуску". Сережа съ видимымъ удовольствіемъ выпилъ три-четыре стакана кипятку, откусывая при этомъ крохотные кусочки сахара.

Хотя мои новые знакомые и не называли себя прямо „толстовцами", тѣмъ не менѣе, для меня не было никакого сомнѣнія въ томъ, что предо мной были люди, воспринявшіе и по-своему переработавшіе идеи великаго моралиста.

Какія именно идеи были усвоены ими,— этого я, конечно не зналъ, такъ какъ изъ Толстого, какъ изъ моря, разные люди почерпаютъ различныя моральныя и религіозныя цѣнности. Каждый беретъ то, что ему болѣе сродно, что отвѣчаетъ его наклонностямъ, его духовнымъ запросамъ.

II.

Современные Діогены.

— Я Толстой, но не „толстовецъ",—любилъ повторять Левъ Николаевичъ.

И съ этими словами знаменитаго писателя необходимо, конечно, серьезно считаться. Религіозно-этическое ученіе Толстого хорошо, разумѣется, знакомо русскому обществу. Но, къ сожалѣнію, мы очень мало имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ именно это ученіе воспринимается его послѣдователями, принадлежащими къ различнымъ слоямъ населенія, какъ преломляются въ жизни идеи и взгляды Толстого, проводимые имъ въ его сочиненіяхъ и воспринимаемые людьми, жаждущими этическаго и религіознаго обновленія Между

тѣмъ все это, несомнѣнно, представляетъ очень крупный жизненный интересъ, и притомъ съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Съ любопытствомъ и вниманіемъ отнесся я къ толстовцамъ, съ которыми мнѣ только что пришлось познакомиться, и которые начали бывать у меня. Болѣе откровеннымъ оказался Сергѣй или „Сережа“, какъ обыкновенно называли его знакомые. Вотъ что онъ сообщилъ мнѣ о себѣ и о своемъ прошломъ.

Отецъ его былъ петербургскій чиновникъ, умершій въ то время, когда Сергѣю было два года. Дѣти остались на рукахъ у матери, которая служила въ одномъ изъ городскихъ учрежденій и, благодаря этому, имѣла возможность дать дѣтямъ образованіе. Дочь получила мѣсто учительницы, старшій сынъ поступилъ въ политехническій институтъ, а съ Сергѣемъ вышла цѣлая исторія.

Будучи въ седьмомъ классѣ гимназіи, Сергѣй увлекся революціонными идеями, которыя въ то время носились въ воздухѣ. Подъ вліяніемъ этихъ идей, онъ бросилъ гимназію, рѣшивши итти въ народъ, чтобы въ роли сельскаго учителя распространять революціонныя идеи.

Но какъ разъ въ этотъ моментъ ему попадается извѣстное сочиненіе Л. Н. Толстого: „Въ чемъ моя вѣра“. Оно производитъ цѣлый переворотъ въ его взглядахъ и убѣжденіяхъ, видимо, въ то время далеко еще не окрѣпшихъ. Онъ съ жаромъ начинаетъ перечитывать одно за другимъ произведенія Толстого по религіозно-этическимъ вопросамъ, и въ результатѣ—полное перерожденіе.

— Я понялъ,—говорилъ мнѣ Сергѣй,—что тутъ, въ этихъ сочиненіяхъ, была сама истина. Я съ поразительной ясностью увидѣлъ, что до тѣхъ поръ я стоялъ на ложномъ пути. И я рѣшился порвать со своимъ прошлымъ, чтобы начать новую жизнь, на новыхъ на-

чалахъ, согласно ученію Христа. Глубокій смыслъ этого ученія впервые уяснилъ мнѣ Толстой своими сочиненіями...

Онъ бросаетъ домъ, оставляетъ родныхъ и отправляется на Кавказъ, въ извѣстную колонію „Криница", въ качествѣ простого рабочаго. На первыхъ порахъ, по его словамъ, ему приходилось очень трудно, тѣмъ болѣе, что нерѣдко работа была крайне тяжелая, какъ, напримѣръ, корчевка пней. Бывали случаи, когда онъ среди работы падалъ въ обморокъ. Но постепенно выработалась привычка къ физическому труду, и теперь его уже не затрудняетъ никакая работа.

Со временемъ ему пришлось побывать во многихъ другихъ общинахъ „толстовцевъ", находящихся въ разныхъ концахъ Россіи. Былъ у С—ва, близъ Майкопа, былъ у Ш—на, на югѣ Россіи, былъ въ Тульской губерніи у Б—на и т. д. Во всѣхъ этихъ общинахъ онъ жилъ, какъ рядовой рабочій, исполняя, главнымъ образомъ, полевыя работы, которыя особенно пришлись ему по душѣ.

— Вы, конечно, получали вознагражденіе за свой трудъ. Какъ велика рабочая плата въ общинахъ?— спросилъ я.

— Нѣтъ, вознагражденія я не получалъ, такъ какъ не желалъ этого,—отвѣчалъ Сергѣй.—Зачѣмъ? Мнѣ давали то, что было нужно кормили меня, давали мнѣ платье, если оно изнашивалось, бѣлье, если оно разваливалось.

— А на другіе расходы?

— Какіе же другіе расходы... Книги для чтенія я бралъ изъ общины, конечно, безплатно... Я не пью, не курю... Зачѣмъ мнѣ деньги?

Дѣйствительно, Сережа и Левъ живутъ, какъ нищіе, всегда безъ копейки денегъ. Вѣрнѣе говоря, даже хуже, чѣмъ нищіе, такъ какъ послѣдніе нерѣдко скапливаютъ себѣ что-нибудь про черный день, между

тѣмъ какъ Левъ и Сережа въ силу принципа всегда стараются обойтись безъ гроша денегъ. Если имъ даютъ деньги, то они большею частью отказываются отъ нихъ.

При освобожденіи Сергѣя изъ тюрьмы полицейскаго участка приставъ говоритъ ему:

— Сережа, вотъ возьми на хлѣбъ,—и даетъ ему серебряную монету.

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчаетъ Сергѣй,—меня здѣсь кормили, и сейчасъ я только что пообѣдалъ, не надо До свиданья!

И уходитъ. Уходитъ въ пространство безъ копейки денегъ, не зная, придется ли ему на другой день пообѣдать или нѣтъ.

Если вы объясните этотъ отказъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ Сергѣй не пожелалъ воспользоваться помощью потому, что она предлагалась ему полицейскимъ чиновникомъ, къ которому онъ не могъ не относиться отрицательно, то вы сильно ошибетесь въ этомъ. Дальше мы увидимъ, что Сергѣй ко всѣмъ людямъ относится совершенно одинаково, независимо отъ ихъ служебнаго положенія, и что никакого предубѣжденія противъ городовыхъ, околоточныхъ, приставовъ и другихъ полицейскихъ чиновъ у него нѣтъ. Всѣ люди, всѣ братья.

Итакъ, суть совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, что Сергѣй отрицаетъ какъ деньги, такъ и всякую другую собственность, проповѣдуя необходимость ограничивать, во что бы то ни стало, всѣ свои потребности, даже самыя элементарныя и примитивныя.

— Богатъ не тотъ, у кого много, а тотъ, *кому ничего не надо*,—говоритъ Сергѣй.

Это убѣжденіе раздѣляется и Львомъ, который еще послѣдовательнѣе проводитъ въ жизнь принципъ отрѣшенія отъ потребностей, признаваемыхъ всѣми необходимыми. Дѣло доходитъ до того, что, какъ, напри-

мѣръ, прошлымъ лѣтомъ, Левъ отказался не только отъ кафтана, но даже отъ шапки и лаптей. Такъ и ходилъ по селамъ и городамъ босой, безъ шапки, въ одной рубахѣ. По этому поводу Сергѣй говорилъ:

— Левъ богаче всѣхъ насъ. Мы всѣ рабы своихъ потребностей, своихъ привычекъ. Я, напримѣръ, не могу обойтись безъ шапки и лаптей, а потому являюсь рабомъ этихъ вещей. Левъ же свободенъ отъ всего этого...

Вотъ они, Діогены XX вѣка! Мнѣ кажется, они немало сожалѣютъ о томъ, что у насъ, въ Россіи, нельзя, какъ въ Аѳинахъ, жить въ бочкѣ, а необходимо имѣть если не комнату, то, хотя уголъ.

Въ наше время ожесточенной борьбы за существованіе и бѣшеной погони за средствами, за гонорарами, за удовольствіями и наслажденіями,—эти люди, проповѣдующіе возможно полное отреченіе отъ всѣхъ потребностей и привычекъ современнаго человѣка, идеализирующіе нищету и діогеновское существованіе,—какими странными, какими жалкими чудаками являются они въ глазахъ всѣхъ трезвыхъ, уравновѣшенныхъ людей!

И, тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ далѣе—ихъ, этихъ людей, считаютъ очень опасными, ихъ преслѣдуютъ, арестуютъ, сажаютъ въ тюрьмы, гоняютъ по этапамъ, несмотря на конституцію и обновленный строй.

III

Мнѣніе Побѣдоносцева и миссіонеровъ.

Я обѣщался подробнѣе поговорить о религіозныхъ взглядахъ моихъ новыхъ знакомыхъ изъ числа „толстовцевъ"—Сергѣя и Льва.

Но я предвижу, что найдутся читатели, которые могутъ предложить вопросъ. да стоитъ ли останавливаться на религіозныхъ убѣжденіяхъ людей, изъ кото-

рыхъ одинъ является недоучившимся гимназистомъ, а другой—простымъ рабочимъ? Въ виду этого, считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ, почему именно представляется интереснымъ и даже существеннымъ прислушаться въ данномъ случаѣ къ мнѣніямъ этихъ людей, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ къ городскому полуинтеллигентному слою, а другой во многихъ отношеніяхъ является типичнымъ представителемъ деревенскаго пролетаріата.

Еще покойный Побѣдоносцевъ старался увѣрить, что ученіе Толстого „начинаетъ уже становиться достояніемъ народной массы". По его словамъ, толстовство, какъ секта, наблюдалось въ цѣломъ рядѣ губерній, а именно. въ Харьковской, Воронежской, Курской, Полтавской, Кіевской, Екатеринославской и, наконецъ, на Кавказѣ и въ Сибири.

По увѣренію Побѣдоносцева, „толстовство, какъ болѣе свѣжее и богатое умственными силами ученіе, начинаетъ подчинять себѣ всѣ другія сектантскія лже-ученія, мало-по-малу теряющія подъ вліяніемъ его свою самостоятельность и оригинальность". Но, помимо этого, толстовство, по свидѣтельству Побѣдоносцева, съ успѣхомъ пролагаетъ себѣ путь и въ средѣ православной части населенія. При этомъ метафизическую сторону новаго ученія крестьяне яко бы оставляютъ въ покоѣ, какъ непонятную и потому неинтересную для нихъ; но „они усваиваютъ практическую сторону толстовства, которая представляется имъ крайне привлекательной, а именно, соціально-коммунистическія чаянія его". Вообще Побѣдоносцевъ всячески старался увѣрить, что религіозная сторона въ народномъ толстовствѣ почти отсутствуетъ, уступивъ свое мѣсто соціально-политической.

Въ доказательство этого приводились кое-какіе факты. Такъ, напримѣръ, сообщалось, что „штундо-толстовцы" Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи, на бесѣ-

дахъ съ миссіонеромъ свободно и откровенно заявляли, что Іисусъ Христосъ родился обыкновеннымъ, естественнымъ образомъ, и что многія мѣста Евангелія и посланій апостоловъ лишены достовѣрности. При этомъ о Л. Н. Толстомъ они отзывались, какъ о старшемъ братѣ и учителѣ жизни".

Далѣе указывалось, что среди послѣдователей раціоналистическихъ сектъ самыми излюбленными вопросами являются вопросы соціальные. „Неохотно вступая въ бесѣды по вопросамъ вѣры", эти сектанты „готовы съ удовольствіемъ, сколько угодно, говорить по вопросамъ соціальнымъ о неравенствѣ богатствъ и состояній, о равномъ раздѣлѣ имуществъ, о передачѣ всей земли и т. д.". Такое настроеніе миссіонеры также почему-то приписываютъ вліянію „толстовства".

На основаніи подобнаго рода фактовъ К. П. Побѣдоносцевъ утверждалъ, что „религіи въ толстовствѣ, какъ сектѣ, мало, но что здѣсь главное—протестъ противъ религіи, и не во имя какой-либо другой религіозной истины, а по соображеніямъ соціально-политическимъ".

Въ своихъ ежегодныхъ отчетахъ покойный оберъ-прокуроръ Синода часто указывалъ, что даже среди послѣдователей старообрядчества все сильнѣе прививаются раціоналистическія идеи и убѣжденія. Въ подтвержденіе этого приводились факты въ такомъ, напримѣръ, родѣ. Въ Вятской губерніи одинъ изъ выдающихся старообрядческихъ начетчиковъ отвергаетъ загробный міръ и божественность Іисуса Христа.

„Христосъ,—говоритъ онъ,—былъ совсѣмъ не Богъ, а только ученый человѣкъ, подобный Брюсу... Говорятъ, что, кромѣ видимаго міра, есть еще небесное царство, рай и преисподняя. Однако астрономы, которые смотрятъ въ телескопы и видятъ на нѣсколько милліоновъ верстъ, никакого рая не видали".

Другой молодой раскольникъ той же губерніи, т.-е.,

Вятской, въ бесѣдѣ съ миссіонеромъ высказалъ, что онъ вмѣстѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ признаетъ Христа за геніальнаго учителя, а также, что ему нравится молоканство за его отрицательное отношеніе къ церковнымъ обрядамъ.

Приводя подобные факты, покойный Побѣдоносцевъ не старался выяснить тѣ соціальныя и психологическія причины, въ силу которыхъ раціоналистическіе взгляды находили особенно много сторонниковъ и приверженцевъ въ широкихъ слояхъ трудового народа. Но онъ постоянно считалъ необходимымъ подчеркнуть, что раціоналистическія и политическія идеи, наблюдаемыя въ современномъ сектанствѣ, „проникли въ эту среду не безъ вліянія весьма опаснаго религіозно-соціальнаго лжеученія графа Толстого, практически примѣненнаго къ понятіямъ и жизни простого народа“.

Насколько же справедливы всѣ эти обвиненія, всѣ эти запугиванія?

Идя по слѣдамъ Побѣдоносцева, православные миссіонеры, въ свою очередь, старались и до сихъ поръ стараются представить „народное толстовство“ чѣмъ-то въ высшей степени грознымъ и опаснымъ не только для господствующей церкви, но и для существующаго государственнаго и соціальнаго строя.

Въ виду этого, полагаемъ, будетъ не безполезно поближе приглядѣться къ представителямъ „народнаго толстовства“, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ отношеніи къ этому явленію государства, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени встанетъ на очередь въ нашемъ парламентѣ, при рѣшеніи общаго вопроса о свободѣ совѣсти.

IV.

Плоть и духъ.

Итакъ, въ чемъ же состоитъ credo этихъ странныхъ людей, ихъ міропониманіе? Какъ и какія идеи своего

первоучителя восприняты ими и переработаны? Каково ихъ отношеніе къ современному обществу и государству, къ наукѣ и культурѣ?

Хотя на эти темы мнѣ пришлось немало бесѣдовать со Львомъ и Сергѣемъ, но, вмѣсто того, чтобы воспроизводить здѣсь эти бесѣды, я предпочитаю познакомить читателей со взглядами этихъ людей, основываясь не на разговорахъ, а на ихъ собственныхъ письмахъ. Думаю, что это во всѣхъ отношеніяхъ будетъ цѣлесообразнѣе. Въ бесѣдахъ, особенно въ спорахъ, люди часто неточно излагаютъ свои мысли, недостаточно опредѣленно формулируютъ свои положенія, кое-чего не договариваютъ, кое-что прорывается у нихъ лишнее. Другое дѣло—письма, особенно письма къ друзьямъ и единомышленникамъ.

Прибѣгая къ этому пріему, я тѣмъ самымъ устраняю возможность нареканій на себя и обвиненій въ произвольномъ или субъективномъ освѣщеніи и истолкованіи міросозерцанія этихъ людей. Главнымъ образомъ, мнѣ придется основываться на письмахъ Сергѣя, который имѣетъ привычку подробно описывать своимъ друзьямъ, „братьямъ-голубчикамъ“, всѣ тѣ злоключенія, которымъ онъ то и дѣло подвергается въ своихъ скитаніяхъ по Россіи. Всѣ свои столкновенія съ властями—полицейскими и судебными,—свои впечатлѣнія, свои мытарства по тюрьмамъ и участкамъ, свои бесѣды и споры съ разными лицами о религіозныхъ и этическихъ вопросахъ,—все это онъ подробно описываетъ въ письмахъ.

Друзья Сергѣя переписываютъ на ремингтонѣ его письма и дѣятельно распространяютъ ихъ среди лицъ, интересующихся религіозными исканіями. Лично мной получено отъ Сергѣя разрѣшеніе пользоваться его письмами по моему усмотрѣнію.

Основываясь на этихъ письмахъ, необходимо признать, что религіозно-нравственные взгляды и убѣжде-

нія Сергѣя и Льва отличаются большой простотой и въ то же время необыкновенной прямолинейностью.

„Въ каждомъ человѣкѣ,—говорятъ они,—живутъ два начала, два существа. Одно слѣпое, чувственное, смертное, для котораго необходимо ѣсть и пить, и другое—зрячее, разумное, любящее, вѣчное,—то, что называется совѣстью. Голосъ совѣсти—есть голосъ Божій. Такимъ образомъ это-то вѣчное начало и есть Богъ, оно-то и даетъ жизнь всему, имъ-то и долженъ жить человѣкъ".

Благодаря такому дуализму, у нихъ выработалось въ высшей степени отрицательное, пренебрежительное отношеніе къ „слѣпому, чувственному" тѣлу, о которомъ—по ихъ мнѣнію—совсѣмъ не слѣдуетъ думать, не слѣдуетъ заботиться. Если вамъ, положимъ, угрожаетъ заключеніе въ тюрьмѣ, то это отнюдь не должно смущать васъ, такъ какъ въ тюрьмѣ—изволите видѣть—будетъ только ваше тѣло, духъ же, составляющій главное существо человѣка, всегда и вездѣ свободенъ.

Былъ такой случай. Однажды ихъ заперли въ темную, вонючую „арестантскую", очевидно, играющую роль карцера для заключенныхъ. „Мы находимся въ полной темнотѣ,—пишетъ Сергѣй,—и чувствуемъ духоту и вонь, сидимъ нѣкоторое время на скользкомъ полу. Братъ Левъ возмущается и начинаетъ стучать въ дверь и звать: „Люди, братья, кто здѣсь есть?" Я говорю: „Лева, что ты, вѣдь мы сами пришли сюда, это наука, въ другой разъ не пойдемъ, и если имъ надо будетъ, *они сами внесутъ наши тѣла, куда имъ угодно. А духъ свободенъ вездѣ* и не зависитъ отъ формы".

И Левъ согласился съ этими доводами и призналъ, что протестъ съ его стороны былъ „соблазнъ и паденье" и что этотъ случай является хорошей наукой для нихъ. Тѣмъ не менѣе, однако, когда на ихъ зовъ явился атаманъ (дѣло происходило въ казацкой станицѣ), то Левъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Дорогой братъ, вѣрите ли вы въ Бога?

Атаманъ смущается и говоритъ:—„Вѣрю".

— Зачѣмъ же вы братьевъ своихъ сажаете въ темницу?

Атаманъ начинаетъ ругать сторожей, зачѣмъ они посадили арестованныхъ въ темный карцеръ, и дѣлаетъ распоряженіе о переводѣ ихъ въ свѣтлый казематъ.

Изъ этого видно, что даже стукъ въ дверь карцера и призывы къ „людямъ-братьямъ" объ освобожденіи считаются дѣйствіями предосудительными, свидѣтельствующими о „паденіи" тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ такого рода дѣйствіямъ.

По мнѣнію Сергѣя, очевидно, нужно было молча и безпрекословно сидѣть въ темномъ и вонючемъ карцерѣ до тѣхъ поръ, пока лица, посадившія ихъ туда, не вспомнили бы о нихъ. Повидимому, даже перспектива задохнуться въ этой темной и грязной клоакѣ не могла служить поводомъ и основаніемъ для протеста.

Итакъ, никакой протестъ противъ насилій не допускается, главнымъ образомъ, потому, что всѣ эти насилія направлены будто бы только противъ тѣла, а не противъ духа. О тѣлѣ же не слѣдуетъ заботиться, такъ какъ „тѣло не принадлежитъ человѣку (?), поэтому каждый, кто только захочетъ, можетъ его побить, ранить и даже уничтожить. А вотъ разумную волю никто не можетъ отнять отъ человѣка, точно такъ же, какъ его разумъ, его мысли. Вотъ это *мое*, это моя собственность, и никто въ мірѣ не можетъ заставить меня мыслить и дѣйствовать такъ, какъ онъ хочетъ. Никто не можетъ заставить меня, напримѣръ, служить въ солдатахъ.. Да, тѣло могутъ замучить, но душу никогда".

Вообще же тѣло постоянно трактуется, какъ что-то *чужое* для человѣка, постороннее. Отрицательное отношеніе къ тѣлу, къ плоти, между прочимъ, ярко сказалось при рѣшеніи толстовцами проблемы пола и брака.

Основной вопросъ человѣческаго существованія—

половой—разрѣшается нашими толстовцами съ той же прямолинейностью, съ какой разрѣшаются ими и всѣ другіе вопросы первостепенной важности.

Вотъ, напримѣръ, какой диспутъ на эту тему мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Сергѣя. Сидя подъ арестомъ, онъ бесѣдуетъ съ какимъ-то „сборщикомъ податей“ о бракѣ и цѣломудріи.

„Я самъ думаю провести жизнь цѣломудренно, такъ какъ семейная жизнь служитъ препятствіемъ, соблазномъ для жизни въ Богѣ,—заявляетъ Сергѣй.—Бракъ—это грѣхъ противъ цѣломудрія; а распутство—грѣхъ противъ брака. Конечно, если только я не въ состояніи буду жить цѣломудренно, то одинъ выходъ,—это бракъ, т.-е. взаимное согласіе двухъ людей различныхъ половъ имѣть дѣтей только другъ отъ друга. Если же человѣкъ, живя нецѣломудренно, не вступаетъ въ бракъ, то такой человѣкъ—несчастный уродъ“.

Собесѣдникъ Сережи, „сборщикъ податей“, не соглашается съ такимъ взглядомъ на бракъ. „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что каждый человѣкъ непремѣнно долженъ жениться; иначе, если всѣ мы будемъ жить цѣломудренно, то родъ человѣческій прекратится“.

— „Голубчикъ!—восклицаетъ Сережа,—зачѣмъ вы заботитесь о родѣ человѣческомъ; позаботьтесь о себѣ, вѣдь вы только самого себя можете знать. Зачѣмъ заботиться о томъ, что *внѣ васъ*, оставьте это на волю Божію. Попробуйте жить цѣломудренно, не заботьтесь о другихъ, а заботьтесь о томъ, чтобы въ васъ, какъ въ частицѣ рода человѣческаго, было какъ можно больше любви, кротости, смиренія и тогда вы узнаете, что *бракъ это есть похотливое, затемняющее истину, порабощающее дѣло*. Сейчасъ же вмѣстѣ съ бракомъ всплываютъ различные семейные интересы, встающіе и заслоняющіе Божеское. Появляется животная семейная любовь, стоящая выше любви человѣческой, братской, Божеской. Поскольку человѣкъ отдается Богу, постольку узы се-

мейныя отпадаютъ отъ него, для него тогда всѣ люди братья, всѣ дѣти одного отца, весь міръ—домъ Божій".

Конечно, сборщикъ податей пораженъ такой аргументаціей. „Тогда,—говоритъ онъ,—если вы хотите жить цѣломудренно, то лучше всего поступить какъ скопцы, иначе очень трудно прожить".

Но Сережа, въ свою очередь, не можетъ согласиться съ такимъ совѣтомъ. „Нѣтъ, братъ,—говоритъ онъ,—поступать, какъ скопцы, это значитъ, уродовать свое тѣло, значитъ итти противъ воли Бога; Отецъ мой не плоть, а духъ, но я созданъ духомъ во плоти,—говорилъ Христосъ,—когда на него находило искушеніе избавиться отъ плоти. Да, если, наконецъ, человѣкъ и поступитъ, какъ скопцы, то онъ все-таки не избавится отъ дурныхъ похотливыхъ мыслей... Не нужно уродовать своего тѣла, но надо отгонять отъ себя всѣ порочныя похотливыя мысли и жить добрыми, хорошими мыслями..."

Сергѣю, очевидно, неизвѣстно, что, кромѣ скопцовъ прибѣгающихъ къ „малой и большой печати", въ русскомъ расколѣ имѣются еще „духовные скопцы", которые, рѣшительно отвергая физическое оскопленіе, такъ называемыя „печати", въ то же время проповѣдуютъ полное и абсолютное воздержаніе отъ половыхъ сношеній путемъ силы воли. Въ сущности это тѣ же монахи, обрекающіе себя на вѣчное безбрачіе, цѣломудріе и воздержаніе. Монахами же, безъ сомнѣнія, являются и тѣ толстовцы, которые на бракъ и половыя сношенія смотрятъ глазами Сергѣя и Льва.

V.

Проповѣдники кротости и смиренія.

Всѣ сложныя проблемы государственной, соціальной и политической жизни наши толстовцы разрѣшаютъ тремя-четырьмя словами. „всѣ люди—братья"

„всѣ—дѣти одного Отца“. Рядомъ съ этими аѳоризмами стоитъ положеніе, что „весь міръ есть домъ Божій“.

— Нужно только проникнуться этой истиной,—говоритъ Левъ,—и тогда царство мира, царство Божіе воцарится на землѣ... Помните эту истину, живите въ любви и забудьте все остальное!

Съ подобными рѣчами они обращаются ко всѣмъ людямъ, съ которыми только сталкиваетъ ихъ судьба, и прежде всего къ представителямъ власти, къ полицейскимъ, административнымъ и судебнымъ чиновникамъ

— Да это мы знаемъ,—съ нетерпѣніемъ отмахиваются отъ нихъ, какъ отъ докучливыхъ мухъ, чиновники,—но все-таки нуженъ же законъ гражданскій? Нельзя же обойтись безъ полиціи, безъ судовъ, безъ администраціи?

На это Левъ и Сергѣй обыкновенно отвѣчаютъ такъ: „Братья, все, что есть хорошаго въ законѣ гражданскомъ, все то есть въ законѣ Бога; нѣтъ только зла, которое раздѣляетъ людей-братьевъ на разные классы и сословія. Вѣдь Христосъ сказалъ: Я пришелъ не нарушить законъ, но исполнить законъ вѣчный, законъ Бога... Посмотрите, какъ все прекрасно кругомъ въ природѣ!—сентиментально восклицаютъ толстовцы.—Зачѣмъ же мы, разумные люди, нарушаемъ эту гармонію?... Нѣтъ, братья, нужно выбирать одно изъ двухъ: или законъ Бога или законъ человѣческій, гражданскій. Соединить то и другое невозможно, такъ какъ оба эти закона взаимно исключаютъ другъ друга“.

Послѣ подобныхъ репликъ обыкновенно ихъ запирали въ арестантскую,—этимъ большею частью и кончались пренія ихъ о „законѣ гражданскомъ“ съ представителями власти.

Проповѣдь братства идетъ рядомъ съ полнымъ и абсолютнымъ отрицаніемъ всякаго насилія, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось. Всякій терроръ, всякія казни и войны отрицаются самымъ безусловнымъ образомъ. Военная служба въ войскахъ, по ученію тол-

стовцевъ, какъ извѣстно, также не допускается ни въ какомъ случаѣ.

Годъ тому назадъ Сергѣй призывался къ отбытію воинской повинности. Сейчасъ ему 22 года *). При его взглядѣ на войну и на военную службу, онъ не счелъ нужнымъ являться въ воинское присутствіе, тѣмъ болѣе, что въ моментъ призыва онъ находился вдали отъ Петербурга. Вслѣдствіе этой неявки онъ признанъ былъ уклоняющимся отъ воинской повинности.

Теперь, когда онъ появился въ Петербургѣ, его родные настоятельно совѣтуютъ ему явиться въ воинское присутствіе, чтобы этимъ путемъ положить конецъ своему нелегальному существованію. Но Сережа считаетъ несогласнымъ со своими убѣжденіями являться въ воинское присутствіе какъ бы по собственному побужденію.

— Если меня потребуютъ, если меня поведутъ въ присутствіе,—говоритъ онъ,—я не буду противиться, но итти туда добровольно, безъ требованія со стороны властей, я считаю для себя невозможнымъ. Затѣмъ, если я и явлюсь въ присутствіе, то только для того, чтобы заявить, что я служить не буду, не буду присягать, не возьму въ руки ни ружья, ни штыка, ни сабли.

Разумѣется, ему хорошо извѣстны неизбѣжныя суровыя послѣдствія такого отказа, но эта печальная перспектива не пугаетъ его, и онъ выражаетъ готовность претерпѣть за свои убѣжденія, будучи увѣренъ, что они „основаны на словахъ самого Христа“.

Здѣсь мы подходимъ къ самому щекотливому пункту ученія толстовцевъ, приближающему ихъ къ тому общественному теченію, которое извѣстно подъ страшной кличкой анархизма. Какъ извѣстно, наиболѣе характернымъ признакомъ анархизма является отрицаніе власти и государства. И вотъ, въ виду того, что толстовцы категорически отрицаютъ необходимость вла-

*) Писано въ 1910 году. *А. П.*

стей и государственныхъ формъ, ихъ обыкновенно называютъ анархистами. Особенно охотно эту кличку приклеиваютъ къ нимъ представители духовенства и бюрократіи.

Но слѣдуетъ помнить, что только указаннымъ пунктомъ и ограничивается сходство толстовцевъ съ анархистами; сходясь между собой въ этомъ пунктѣ—отрицанія властей и государства,—они тотчасъ же расходятся въ совершенно противоположныя стороны. Въ то время, какъ анархисты всецѣло принимаютъ соціалистическую доктрину, за исключеніемъ, конечно, ученія о политической организаціи государства, и выше всего ставятъ личность человѣка, его достоинство,—толстовцы остаются совершенно чужды соціализму, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ выработанъ западно-европейской наукой и жизнью, а ихъ взглядъ на значеніе личности человѣка лучше всего опредѣляется ихъ ученіемъ о необходимости кротости, смиренія и непротивленія злу.

Для иллюстраціи я приведу разсказъ Сергѣя о его спорѣ съ приставомъ, заимствованный мною изъ тѣхъ же писемъ.

— Для христіанина,—говоритъ Сергѣй,—нѣтъ ни правительствъ, ни судовъ, ни полиціи, ни границъ, ни паспортовъ. Христіанство и государство съ его механизмомъ несовмѣстимы.

— Ты говоришь, не надо судовъ, не надо полиціи,—возражаетъ приставъ,—но кто же тогда будетъ наказывать преступниковъ?

— Голубчикъ,—заявляетъ Сережа,—наказаніе есть понятіе, изъ котораго начинаетъ вырастать человѣчество. Что такое преступникъ? Что онъ преступилъ? Еще большій преступникъ тотъ, кто нарушаетъ законъ любви, прощенія, кто наказываетъ своего брата. Вѣдь по закону Христа надо не наказывать, а прощать. Противиться злу надо не зломъ, а добромъ, прощеніемъ. Зломъ нельзя пресѣчь зла. Все порождаетъ себѣ по-

добное зло порождаетъ зло. Только добро можетъ уничтожить зло. Напримѣръ, людей, развращенныхъ праздностью и дурнымъ сообществомъ, сажаютъ въ тюрьму, гдѣ ихъ ожидаетъ самое дурное сообщество и гдѣ они обрекаются на полную праздность. Развѣ это можетъ исправить человѣка?

— Да, это такъ,—соглашается приставъ,—но представьте себѣ, что на васъ накидывается человѣкъ и начинаетъ бить... Ну, что же, неужто ему прощать?

— Конечно, прощать!—восклицаетъ Сергѣй.—Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ весь законъ Христа именно въ этомъ. „Ударившему тебя по одной щекѣ, подставь другую". Если кто васъ ударитъ, то вы должны непремѣнно и тотчасъ же простить ему. Можетъ-быть, онъ и еще разъ васъ ударитъ, но вы все-таки простите. *Только такимъ образомъ и можно уничтожить зло...* Иначе, что же выйдетъ? Если онъ васъ хватитъ по уху, сдѣлаетъ вамъ зло, вы ему отвѣтите тѣмъ же, зло возгорится, какъ отъ искры пожаръ, дѣло дойдетъ до убійства и погубитъ васъ обоихъ...

Слушая эти тирады, полицейскіе чиновники, которые стерегли Сергѣя, сидѣвшаго у нихъ подъ арестомъ, съ недоумѣніемъ повторяли:

— Я не знаю, зачѣмъ его здѣсь держатъ.

На этомъ я пока прерываю свой разсказъ о „послѣдовательныхъ толстовцахъ" и предоставляю слово одному изъ нихъ—Сережѣ Попову. Изъ его писемъ, наивныхъ и непосредственныхъ, читатель, какъ нельзя лучше, познакомится со взглядами на жизнь и на людскія отношенія той группы лицъ, типичнымъ представителемъ которыхъ является этотъ „толстовецъ".

Письма приводятся нами безъ всякихъ измѣненій. Тѣ незначительныя сокращенія, которыя мы вынуждены были сдѣлать въ нихъ въ силу цензурныхъ соображеній, оговорены и отмѣчены нами точками.

ПИСЬМА ТОЛСТОВЦА СЕРЕЖИ ПОПОВА.

Письмо первое.

Голубчикъ Владимиръ, пишу я вамъ изъ Майкопа, Кубанской области, на другой день послѣ освобожденія моего тѣла изъ тюрьмы.

Разскажу, какъ я попалъ туда.

Послѣднее время я работалъ у Скороходова Тамъ я познакомился съ очень интереснымъ человѣкомъ—Львомъ Тониловымъ. Онъ былъ у васъ, былъ въ Ташкентской общинѣ. Оттуда пришелъ въ Пятигорскъ и къ Скороходову. Мы рѣшили итти на Сочи, къ Сутковому, затѣмъ въ Геленджикъ, Полтаву, Лисичанскъ, побывать у васъ, Льва Николаевича, Булыгина, въ Москвѣ и Петербургѣ. Попутчикомъ намъ явился Володя Шейерманъ съ семьей и Григорій Цыганковъ.

Мы всѣ вмѣстѣ вышли изъ Майкопа по направленію къ Туапсе. На первой почтовой станціи Володя съ семьей сѣлъ на лощадей и поѣхалъ. Григорій Цыганковъ, кажется, вернулся, а я и Левъ пошли далѣе

Ночевали въ станицѣ Апшеронкѣ. На другой день, когда мы проходили мимо правленія станицы Ходопси, то изъ правленія выскакиваетъ казачокъ и говоритъ. „Пожалуйста, на минуточку въ правленіе“. Входимъ, видимъ, сидитъ человѣкъ и говоритъ намъ: „Ваши паспорты!“

— Намъ не надо паспорта, мы въ домѣ отца, весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья,—говоримъ мы.

Атаманъ смущается и говоритъ: „Я знаю, что всѣ

братья, но какъ же, надо знать, какъ васъ зовутъ, какой вы губерніи?"

— Дорогой братъ,—говоримъ мы. - Какія губерніи? Какіе паспорты? Все это миражъ, самообманъ, призракъ Ничего этого не надо и ничего этого нѣтъ. Есть только домъ Божій, весь міръ, всѣ люди братья, дѣти Божіи.

Атаманъ смущается и говоритъ, видя книги

— Дайте книги, какія у васъ есть

Мы дали. У насъ было нѣсколько книгъ Льва Николаевича. Жизнь греческихъ мудрецовъ, книга Балу „о непротивленіи злу насиліемъ" и индѣйская философія Іога

Атаманъ смотритъ на философію и не понимаетъ. Потомъ говоритъ

— Надо позвать батюшку, можетъ-быть, онъ знаетъ эти книги

Позвали Влетаетъ батюшка и сразу буркнулъ намъ. „Ваши паспорты".

— Для Бога не надо паспорта, говоримъ мы

Священникъ *) смущается и говоритъ· „Я знаю, что не надо, но намъ надо, я спрашиваю у васъ паспортъ".

— Значитъ, вы не вѣрите въ Бога, а вѣрите въ мертвую бумагу,—говоримъ мы.

Священникъ краснѣетъ до корней волосъ, уперъ глаза въ философію Іога и безсмысленно поворачиваетъ страницы

Затѣмъ атаманъ и священникъ въ смущеніи уходятъ. Немного погодя приходитъ атаманъ и говоритъ нерѣшительно писарю. „Надо отправить на распоряженіе атамана отдѣла"

Писарь беретъ книги, прикладываетъ печать, и два добрыхъ парня, взявъ ружья на плечи, ведутъ насъ по направленію въ Майкопъ.

---

*) Въ письмахъ Сережи священникъ называется „попомъ".

Ведутъ, не зная зачѣмъ, повинуясь мертвой бумажкѣ, которую написалъ писарь Ходожинскаго атамана, и такъ до самаго Майкопа эти добрые люди, забывъ разумъ, совѣсть и повинуясь бумажкѣ, гонятъ насъ, своихъ братьевъ, и такъ вездѣ

Приходимъ въ станицу Апшеронку. Воскресенье; собирается народъ. Мы сидимъ на ступеняхъ правленія. Насъ спрашиваютъ: какой губерніи?

Мы говоримъ: „Братья, губерній нѣтъ, это самообманъ. Весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья, дѣти Божіи".

— Вы говорите, что всѣ братья,—говорятъ они,—а вотъ какъ же *) . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Богу и маммонѣ служить нельзя

Въ толпѣ шепчутся („слышите, говорятъ, служить не надо"), потомъ обращаются къ намъ „Какъ же, вѣдь вотъ мы присягаемъ, значитъ, надо служить".

— А Евангеліе читали?—говоримъ мы —Въ пятой главѣ Матѳея, въ нагорной проповѣди, Христосъ прямо и ясно говоритъ Никогда никому ни въ чемъ не клянись. Не клянись вовсе. Какая же можетъ быть присяга, вѣдь вы черезъ минуту можете умереть, жизнь не принадлежитъ вамъ, и вы не можете не только отдать ее, кому бы то ни было, но даже ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ Нѣтъ, братья, васъ ужасно обманываютъ, васъ заставляютъ дѣлать на Евангеліи какъ разъ противное евангелію. Опомнитесь, братья!

Въ это время подходитъ къ намъ человѣкъ и говоритъ „Пойдемте". Приводитъ насъ къ какой-то двери Отворяетъ, впускаетъ, затворяетъ. Мы находимся въ полной темнотѣ и чувствуемъ духоту и вонь, сидимъ нѣкоторое время на скользкомъ полу Братъ Левъ воз-

*) Выпускаемъ три строчки по цензурнымъ соображеніямъ.

мущается и начинаетъ стучать въ дверь и звать „Люди, братья, кто здѣсь есть?“ Я говорю „Лева, что ты, вѣдь мы сами пришли сюда, это наука, въ другой разъ не пойдемъ, и если имъ надо будетъ, они сами внесутъ наши тѣла, куда имъ угодно. Духъ свободенъ вездѣ и не зависитъ отъ формы“.

(Потомъ Левъ говорилъ мнѣ, что это былъ соблазнъ, паденье, но это очень хорошо, это наука для насъ.)

На зовъ приходятъ и говорятъ „Что надо?“ Левъ говоритъ „Позовите того человѣка, котораго вы называете атаманомъ“. Уходитъ.

Приходитъ атаманъ и говоритъ „Что надо?“

— Дорогой братъ, говоритъ Левъ,—вѣрите ли вы въ Бога?

Атаманъ смущается и говоритъ —„Вѣрю“

— Зачѣмъ же братьевъ своихъ сажаете въ темницу

Атаманъ очень смутился, сталъ ругать сторожей, зачѣмъ они посадили насъ въ темную, и насъ переводятъ въ свѣтлую

Немного погодя приходятъ два парня съ ружьями и ведутъ насъ, ведутъ противъ желанія, не зная зачѣмъ, но все-таки ведутъ, повинуясь мертвой бумажкѣ.

Приводятъ въ станицу Прутскую Здѣсь встрѣчаютъ насъ, какъ террористовъ, обыскиваютъ, отбираютъ отъ меня даже лапти, чтобы я не повѣсился на веревочкахъ, которыми подвязываю ихъ. Толкаютъ насъ въ душную комнату и отдаютъ наши тѣла во власть миріадовъ клоповъ

Поздно вечеромъ отворяютъ и входитъ атаманъ съ любопытными

— Откуда вы?—говоритъ онъ

— Тотъ, кто насъ привелъ, знаетъ, откуда мы, обратитесь къ нему —говоримъ мы

— Ну, все-таки, какой вы губерніи —говоритъ онъ.

— Братъ, весь міръ домъ Божій. всѣ люди братья, всѣ дѣти одного отца.

— Я это знаю, но все-таки нуженъ же законъ гражданскій?

— Братъ. все что есть хорошаго въ законѣ гражданскомъ все то есть въ законѣ Бога, нѣтъ только зла, которое раздѣляетъ людей братьевъ; вѣдь Христосъ сказалъ. „Я пришелъ не нарушить законъ, но исполнить законъ вѣчный, законъ Бога“ Какъ все прекрасно кругомъ въ природѣ! зачѣмъ же мы, разумные люди, нарушаемъ эту гармонію? Нѣтъ, братъ, одно изъ двухъ· или законъ Бога или законъ человѣческій, гражданскій·

Атаманъ уходитъ, и насъ затворяютъ

Утромъ приходятъ добрые парни съ ружьями на плечахъ и ведутъ насъ на станицу Курджуйскую. Дорогой мы говоримъ имъ Зачѣмъ вы идете за нами Вѣдь вы не хотите, вамъ жарко, пусть тотъ, кто хочетъ насъ отправить, идетъ самъ Скажите ему „Ты хочешь ихъ отправить, такъ и отправляйся самъ“. Вѣдь у каждаго человѣка есть совѣсть, разумъ свой Зачѣмъ же вы не слушаетесь ихъ, а слушаетесь прихоти всякаго человѣка, который скажетъ вамъ· „Идите туда-то, дѣлайте то-то“. Вспомните, что вы сыны Божіи Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“

Приводятъ въ Курджуйскую Много народа идутъ посмотрѣть на насъ.

Здѣсь узналъ про насъ учитель и захотѣлъ поговорить съ нами. Онъ оказался знакомъ съ Скороходовымъ, принесъ намъ всякой ѣды и сидѣлъ у насъ долго вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Это было въ субботу

На другой день насъ не повели, а оставили, по случаю воскресенья, на день Обращались хорошо, даже водили купаться

Попросили мы Евангеліе, дали намъ Левъ сталъ читать нагорную проповѣдь. Объяснилъ первую заповѣдь Христа: „Не сердись“, вторую „Не блуди“, и я третью: „Не клянись вовсе“ и говорилъ: Христосъ ясно сказалъ: не присягай, а вы говорите присяга. Нельзя служить присягѣ и Богу.

Въ это время вошелъ атаманъ (онъ все слышалъ изъ-за стѣны) и говоритъ. „Господа, пожалуйста, разойдитесь, вы мѣшаете имъ отдыхать“. И насъ заперли на замокъ

Утромъ въ понедѣльникъ насъ повели, наконецъ, въ Майкопъ, къ атаману отдѣла

Приходимъ, подходимъ къ столу, видимъ—тамъ сидятъ разные чиновники, спрашиваютъ у насъ, какъ звать, какой губерніи.

— Я сынъ Божій,—говорю я.

— Какъ такъ? говорятъ они

— Братья,—говорю я,—поймите, что губерній нѣтъ, паспортовъ нѣтъ, границъ нѣтъ: все это миражъ, самообманъ, мыльный пузырь. Весь міръ домъ Божій. Поймите, что жизнь только въ Отцѣ, внѣ Отца нѣтъ жизни, внѣ Отца смерть

Забѣгали чиновники, не знаютъ, что дѣлать теряются. Что-то глубоко, глубоко въ ихъ совѣсти говоритъ имъ, что это такъ, что всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, всѣ дѣти одного Отца. Что если всѣ братья, то не надо ни этого правленія съ его чиновниками, ни всего того ужаснаго зла, которое раздѣляетъ людей братьевъ и дѣлаетъ ихъ чиновниками, машинами

Обращаются и ко Льву ,Какъ васъ звать, какой губерніи?“

— Братья,—говоритъ Левъ,—развѣ это важно, развѣ это нужно? Ну, называютъ меня Львомъ Тониловымъ и говорятъ, что я изъ Каменецъ-Подольска. Но вѣдь я не знаю, гдѣ я родился, не знаю, родился ли я

Нѣтъ, братья, все это отдаляетъ, все это затемняетъ истину. Нужно только одно· познать истину, и истина сдѣлаетъ насъ свободными. истина же въ томъ, что всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, всѣ дѣти одного Отца. Вспомните только это, живите въ любви. забудьте все остальное и будетъ царство Бога, царство мира.

Входитъ атаманъ и говоритъ „Какъ васъ зовутъ, какой вы губерніи?“

— Я сынъ Божій,—говоритъ Левъ.

— А такую птичку въ клѣтку —кричитъ атаманъ и уходитъ

Чиновники записываютъ· „Левъ Тониловъ изъ Каменецъ-Подольска“, и атаманъ рѣшаетъ отправить его этапомъ въ Каменецъ-Подольскъ.

Хотятъ и меня отправить туда же, но потомъ рѣшаютъ отправить меня къ слѣдователю для привлеченія къ отвѣтственности по обвиненію въ бродяжничествѣ и умышленномъ укрытіи родства.

Приходитъ конвой, и насъ ведутъ къ слѣдователю. Здѣсь Льва уводятъ въ тюрьму, а меня оставляютъ.

Слѣдователя нѣтъ дома Письмоводитель идетъ дать телеграмму, а меня уводятъ въ участокъ, до прибытія его.

Приводятъ Бросаются ко мнѣ городовые, обыскиваютъ и спрашиваютъ „Какой губерніи?“

„Міръ домъ Божій. губерній нѣтъ, всѣ люди братья.

— Недѣлю подержимъ голодомъ. тогда скажешь. какой губерніи.—говорятъ они

Потомъ ведутъ въ участковую тюрьму Здѣсь я нахожу двухъ людей. Мнѣ даютъ хлѣба и арбуза, воздухъ въ камерѣ отличный, камера большая, клоповъ нѣтъ, я очень доволенъ

Вечеромъ зовутъ къ приставу Вхожу Вижу—сидитъ за столомъ околоточный и начинаетъ кричать:

— Какой губерніи?

— Я сынъ Божій, губерній нѣтъ, весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья,—отвѣтилъ я.

Онъ началъ страшно ругаться и выдергивалъ и вдергивалъ револьверъ, думая нагнать на меня животный страхъ.

— Опомнись, что ты сердишься, вѣдь мы братья,— говорю я.

Тогда онъ подошелъ къ телефону и говоритъ куда-то: „Здѣсь привели ко мнѣ какого-то душевно-больного".

Ему что-то отвѣчаютъ. Онъ говоритъ: „Слушаю-съ", и велитъ городовому вести меня къ слѣдователю.

Онъ еще не пріѣхалъ, и меня ведутъ обратно въ участокъ.

Только черезъ три дня, 6 августа, ведутъ меня къ слѣдователю (онъ пріѣхалъ).

Приходимъ. Вижу молодого человѣка и по обращенію догадываюсь, что письмоводитель уже разсказалъ ему обо мнѣ. Онъ говоритъ: „Хотите вы мнѣ отвѣтить на нѣкоторые вопросы?"

— Конечно, какъ же, вѣдь мы братья,—говорю я.

— Ну, хорошо, вотъ я васъ попрошу подписать слѣдующую бумагу.

— Какъ же подписать?—говорю я.—Вы меня не поняли. Вѣдь въ каждомъ человѣкѣ есть два существа. Одно слѣпое, чувственное, ѣдящее, пьющее, смертное, а другое—зрячее, разумное, любящее, вѣчное. Это-то вѣчное существо и есть Богъ, оно-то и даетъ жизнь всему, имъ-то я и хочу жить, а для него не надо ни подписей, ни паспортовъ, ни губерній, ни губернаторовъ, а нужны люди-братья, живущіе въ мірѣ, въ домѣ Божіемъ, какъ дѣти одного Отца.

— Ну, хорошо, это такъ,—говоритъ онъ;—но отъ того, что вы это говорите, я не перемѣню своей жизни, но одно прошу васъ: вѣдь Христосъ любилъ всѣхъ и говорилъ: „братья, любите другъ друга", такъ вотъ я

васъ прошу, если у васъ есть любовь къ ближнему, подпишите эту бумагу, проявите любовь.

Я подписалъ: „Сынъ Божій, по тѣлесной оболочкѣ называемый людьми С. Поповъ".

Въ бумагѣ было написано: „Обвиняемый, слѣдуя высшимъ Божественнымъ законамъ, идущимъ вразрѣзъ съ законами человѣческими, не можетъ имѣть паспорта и опредѣленнаго мѣстожительства".

— Ну, спасибо, — сказалъ слѣдователь и тяжело вздохнулъ.

Потомъ, желая и съ своей стороны проявить любовь, говоритъ: „Погодите, я сейчасъ", накидываетъ пальто и уходитъ. Приходитъ и говоритъ: „Подите къ прокурору, можетъ-быть, онъ васъ отпуститъ".

Приходимъ. Вижу на дворѣ масса голубей. Прокуроръ кормитъ ихъ. Ну, думаю, добрый. Глянулъ онъ на меня и говоритъ городовому: „Для такихъ у меня мѣста нѣтъ: „Какъ тебя звать, какой губерніи? Ты Сергѣй Поповъ?"

— Я сынъ Божій,—говорю я.—Всѣ люди братья.

— Я знаю, что всѣ братья,—говоритъ онъ.

— Это только и нужно,—говорю я,—откиньте все остальное, живите по-братски, и ничего больше не надо.

— Послѣдній разъ говорю тебѣ,—кричитъ онъ,—ты Сергѣй Поповъ?

— Я сынъ Божій,—говорю я.

— Тогда въ тюрьму!—кричитъ прокуроръ. Пишетъ письмо слѣдователю, и меня ведутъ туда.

Слѣдователь читаетъ письмо и говоритъ: „Прокуроръ иначе посмотрѣлъ на это дѣло. Придется васъ въ тюрьму". Затѣмъ вздыхаетъ и говоритъ: „Можетъ-быть, у васъ есть здѣсь кто-нибудь? Могли бы взять васъ на поруки?"

— Есть Скороходовъ,—говорю я.

— Я его вызову,—говоритъ слѣдователь, записываетъ адресъ, и меня ведутъ въ тюрьму. Приводятъ.

Обступаютъ меня надзиратели, спрашиваютъ: „Какой губерніи?“

На меня находитъ животный страхъ, думаю, бить будутъ.

Я говорю. „Называютъ меня Сергѣемъ Поповымъ, говорятъ, что я изъ Петербурга“

Тогда велятъ раздѣваться, даютъ бѣлую шапку, бушлатъ, подушку, матрасикъ, легкое одѣяло и ведутъ.

Приводятъ на дворъ. Левъ и арестанты встрѣчаютъ меня, ведутъ въ камеру, угощаютъ, кто чѣмъ можетъ. Одинъ несетъ арбузика, другой хлѣба, отношеніе братское, хорошее.

Левъ мнѣ разсказываетъ, что его встрѣтили очень недружелюбно. Левъ имѣетъ длинные волосы, большую бороду, ходитъ босой, безъ шапки, ѣстъ только хлѣбъ, овощи, фрукты; такъ вотъ, принявъ его за попа, арестанты закричали. „Попа привели, попа привели, давайте ему драть волосы!“ и въ мигъ окружили его.

Но онъ имъ любовно разсказалъ все, какъ было, и они сердечно пожалѣли его, накормили и относятся съ большимъ уваженіемъ.

Левъ вначалѣ отказался отъ всего казеннаго, пошелъ, легъ подъ нары и тамъ лежалъ. Вечеромъ бываетъ повѣрка, арестанты строятся, съ ними здоровается начальникъ, они отвѣчаютъ всѣ въ разъ и ихъ считаютъ Левъ же лежалъ подъ нарами и на вопросъ: „Что ты не строишься?“ отвѣчалъ. „Мнѣ и здѣсь хорошо, я отдыхаю“.

Меня привели уже вечеромъ. Ночь я провелъ на матрасикѣ, вмѣстѣ съ Львомъ. Клопы и блохи не давали намъ спать.

Левъ говорилъ мнѣ о голодовкѣ, которую можно провести, но я сказалъ, что можно, но зачѣмъ? Вотъ въ полдень даютъ мясной борщъ, такъ я не буду ѣсть, а хлѣбъ буду. Тогда и Левъ взялъ овощи и хлѣбъ,

борща же мы не ѣли. Многіе спрашивали у меня, почему Левъ ходитъ босой, безъ шапки, безъ кафтана.

Я говорилъ „Вѣдь богатъ не тотъ, у кого много, а тотъ, кому ничего не надо. Левъ богаче всѣхъ насъ Мы рабы своихъ потребностей я рабъ шапки, лаптей, Левъ же свободенъ отъ этого"

Вечеромъ на повѣркахъ, когда всѣ строятся, мы сидимъ и на вопросъ „Вы что не строитесь?" отвѣчаемъ „Мы живемъ своимъ разумомъ".

8 или 9 августа снимали съ меня карточку и отправятъ ее въ Петербургъ къ мамашѣ и въ охранное отдѣленіе.

10 августа пришелъ слѣдователь, Скороходовъ и старичокъ Степанъ Зубковъ. Степанъ беретъ меня на поруки Слѣдователь говорилъ, что если мамаша признаетъ карточку, то обвиненіе въ бродяжничествѣ сходитъ на-нѣтъ и дѣло—къ мировому судьѣ.

11 августа пришелъ Степанъ и Скороходовъ, и мое тѣло выпустили изъ тюрьмы

Скороходовъ ходилъ къ атаману и прокурору хлопотать о Львѣ. но безуспѣшно. Вѣроятно, пошлютъ этапомъ Этапъ уходитъ 22 августа

Чувствую, милый братъ, что это съ моей стороны паденіе, именно то, что я пошелъ на поруки Истинный человѣкъ свободенъ и въ тюрьмѣ, а тотъ, кто рабъ своихъ страстей, тотъ вездѣ не свободенъ. Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными.

Не знаю, получилъ ли Левъ Николаевичъ письмо Я писалъ ему прямо изъ тюрьмы, въ концѣ приписалъ и Левъ немного Письмо прошло черезъ руки прокурора

Относительно юбилея Льва Николаевича мнѣ кажется, что у кого нѣтъ его духа, тому надо праздновать, а у кого есть, тому не надо. У кого креста нѣтъ въ душѣ, тотъ вѣшаетъ его на шею.

Желаю всего лучшаго, что въ васъ самихъ.

Письмо второе.

„Голубчики, братья! Не такъ давно я писалъ вамъ объ освобожденіи моего тѣла изъ тюрьмы, и опять попалъ туда. Было дѣло такъ Я пріѣхалъ съ хутора Скороходова вмѣстѣ съ сестрой Льва (о которомъ я писалъ вамъ) Скороходовъ вмѣстѣ съ нами заѣхалъ къ одной знакомой и тамъ оставилъ лошадей Я и сестра Льва пошли на базаръ купить лапти, но не нашли ихъ тамъ. Недалеко отъ базара встрѣчаютъ насъ два околоточныхъ съ городовыми и говорятъ мнѣ

— Подойди сюда, кто ты такой, какой губерніи?

Я говорю. „Всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, губерній нѣтъ, это миражъ, самообманъ."

Тогда молодой околоточный хватаетъ меня за плечо и кричитъ. „Ты что мнѣ порешь ерунду? Гдѣ твой паспортъ?"

— Мнѣ не надо паспорта,—говорю я

Онъ начинаетъ кричать, ругаться и велитъ итти съ нимъ въ участокъ Сестра Льва вступается за меня и говоритъ:

— Зачѣмъ вы трогаете человѣка? Здѣсь его многіе знаютъ. Онъ пріѣхалъ съ хутора Скороходова; это толстовецъ, родомъ изъ Петербурга. Оставьте, вы не имѣете права толкать его.

— Голубчикъ,—говорю я,—пойми, что мы братья. вѣдь я вижу въ тебѣ не полицейскаго, а брата

Меня повели въ участокъ, а сестра Льва пошла со мной Приводятъ, выходитъ приставъ и говоритъ

— Ты откуда?

— Вотъ откуда, и показываю направленіе, откуда меня привели.

— Вашъ паспортъ?

— Мнѣ не надо паспорта Паспортъ—злое установленіе людей, для Бога не надо паспорта

— Вѣроятно, революціонеръ,—говоритъ приставъ — Покажите руки.

Смотритъ на руки, рабочія ли онѣ или нѣтъ. Потомъ говоритъ сестрѣ Льва —Откуда вы?

— Мы пріѣхали съ хутора Скороходова.

— А ваши паспорта?

— Мой паспортъ остался на хуторѣ, я пріѣхала посмотрѣть городъ и повидать здѣсь нѣкоторыхъ знакомыхъ.

— Гдѣ вы остановились?

— Я не знаю фамиліи, но такъ могу найти.

— Скороходовъ можетъ удостовѣрить вашу личность?

— Можетъ, мой паспортъ у него на хуторѣ.

Тогда приставъ велитъ околоточному итти вмѣстѣ съ сестрой Льва туда, куда она приведетъ, и привести Скороходова для допроса. Меня же обступаютъ городовые, обыскиваютъ, отбираютъ лапти, ремешокъ отъ штановъ, отпарываютъ ленту у шляпы Потомъ ведутъ въ участковую тюрьму и затворяютъ

Немного погодя, приходитъ околоточный и городовой. Околоточный подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Какой губерніи? Какъ зовутъ?“

— Всѣ мы братья, всѣ дѣти Божіи, весь міръ домъ Божій,—говорю я.

Околоточный хватъ меня по уху и кричитъ: „Какъ звать, какой губерніи?“

— Всѣ дѣти Божіи, всѣ братья, весь міръ домъ Божій,—говорю я. Тогда онъ хватъ меня по другому уху.

— Говори (и страшно ругается), говори, какой губерніи, какъ зовутъ?

— Голубчикъ, за что ты бьешь меня, развѣ я тебя обидѣлъ?

— Когда спрашиваютъ, отвѣчай—кричитъ онъ.— Какой губерніи?

— Весь міръ домъ Божій,—говорю я.

Тогда онъ сволокъ меня съ нара и началъ бить.

Бьетъ, бьетъ, потомъ начинаетъ кричать „Отвѣчай!“ и страшно ругается и опять бьетъ.

Городовые говорятъ „Довольно для перваго раза“

— Нѣтъ, я выбью изъ него (?), онъ мнѣ скажетъ, какъ зовутъ и какой губерніи,—говоритъ околоточный.

Наконецъ, онъ усталъ и говоритъ „Онъ сумасшедшій, отъ него ничего не добьешься“, оставляетъ меня и уходитъ.

Сестра Льва уходила съ полицейскими, но Скороходова не нашли и пришла обратно Ее посадили рядомъ, въ женское отдѣленіе. На другой день приходитъ Левъ (онъ тоже былъ выпущенъ изъ тюрьмы) Онъ догадался, что сестра его арестована. Когда онъ пришелъ, у него спросили паспортъ

Онъ отвѣчалъ „Паспортовъ для меня не существуетъ, весь міръ домъ Божій, всѣ люди братья, всѣ дѣти Божіи“.

Его арестовали. Немного погодя, меня ведутъ къ приставу Обращеніе его ко мнѣ совсѣмъ перемѣнилось. Онъ говоритъ „Пожалуйста, садитесь. Вы—интеллигентный человѣкъ. Сейчасъ будетъ готовъ самоваръ, пожалуйста, пейте чай“

Потомъ приставъ спрашиваетъ „Скажите, пожалуйста, ну, гдѣ вы родились, въ какой губерніи, какъ васъ зовутъ?“

Я говорю· „Вѣдь это совсѣмъ не нужно, зачѣмъ это? Поистинѣ ничего этого не существуетъ, поистинѣ весь міръ—домъ Божій, всѣ люди братья, всѣ дѣти Божіи. Каждый человѣкъ чувствуетъ въ себѣ два теченія. Одно слѣпое, чувственное, животное, а другое зрячее, разумное, то, что каждый называетъ совѣстью. Этотъ то голосъ Божій, голосъ совѣсти, говоритъ мнѣ, что всѣ люди братья, всѣ дѣти Божьи, весь міръ домъ Божій“.

— Но все-таки,—говоритъ приставъ,—какъ же мнѣ написать? Вѣдь мнѣ надо. Я напишу, что вы не можете имѣть никакого документа, но какъ же васъ называютъ?

Я сказалъ „Сергѣй Поповъ“.

Тогда онъ написалъ: „Сергѣй Поповъ, слѣдуя ученію Христа, не можетъ имѣть никакого документа“, и просилъ подписать Я подписалъ.

Потомъ я говорю „Вотъ молодой человѣкъ, околоточный, побилъ мое тѣло и хотѣлъ этимъ вынудить отъ меня, чтобы я сказалъ то, что поистинѣ не существуетъ Но вѣдь онъ только выгонялъ изъ меня животный страхъ. Боли почти не было никакой, а страха стало меньше, и я сталъ свободнѣе. Вѣдь то, что воистину *мое*, того никто не можетъ взять отъ меня. Никто не можетъ взять отъ меня душу, волю, разумъ, а жить разумной волей—великое счастіе. Освобождаться отъ требованій тѣлесности, матеріальности, сдѣлать изъ тѣла покорнаго слугу духа—это приближеніе человѣка къ духовной свободѣ Полное же освобожденіе, смерть тѣлесности есть духовная свобода. Поэтому я не хочу жить тѣмъ, что дѣлаетъ человѣка несвободнымъ, я хочу избавиться отъ рабства, хочу воспитать въ себѣ наибольшую кротость, смиреніе, любовь.

„Передо мной прежде стоялъ идеалъ вещественный, внѣшній. Для достиженія его я находилъ много препятствій, а главное—видѣлъ эти препятствія внѣ себя, въ особенности въ другихъ людяхъ, и потому осуждалъ людей Когда же сталъ познавать, я понялъ, что то, что внѣ меня, то отъ меня не зависитъ, что идеалъ долженъ быть не вещественный, внѣшній, а внутренній, духовный, и между ними огромная разница Я понялъ, что идеалъ для меня въ своей душѣ, въ проявленіи, воспитаніи въ себѣ Божественныхъ свойствъ, и что препятствія къ достиженію этого идеала во мнѣ же. Я же, въ какомъ положеніи бы ни былъ, долженъ итти къ этому идеалу, устраняя, разрушая всѣ препятствія, стоящія между мною—частью и цѣльностью—Богомъ“.

Приставъ говоритъ „Хотите, я составлю протоколъ, и околоточнаго привлекутъ къ отвѣтственности“.

— Зачѣмъ это?—говорю я.—Вѣдь Христосъ устана-

вливаетъ законъ прощенія, любви. Привлекать къ отвѣтственности надо совѣсть его, а какъ это дѣлать, Христосъ говоритъ „Ударившему тебя по щекѣ, подставь другую". Надо тому, кто обидитъ, сдѣлать какъ можно больше добра, чтобы устыдить его, наказать совѣсть, заставить страдать ее.

Потомъ позвали Льва. Приставъ написалъ ему то же самое, и онъ подписалъ.

Потомъ насъ повели къ полицеймейстеру, также и сестру Льва и еще одного брата Костю (онъ работалъ у Скороходова и пришелъ вмѣстѣ со Львомъ въ участокъ). Полицеймейстера не было, и насъ повели въ участокъ, до слѣдующаго дня. На другой день насъ приводятъ къ полицеймейстеру. Сначала онъ даетъ проходное свидѣтельство сестрѣ Льва, потомъ Костѣ. Меня же и Льва хотятъ отправить обратно въ участокъ, такъ какъ мы говоримъ, что губерній и паспортовъ нѣтъ, это самообманъ, весь міръ—домъ Божій. Сестра Льва стала просить полицеймейстера, чтобы онъ далъ и Льву проходное свидѣтельство въ Ясную Поляну. Онъ далъ, и она взяла.

Меня же уводятъ въ тотъ же участокъ, въ которомъ я сидѣлъ въ первое заключеніе. Здѣсь меня запираютъ въ участковую тюрьму. Здѣсь 8 человѣкъ заключенныхъ Сначала относятся недовѣрчиво, потомъ, когда я разсказалъ, какъ все было, они стали относиться очень хорошо, дали мнѣ одѣяло, дѣлились всѣмъ, что имъ приносили. Спрашивали, отчего я не ѣмъ мяса.

Я говорилъ:—Все живое хочетъ жить и страшится страданій смерти, и я не въ правѣ отнимать жизнь, вѣдь я не могу ее вернуть, что цѣль моя любить все живое; что такъ же, какъ я скажу, что все для меня, также можете сказать и вы, и птица, и рыбы, и червячокъ, что все для него. Все хочетъ жить.

На другой день въ полдень приходитъ товарищъ прокурора и спрашиваетъ у каждаго, за что кто си-

дить. Ему отвѣчаютъ. Спрашиваетъ и меня: „За что вы?“

Я говорю.—Помните, меня уже приводили къ вамъ во дворъ, еще я вамъ сказалъ, что всѣ люди братья, весь міръ—домъ Божій, всѣ дѣти Божіи. Вы тогда велѣли отправить меня въ тюрьму. Теперь также я шелъ по площади и встрѣтился съ околоточными. Они спросили: кто ты такой, какой губерніи? Я сказалъ, что всѣ люди братья, весь міръ—домъ Божій. Они взяли меня и посадили.

— Вы, кажется, на порукахъ?—сказалъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ я.

— Сколько вы дней уже здѣсь?

— Три или четыре,—сказалъ я.

Тогда онъ ушелъ. Заключенные обступили меня и спрашиваютъ, почему я не всталъ, когда вошелъ прокуроръ. Я говорилъ:—Вѣдь всѣ же братья, всѣ дѣти одного отца—Бога.

— Но за это могутъ наказать, куда-нибудь сослать,—говорятъ они.

— Ну, что же, вездѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, да и вездѣ можетъ случиться, что кто-нибудь побьетъ, ранитъ и даже умертвитъ. Но все это онъ можетъ дѣлать съ тѣломъ, вѣдь оно не мое, такъ каждый, кто захочетъ, можетъ уничтожить его. А вотъ разумную волю никто не можетъ взять; вотъ это-то и есть моя собственность, также мысль. Кто можетъ взять ее отъ меня? А вѣдь все начинается въ мысляхъ. Прежде чѣмъ я говорю и дѣлаю, я мыслю. Значитъ, дѣла мои—это мои мысли Я—это мое мышленіе. Это тоже моя собственность. Никто не можетъ меня заставить мыслить и дѣлать такъ, какъ хочетъ онъ. Напримѣръ, берутъ молодого парня, приводятъ его въ городъ и заставляютъ присягать и учиться убивать, дѣлаться солдатомъ. Если только парень пойметъ, что присяга есть зло, что, предостерегая отъ этого зла,

Христосъ прямо и ясно сказалъ „никогда никому ни въ чемъ не клянитесь вовсе“; если только онъ это поймете, то откажется отъ присяги и не будетъ служить солдатомъ Никто не можетъ взять его истинной собственности—разумной воли

— Да это такъ, но что можно сдѣлать одному?— говорятъ они.

— Голубчики, очень много можно сдѣлать, и не только много, но все можно сдѣлать. Кто же, какъ не я, могу познать самого себя. Кто, какъ не я, знаю свои мысли Вашихъ мыслей, что вы думаете, я не знаю. Свои же мысли я знаю, это мое, это я самъ. Все же, что внѣ меня, то не я и не зависитъ отъ меня. Тѣло могутъ замучить, умертвить, но душу никогда. Она безсмертна Поэтому каждый человѣкъ можетъ сдѣлать самого себя лучше. Только надо отставать отъ внѣшности. Надо стараться видѣть въ каждомъ человѣкѣ брата, сына общаго Отца, проникать до души, несмотря на тѣлесную оболочку. Цѣлью, путеводной звѣздой, должно быть не вещественное, внѣшнее, а внутреннее, духовное Для достиженія духовнаго идеала самъ человѣкъ своей внѣшностью служитъ препятствіемъ, и потому никого не надо обвинять, а только себя.

На другой день утромъ зовутъ меня къ приставу. Вхожу, тамъ сидитъ приставъ, три околоточныхъ и сборщикъ податей. Одинъ изъ околоточныхъ (тотъ самый, который угрожалъ мнѣ револьверомъ передъ первымъ заключеніемъ) говоритъ „А, Сережка, опять къ намъ пришелъ, не хочешь ли покурить?“ и подаетъ мнѣ папиросу

— Нѣтъ, не надо,—говорю я,—въ табакѣ ядъ никотинъ, отъ него страшный вредъ, какъ для себя, такъ и для другихъ, особенный же соблазнъ для дѣтей“.

Тутъ въ разговоръ вступаетъ сборщикъ податей, который начинаетъ порицать Л. Толстого за то, что онъ только проповѣдуетъ, а самъ „ничего не дѣлаетъ“. Сережа защищаетъ Толстого и, въ свою очередь, обвиняетъ науку и искусство

— Да, милые,—говоритъ онъ—посмотрите, что люди растятъ, о чемъ хлопочутъ, все, что люди называютъ наукой, техникой, художествомъ, все это процвѣтаетъ, только одинъ чудный ростокъ любви забытъ. Забыто то, что должно было бы быть основой всего, азбукой жизни. Забыто сѣмя Христа, и называютъ его именемъ ненужныя, сорныя сѣмена.

— Но вѣдь нужна же наука, нужно же образованіе,—говоритъ сборщикъ податей.

— Первая наука для дѣтей—это жизнь ихъ родителей. Значитъ, надо дѣлать самихъ себя лучше. Дѣти и будутъ учиться доброй хорошей жизни. Наука—это умѣнье жить разумно

— Но вотъ, вы безъ образованія не могли бы итти такъ, какъ теперь идете,—говоритъ онъ

— Нѣтъ, въ гимназіи я получилъ образованіе всѣхъ дурныхъ, порочныхъ наклонностей. Если бы я не бросилъ ея и пошелъ дальше путемъ этого образованія, то я бы погибъ или сталъ бы нравственнымъ калѣкой, уродомъ Важно не количество, а качество знаній. Если образованіе не дѣлаетъ изъ ребенка (маленькаго животнаго) человѣка, не дѣлаетъ его добрымъ, то это не истинное образованіе. Все, что выдается за образованіе, все это, какъ сорная трава, заглушаетъ то, что воистину нужно разумную, добрую жизнь. Все, что называютъ наукой, искусствомъ, все это, какъ основанное не на камнѣ, не на разумной жизни, не имѣетъ твердаго основанія и потому не устоитъ, не имѣетъ религіозной основы. Каковы люди, и общество, такова и наука, жизнь, таковъ и цвѣтъ общества—искусство Все дѣло въ томъ, каковы

люди сами Прогрессъ научный художественный огроменъ, но онъ подобенъ огромной башнѣ, изъ-подъ которой вынуто основаніе. Вотъ-вотъ и она упадетъ и разобьется вдребезги. А прогресса нравственнаго религіознаго очень мало, а вѣдь только религія даетъ смыслъ жизни; дѣло же науки сумѣть приложить этотъ смыслъ къ жизни, сумѣть устроить жизнь разумно. Глядя трезво на жизнь, нельзя и пользоваться всѣмъ тѣмъ, что даетъ наука и искусство, такъ какъ безъ руководства нравственнаго пользованіе всѣмъ этимъ приведетъ къ пропасти. Такъ постепенно, твердо очищаясь нравственно, человѣкъ можетъ сдѣлать свою жизнь лучше и быть наукой для своихъ дѣтей и вообще для всѣхъ людей.

— Ну, а какъ же, вотъ у васъ будутъ дѣти, вѣдь нужно же и ихъ выучить?

— Ну, что же, я самъ имъ наука Значитъ, я самъ долженъ сдѣлать себя какъ можно лучше, а никакъ не отдавать дѣтей въ руки палачей нравственности. Учить дѣтей надо, имѣя примѣромъ хорошаго, идеальнаго человѣка, а не приспосабливаться ко вкусамъ пустого общества Для меня такой чудный хорошій человѣкъ былъ Христосъ, и потому, я думаю, что родителямъ, желающимъ образовать изъ своихъ дѣтей человѣка, надо жить жизнью Христа и взять за основу воспитанія заповѣди Христа. Я самъ думаю провести жизнь цѣломудренно, такъ какъ семейная жизнь служитъ препятствіемъ, соблазномъ для жизни въ Богѣ. Бракъ — это грѣхъ противъ цѣломудрія; а распутство—грѣхъ противъ брака. Конечно, если только я не въ состояніи буду жить цѣломудренно, то одинъ выходъ—это бракъ, т-е., взаимное согласіе двухъ людей различныхъ половъ имѣть дѣтей только другъ отъ друга. Если же человѣкъ, живя нецѣломудренно, не вступаетъ въ бракъ, то такой человѣкъ—несчастный уродъ.

— Но мнѣ кажется,—говоритъ сборщикъ податей,— что каждый человѣкъ непремѣнно долженъ жениться; иначе, если всѣ мы будемъ жить цѣломудренно, то родъ человѣческій прекратится.

— Голубчикъ, зачѣмъ вы заботитесь о родѣ человѣческомъ, позаботьтесь о себѣ; вѣдь вы только себя самого можете знать. Зачѣмъ заботиться о томъ, что внѣ васъ, оставьте это на волю Божію. Попробуйте жить цѣломудренно, не заботьтесь о другихъ, а заботьтесь о томъ, чтобы въ васъ, какъ въ частицѣ рода человѣческаго, было какъ можно больше любви, кротости, смиренія, и тогда вы узнаете, что бракъ это есть похотливое, затемняющее истину, порабощающее дѣло. Сейчасъ же вмѣстѣ съ бракомъ всплываютъ различные семейные интересы, встающіе и заслоняющіе Божеское. Появляется животная семейная любовь, стоящая выше любви человѣческой, братской, Божеской. Поскольку человѣкъ отдается Богу, постольку узы семейныя отпадаютъ отъ него, для него тогда всѣ люди братья, всѣ дѣти одного Отца, весь міръ домъ Божій.

— Тогда, если вы хотите жить цѣломудренно, то лучше всего поступить, какъ скопцы, иначе очень трудно прожить.

— Нѣтъ, братъ, поступать, какъ скопцы, это значитъ уродовать свое тѣло, значитъ итти противъ воли Бога. Отецъ мой не плоть, а духъ, но я созданъ духомъ во плоти, говорилъ Христосъ, когда на него находило искушеніе избавиться отъ плоти. Да если человѣкъ и поступитъ, какъ скопцы, то онъ все-таки не избавится отъ дурныхъ похотливыхъ мыслей... Не нужно уродовать своего тѣла, но надо отгонять отъ себя всѣ порочныя похотливыя мысли и жить добрыми хорошими мыслями.

Поговорили мы такъ, и меня отвели въ камеру.

На другой день рано утромъ камеру открыли. Начали тамъ все чистить и ждали весь день пріѣзда

прокурора Заключеннымъ сказали, чтобы называть прокурора „ваше превосходительство". Но онъ не пріѣхалъ. Съ этого дня камера была постоянно открыта, тамъ передѣлывали печки

Я сошелся съ однимъ городовымъ Онъ мнѣ принесъ книгу профессора Тихомирова—о безсмертіи души и Евангеліе. Мы сѣли на бревнушкѣ на дворѣ, и я сталъ читать нагорную проповѣдь Городовые и заключенные обступили насъ и слушали Я прочелъ первую заповѣдь Христа—„не сердись",—вторую—„не блуди",—третью—„не клянись вовсе",—четвертую—„не противься злому" и пятую—„любите враговъ вашихъ", и объяснилъ.

Они поняли и были очень взволнованы

— Вотъ видите, какое было бы счастье построить жизнь на этихъ заповѣдяхъ.

— Да, только трудно, теперь не то время,—говорятъ они.

— Голубчики, чѣмъ же трудно? Вѣдь это только такъ кажется, потому что люди сжились съ соблазнами, но стоитъ только отрезвиться, вспомнить, кто мы и какое наше назначеніе и начать жить по заповѣдямъ Христа, неся по доброй волѣ его крестъ, тогда увидите, что бремя его не тяжко, но радостно и легко

— Кто знаетъ, какъ,—говорятъ они.—Вотъ, Сережа, поступай къ намъ въ городовые, теперь какъ разъ нужно одного, ты бы могъ много намъ помочь.

— Нѣтъ, спасибо, зачѣмъ же мнѣ поступать? Нужно имѣть въ душѣ крестъ. Кто чувствуетъ пустоту духовную, тому нужно что-нибудь внѣшнее У кого креста нѣтъ въ душѣ, тотъ вѣшаетъ его на шею. Спасибо, братья. Надо братьями быть, а не городовыми.

Такъ постепенно потекла моя жизнь въ тюрьмѣ. Иногда мы пилили дрова на дворѣ Отношеніе очень хорошее. Заключенные дѣлятся всѣмъ, что имъ приносятъ. По вечерамъ городовые зовутъ меня въ казарму, угощаютъ чаемъ. Старшій изъ городовыхъ говоритъ

— Вотъ, Сережа, страшное зло у насъ почти всѣ городовые пьютъ водку, прямо не знаю, что дѣлать

— Одно, что вы можете дѣлать,—это не участвовать съ ними, не пить самому и всячески разъяснять имъ объ ужасномъ вредѣ водки. Вѣдь все это является вслѣдствіе душевнаго безпорядка. Привести въ порядокъ свою душу, жить по-Божьи—и тогда не понадобится ни служить городовымъ ни пить водку

Такъ изо дня въ день проходила моя жизнь.

Иногда приходилъ сборщикъ податей и все обвинялъ Льва Николаевича, мнѣ же говорилъ:

— Трудно тебѣ, Сережа, будетъ жить такъ, какъ ты хочешь, ничего у тебя изъ этого не выйдетъ, да и радости никакой Зачѣмъ ты изнуряешь себя? Мяса не ѣшь. Зачѣмъ ты тоже идешь противъ воли Божіей Разъ ты созданъ тѣлесно, то не надо и изнурять себя.

— Голубчикъ, не заботься о моемъ тѣлѣ, я нисколько не изнуряю его Я только не хочу быть рабомъ своихъ потребностей, хочу освободиться отъ лишнихъ желаній *Ничего не желать—это счастье* [1]), и потому приближаться къ этому есть большая радость.

— Брось всю эту дурь,—говоритъ приставъ,—живи, какъ всѣ живутъ, и ты будешь хорошимъ товарищемъ.

— Нѣтъ, я хочу итти за Христомъ,—говорилъ я.

Какъ-то незадолго до освобожденія приставъ сказалъ мнѣ

— Сережа, полицеймейстеръ сказалъ, что на-дняхъ выпуститъ тебя

Въ участкѣ былъ еще очень хорошій молодой человѣкъ, готовящійся въ околоточные. Онъ мнѣ все говорилъ:

— Поѣзжай, Сережа, къ мамѣ. Зачѣмъ доставляешь ей столько страданій?

Наканунѣ освобожденія пришелъ Скороходовъ и

---

[1]) Курсивъ нашъ. *А. П.*

принесъ мнѣ письмо отъ мамаши. Онъ сказалъ, что отъ прокурора есть предписаніе выпустить меня, но что многіе недовольны, что я надѣлалъ очень много хлопотъ.

Утромъ въ день освобожденія зовутъ меня къ приставу и спрашиваютъ.

— Ну, скажите, какой вы губерніи, гдѣ ваша мамаша, чей вы сынъ, кто былъ вашъ отецъ?

— Зачѣмъ все это?—говорю я.—Это миражъ, самообманъ. Истина говоритъ, что всѣ люди братья, весь міръ домъ Божій, всѣ дѣти Божіи

— Какъ же такъ,—говорятъ околоточный и приставъ,—нужно же намъ написать, полицеймейстеръ требуетъ. Иначе могутъ думать, что ты скрывающійся преступникъ, и могутъ сослать куда-нибудь.

— То, что мое, того никто не можетъ взять отъ меня и никто не имѣетъ власти надо мной... Для христіанина нѣтъ ни правительствъ, ни судовъ, ни полиціи, ни границъ, ни паспортовъ. Христіанство и государство съ его механизмомъ не совмѣстимы.

— Ты говоришь, не надо судовъ, полиціи,—говоритъ приставъ,—но кто же будетъ наказывать преступниковъ?

— Голубчики, наказаніе есть понятіе, изъ котораго начинаетъ вырастать человѣчество. Что такое преступникъ? Что онъ преступилъ? Еще большій преступникъ тотъ, кто нарушитъ законъ любви, прощенія, кто наказываетъ своего брата. Вѣдь по закону Христа надо не наказывать, а прощать. *Противиться злу надо не закономъ, а добромъ, прощеніемъ.* Закономъ нельзя пресѣчь зла. Все порождаетъ себѣ подобное. Зло порождаетъ зло. Только добро можетъ уничтожить зло. Напримѣръ, людей, развращенныхъ праздностью и дурнымъ сообществомъ, сажаютъ въ самую полную праздность и въ самое дурное сообщество, въ тюрьму. Развѣ это исправляетъ?

— Да это такъ,—говоритъ приставъ,—но представьте

себѣ, васъ человѣкъ начинаетъ бить. Ну, что же, ему прощать?

— Конечно, *весь законъ Христа въ этомъ*. Ударившему тебя по одной щекѣ, подставь другую. Если кто васъ ударитъ, то вы простите ему. Можетъ-быть, онъ и еще разъ ударитъ, но вы все-таки простите. Только такимъ образомъ и можно уничтожить зло. Иначе что же выйдетъ? Если онъ васъ хватитъ по уху, сдѣлаетъ зло, вы ему отвѣтите тѣмъ же, зло возгорится, какъ отъ искры пожаръ, дѣло дойдетъ до убійства и погубитъ васъ обоихъ.

— Не знаю, зачѣмъ его держать?—говорятъ они.

— Голубчикъ, кто же держитъ, вѣдь вы же держите, вы да городовые.

— Это дѣло не наше, полицеймейстеръ приказалъ намъ держать.

— Голубчики, вѣдь у полицеймейстера только двѣ руки, два глаза, онъ самъ по себѣ. Какъ же онъ можетъ держать меня? Нѣтъ, вы держите. Откуда у полицеймейстера столько рукъ, глазъ; все это ваши глаза, ваши руки. А главное, если вы своей совѣстью сознаете, что не за что меня держать, то зачѣмъ же вы дѣлаете противное своей совѣсти, зачѣмъ вы отдаете настоящую свою собственность, свой разумъ, совѣсть? Вѣдь это Божье, этого нельзя отдавать.

Всѣ они очень взволнованы. Приставъ вздыхаетъ и говоритъ. „Ну, иди, ходи по двору“.

Въ это время мнѣ приноситъ милый старичокъ Степанъ Степановичъ обѣдать Я обѣдаю

Только что кончилъ обѣдать, зовутъ опять къ приставу. Вхожу, вижу приставъ стоитъ у телефона и разговариваетъ съ полицеймейстеромъ.

Приставъ мнѣ говоритъ: „Вотъ тебя рѣшаютъ выслать въ Иркутскую губернію“.

— Ну, что же,—говорю я,—вездѣ люди братья, весь міръ домъ Божій.

Приставъ говоритъ по телефону. „онъ говоритъ, что ему все равно, вездѣ люди братья". Нѣкоторое время молчаніе. Потомъ полицеймейстеръ говоритъ что-то приставу, а онъ говоритъ мнѣ. „Куда ты хочешь, чтобы тебя отправили?"

— Мнѣ все равно,—говорю я.

— Къ мамашѣ хочешь?

— Хорошо,—говорю я.

Приставъ говоритъ полицеймейстеру: „Онъ соглашается". Опять молчаніе. Потомъ полицеймейстеръ что-то говоритъ приставу, а онъ мнѣ говоритъ. „Если ты выйдешь изъ Майкопа, то полицеймейстеръ выпуститъ тебя".

— Хорошо, я пойду въ станицу,—говорю я.

Приставъ полицеймейстеру. „Онъ соглашается".

Полицеймейстеръ что-то отвѣчаетъ, и приставъ говоритъ мнѣ. „Ну, иди, собирай вещи".

Я иду въ камеру. Разсказываю обо всемъ, отдаю книги городовымъ и прощаюсь. Заключенные и городовые сердечно желаютъ всего хорошаго. Я иду, меня подзываетъ приставъ и говоритъ.

— Сережа, вотъ возьми на хлѣбъ,—и даетъ серебряную монету.

— Нѣтъ, спасибо,—говорю я,—меня здѣсь кормили и сейчасъ я только что пообѣдалъ: не надо. До свиданія,—и ухожу.

Въ Майкопѣ нахожу Скороходова и съ нимъ ѣду на другой день на хуторъ и здѣсь работаю. У нихъ пахота теперь, ломка кукурузы. Сегодня, 29 сентября, пришелъ въ Майкопъ и пишу вамъ письмо

Да, голубчики, все это я предвидѣлъ еще, когда бросилъ гимназію. Зналъ, что всего надо ожидать и быть готовымъ на все и ко всему установить самыя лучшія братскія отношенія. Все это для меня наука и ростъ. Я понялъ, что никуда не надо ѣздить, отъ себя не уѣдешь, *ничего не надо искать внѣ себя*. Надо очи-

щать самого себя и свою совѣсть и тогда, если свѣтъ будетъ во мнѣ, то онъ будетъ свѣтить Да, только въ Богѣ надо искать всякой опоры, а онъ въ каждомъ человѣкѣ. Значитъ, жить общимъ Богомъ, любовью— это и есть совмѣстная работа Ищите прежде всего царствія Божія и правды его, говорилъ Христосъ Царствіе Божіе внутри васъ есть Будемъ же жить правдой Божіей, чтобы не только Богъ былъ въ насъ, но и мы пребывали бы въ Богѣ Желаю всего лучшаго, что въ васъ самихъ".

Сергій Поповъ.

А. М. ДОБРОЛЮБОВЪ
и
ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛИ.

Декадентъ-сектантъ.

Будемъ ждать въ молчаніи,—
можетъ-быть, мы скоро различимъ
„шопотъ боговъ".

Мэтерлинкъ.

I.

Если не ошибаюсь, это было въ самомъ концѣ 1904 года, сколько помнится,—въ послѣднихъ числахъ декабря.

Въ воздухѣ, особенно въ общественной атмосферѣ Петербурга, уже явно ощущалось приближеніе надвигавшейся грозы, какого-то тайфуна, неминуемаго и неизбѣжнаго, который долженъ былъ разрѣдить сгустившуюся до удушья атмосферу. Прорвавшись чрезъ безчисленные плотины и шлюзы, чрезъ всевозможные шлагбаумы, жизнь начинала бурлить, и волны ея поднимались все выше и выше...

Помню, какъ-то среди дня прислуга сообщаетъ, что пришли какіе-то два человѣка изъ Москвы, спрашиваютъ, могутъ ли видѣть меня.

Когда приходятъ обыкновенные, интеллигентные люди,—люди культурнаго общества,—прислуга всегда говоритъ: „пришли два *господина*". Когда же она говоритъ „пришли два *человѣка*", то я уже заранѣе знаю, что пришли рабочіе или крестьяне, словомъ,—выходцы изъ „нѣдръ народныхъ".

Дѣйствительно, вошли два мужика,—настоящіе стенные земле робы,—въ армякахъ, подпоясанныхъ куша-

ками, въ длинныхъ, широкихъ и неуклюжихъ чапанахъ изъ толстаго крестьянскаго сукна.

Съ ихъ приходомъ такъ и пахнуло далекой, но знакомой и милой самарской степью, такъ и повѣяло вольнымъ воздухомъ „Волги-матушки широкой".

Изъ того, что, войдя въ комнату, пришедшіе не искали глазами иконы по угламъ, чтобы перекреститься, я тотчасъ же понялъ, что предо мной были люди, порвавшіе съ обычаями православнаго люда.

Одинъ изъ вошедшихъ молча подалъ мнѣ письмо достаточно-таки помятое и замусленное. По почерку на адресѣ я узналъ руку моего московскаго знакомаго Х.

— Вы—отъ Х?—спросилъ я.

— Мы были въ Москвѣ проѣздомъ. Видѣлись съ Х, и онъ совѣтовалъ намъ повидаться съ вами..

Х—мой хорошій знакомый, живо сочувствующій русскимъ сектантамъ и разнымъ религіознымъ искателямъ Но его письмо ничего не разъяснило мнѣ, такъ какъ въ немъ стояли только двѣ-три строчки „Направляю къ вамъ этихъ людей въ надеждѣ, что они заинтересуютъ в съ". И больше ничего. Въ объясненіе этого я долженъ замѣтить, что, сочувствуя сектантамъ, г. Х. въ то же время не особенно умѣло разбирался въ нихъ.

— Ну, вотъ и отлично,—сказалъ я, обращаясь къ пришедшимъ,—побесѣдуемъ, познакомимся. Садитесь, пожалуйста.

Одинъ изъ вошедшихъ, молодой, высокій, статный мужчина, лѣтъ 27—28-ми, темнорусый, съ благообразнымъ лицомъ, не снимая чапана, опустился въ уголъ широкаго турецкаго отомана. Другой, небольшого роста, среднихъ лѣтъ, не безъ нѣкоторой предосторожности усѣлся на вѣнскомъ стулѣ, тоже, какъ былъ, въ чапанѣ.

Довольно долго однако разговоръ не налаживался. Пришедшіе сами никакихъ вопросовъ мнѣ не предлагали, а на мои вопросы отвѣчали слишкомъ уже кратко,

односложно и притомъ не сразу, а какъ-будто бы подумавъ сначала, съ постоянными паузами, иногда довольно продолжительными.

Становилось скучновато, что особенно остро чувствовалось тогда, быть-можетъ, въ силу крайне рѣзкаго контраста, какой невольно ощущался между бившими по нервамъ волненіями тѣхъ историческихъ дней и этой бесѣдой, такой вялой и нудной.

Узнавъ, что мои собесѣдники часто расхаживаютъ по Россіи, нерѣдко изъ одного конца въ другой, я спросилъ ихъ, не встрѣчаютъ ли они при этомъ препятствій со стороны властей.

Молодой крестьянинъ молчалъ, а его спутникъ, постарше, замѣтилъ по его адресу:

— Братъ Александръ зачастую въ темницахъ сидитъ.. То-и-дѣло подъ замкомъ находится

— За что же собственно?—спросилъ я, обращаясь къ „брату Александру".

— Извѣстное дѣло.. слуги цесаря,—проговорилъ онъ и опять замолчалъ.

Я обратился къ „брату" постарше и спросилъ, какъ его звать.

— Степанъ Петровъ,—отвѣчалъ онъ.

— А васъ?—обратился я къ его молодому спутнику.

— Братъ Александръ... Александръ Михайловъ.

— А фамилію можно узнать?

— Добролюбовъ.

Признаюсь, я былъ немало удивленъ и пораженъ, услышавъ это имя.

Объ А. М. Добролюбовѣ, изысканномъ и утонченномъ поэтѣ-декадентѣ, а затѣмъ религіозномъ проповѣдникѣ, ушедшемъ въ народъ, я уже давно и много наслышался съ разныхъ сторонъ. Его дѣятельность среди народа, о которой ходили всевозможные, нерѣдко совершенно противорѣчивые слухи и разсказы, давно живѣйшимъ образомъ интересовала меня. И я

собиралъ свѣдѣнія и матеріалы, которые могли бы выяснить личность Добролюбова и то вліяніе, какое оказывалъ онъ на людей, съ которыми ему приходилось сталкиваться.

Между прочимъ кѣмъ-то изъ его друзей мнѣ были доставлены разныя записки и замѣтки, а также стихи и письма Добролюбова, которые онъ писалъ, сидя въ тюрьмѣ... И вдругъ этотъ самый Добролюбовъ, который такъ сильно меня интересовалъ, и встрѣчи съ которымъ я такъ горячо желалъ, сидитъ здѣсь, передо мной.

Однако не ошибаюсь ли я? Быть-можетъ, это только случайное совпаденіе имени, отчества и фамиліи. Въ этомъ здоровомъ, росломъ и молчаливомъ мужикѣ съ большими, добрыми, спокойными глазами рѣшительно невозможно уловить ни одной черточки, которая хотя бы отдаленнымъ образомъ намекала на его модернистское и декадентское прошлое.

— Вы изъ Петербурга?—спрашиваю я Добролюбова

— Да, я жилъ и учился въ Петербургѣ.

— Были въ петербургскомъ университетѣ въ 90-хъ годахъ?

Онъ молча кивнулъ головой.

— Вамъ знакомы эти бумаги и письма?—спрашиваю я Добролюбова и передаю ему пакетъ, въ которомъ хранились доставленные мнѣ „матеріалы".

Я вижу, какъ лицо его изобразило сильнѣйшее изумленіе.. еще одинъ моментъ,—и оно расцвѣтилось въ довольную и радостную улыбку, необыкновенно плѣнительную

— Это мои замѣтки, мои письма. Но почему, какимъ образомъ они очутились у васъ?

Я объяснилъ, какъ было дѣло, и мнѣ показалось, что послѣ этого Добролюбовъ сдѣлался нѣсколько сообщительнѣе. Отвѣчая на мои вопросъ, онъ началъ разсказывать о своемъ пребываніи въ тюрьмѣ, когда писались имъ эти замѣтки и письма.

II.

Вдругъ громкій, рѣзкій звонокъ раздался въ передней, рядомъ съ той комнатой, въ которой мы сидѣли. Степанъ Петровъ безпокойно зашевелился на своемъ стулѣ, подобралъ полы чапана и вопросительно посмотрѣлъ на своего спутника. Но тотъ и лицомъ и всей своей фигурой по-прежнему выражалъ полнѣйшее эпическое спокойствіе.

— Вы дома? Можно васъ видѣть?.. Пять—десять минутъ, не больше!—говорилъ молодой человѣкъ, входя въ переднюю и сбрасывая съ себя пальто и шапку.

Быстро раздѣвшись, онъ торопливой походкой входитъ въ комнату съ туго набитымъ портфелемъ подъ-мышкой. Помѣстившись у письменнаго стола, онъ раскрываетъ свой портфель и, что называется, съ мѣста въ карьеръ, сразу же приступаетъ къ дѣловому разговору.

Это былъ П., южанинъ, молодой коммерсантъ, стоявшій во главѣ крупнаго издательства, которое въ то время наводняло Россію массой брошюръ и книгъ. Энергичный, въ высшей степени подвижной и очень дѣловитый, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка „американскаго типа“ Располагая значительнымъ милліоннымъ состояніемъ, П. широко развилъ издательское дѣло.

Ко мнѣ онъ заѣхалъ, чтобы порѣшить вопросъ объ изданіи нѣкоторыхъ книгъ и брошюръ, особенно интересовавшихъ его въ тотъ моментъ. Волнуясь и спѣша, П. намѣчалъ тѣ условія, на которыхъ онъ считалъ возможнымъ приступить къ изданію, приводилъ смѣту расходовъ, опредѣлялъ количество экземпляровъ и т. д.

Я вижу, какъ Добролюбовъ поднимается со своего мѣста, а слѣдомъ за нимъ и Степанъ Петровъ.

— Мы уходимъ,—говоритъ Добролюбовъ.—Вы здѣсь

слишкомъ спѣшите, слишкомъ торопитесь... Вы очень много говорите... Мы не можемъ оставаться здѣсь.

П. дѣлаетъ изумленные глаза, а затѣмъ, обращаясь къ Добролюбову, говоритъ.

— Простите, я уже кончилъ и не буду болѣе мѣшать вамъ.

Быстро уложивъ свой портфель, онъ прощается и исчезаетъ, а я спѣшу успокоить Добролюбова и его спутника.

Снова усадивъ ихъ, я пытаюсь возобновить прерванную бесѣду, но „братъ Александръ“ обращается ко мнѣ съ умоляющимъ видомъ и говоритъ.

— Помолчимъ, братъ!

И склонивъ голову на грудь, погружается въ глубокую созерцательную задумчивость.

Молчитъ и его спутникъ, застывъ въ неловкой позѣ на вѣнскомъ стулѣ въ своемъ широкомъ чапанѣ.

Я смотрю на нихъ и думаю: Однако это довольно курьезно,—пришли люди, чтобы познакомиться, поговорить, обмѣняться мнѣніями, а сами молчатъ и просятъ, чтобы и я молчалъ. Чудаки! Откуда это у нихъ? Въ русскомъ расколѣ есть секта „молчальниковъ“, послѣдователей которой въ 80-хъ годахъ можно было встрѣтить въ Саратовской, Вятской, а можетъ-быть, и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ.

Но вѣдь невозможно же предположить, чтобы печатный эстетъ и декадентъ, поклонникъ Бодлэра и Ницше вдругъ сдѣлался послѣдователемъ „раскольнической“ секты молчальниковъ. Очевидно, тутъ нѣчто совершенно иное, и подъ молчаніемъ Добролюбова кроется, конечно, иная подоплека, иная психологія.

И я прямо ставлю вопросъ:—Зачѣмъ это молчаніе?

По обыкновенію, Добролюбовъ отвѣчаетъ отрывочно, кратко, съ паузами. Но смыслъ его рѣчи былъ такомъ.

— Нужно сосредоточиться... нужно *молча* углубиться въ свои переживанія... Необходимо *молча* погрузить-

ся въ свои думы, всецѣло уйти въ себя, въ свой внутренній, духовный міръ... И это особенно нужно дѣлать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда васъ мучаютъ и волнуютъ какія-нибудь сомнѣнія и тревоги. Это нужно дѣлать не только въ одиночку, но и въ обществѣ, хотя бы даже въ многолюдномъ собраніи.

— А что же дальше? До какихъ же поръ сидѣть и молчать?—спрашиваю я.

— До тѣхъ поръ, пока вы не почувствуете, что на васъ сходитъ откровеніе. Да, настанетъ моментъ, когда вы вдругъ почувствуете откровеніе .. Оно озаритъ ваше сознаніе, разрѣшитъ всѣ ваши колебанія и недоумѣнія. И все вокругъ васъ станетъ такимъ яснымъ, прозрачнымъ и понятнымъ.

Мнѣ невольно вспоминаются квакеры, которые точно также молча сидятъ на своихъ собраніяхъ и ждутъ, пока кто-нибудь изъ присутствующихъ не почувствуетъ „озаренія свыше". Добролюбовское „откровеніе" развѣ не то же „озареніе свыше"? Но съ другой стороны у меня мелькаетъ мысль, что вѣдь и у Ницше есть немало тирадъ относительно „откровенія".

Только нѣсколько позднѣе, когда мнѣ пришлось перечитать „Сокровище смиренныхъ" Мэтерлинка, я ясно увидѣлъ, подъ какими вліяніями создался у Добролюбова и его послѣдователей догматъ о молчаніи „Молчаніе,—говоритъ Мэтерлинкъ,—это—стихія, въ которой зарождаются великія идеи, чтобы совершенными и величественными выйти на свѣтъ жизни, надъ которой они будутъ властвовать...„ (стр. 1-я) „Пчелы работаютъ только во мракѣ, мысль работаетъ только въ тишинѣ, а добродѣтель—въ тайнѣ" (стр. 2-я).

Мэтерлинкъ съ энтузіазмомъ цитируетъ тирады Карлейля объ огромномъ моральномъ значеніи молчанія и его гимны, прославляющіе молчаливыхъ людей „Молчаніе, великое Царство Молчанія,—восклицаетъ Карлейль, который такъ хорошо зналъ это царство

жизни, влекущей насъ,—выше звѣздъ, глубже, чѣмъ царство Смерти. Молчаніе и благородные молчаливые люди!.. Они разсѣяны повсюду, они думаютъ въ молчаніи, работаютъ въ молчаніи, каждый въ своей области, и утреннія газеты не упоминаютъ о нихъ... Они—соль земли, и страна, у которой нѣтъ ихъ или ихъ очень мало, не стоитъ на вѣрномъ пути... Это—лѣсъ, лишенный корней, весь превратившійся въ листья и вѣтви и обреченный на увяданіе и гибель"... (стр. 4-я).

Далѣе Мэтерлинкъ говоритъ. „Какъ только уста засыпаютъ, души пробуждаются и начинаютъ дѣйствовать, ибо молчаніе это—стихія, полная неожиданностей, опасностей и счастья, въ которой души свободно отдаются другъ-другу. Если вы дѣйствительно хотите отдаться кому-нибудь вполнѣ, молчите" и т. д. (стр. 5-я[1]).

Несомнѣнно, что Мэтерлинкъ сыгралъ извѣстную роль въ дѣлѣ развитія мистицизма среди нѣкоторыхъ слоевъ русской интеллигенціи, главнымъ образомъ среди декадентскихъ кружковъ. Вліяніе бельгійскаго мистика сказалось, между прочимъ, и на Добролюбовѣ; объ этомъ очень опредѣленно свидѣтельствуютъ весьма близкіе къ нему люди. И недаромъ въ нѣкоторыхъ петербургскихъ кружкахъ послѣдователей Добролюбова считаютъ „мэтерлинковцами".

Какъ бы то ни было, на этотъ разъ мы молчали; совершенно напрасно „откровеніе" не снизошло на насъ, и никакого „озаренія свыше" мы не испытали души наши не раскрылись и не слились въ одномъ чувствѣ.

Несмотря на эту явную неудачу, мы разстаемся очень дружелюбно и рѣшаемъ еще разъ повидаться до отъѣзда Добролюбова изъ Петербурга. Онъ сообщаетъ мнѣ адресъ своей знакомой, живущей на Архіерейской улицѣ, А. Е., у которой онъ остановился.

[1]) Полное собраніе сочиненій М. Мэтерлинка. Т. III. Москва 1910 г. Изданіе Саблина.

Но тутъ общественныя событія вдругъ пошли необычно ускореннымъ, форсированнымъ темпомъ. Вскорѣ разразилось „кровавое воскресенье“, роковое 9-е января 1905 года... Къ Добролюбову я не попалъ, и предполагавшееся свиданіе наше не состоялось. Но я не переставалъ интересоваться этимъ человѣкомъ, который представлялся такимъ страннымъ, загадочнымъ, необыкновеннымъ.

III.

Нѣтъ мудрости выше простоты духа
Нѣтъ святости выше величія смиренія!
Нѣтъ радости выше радости чистаго сердца!

Изъ гимна добролюбовцевъ.

А. М. Добролюбовъ былъ студентомъ-филологомъ петербургскаго университета во второй половинѣ 90-хъ годовъ. Среди товарищей онъ былъ извѣстенъ съ одной стороны какъ большой франтъ, щеголь и эстетъ, а съ другой—какъ очень начитанный человѣкъ, поэтъ „декадентскаго направленія“ и проповѣдникъ крайняго индивидуализма.

На образѣ его жизни, на его отношеніяхъ къ людямъ въ то время нельзя было не подмѣтить сильнаго вліянія идей Ницше. Красивый, блестящій и сильный, онъ относился съ презрѣніемъ ко всему, что было убого и слабо. Онъ ненавидѣлъ нищихъ, ненавидѣлъ

Все то, что голодно и блѣдно,
Что ходитъ, голову склоня.

„Міръ долженъ принадлежать только сильнымъ воинамъ“,—цитировалъ онъ изреченіе Заратустра.

Въ то же время онъ увлекался французскими модернистами, увлекался Мэтерлинкомъ, интересовался буддизмомъ и мистиками Востока.

Извѣстный критикъ и историкъ русской литературы,

лично знавшій А. М Добролюбова во время его увлеченія декадентствомъ, вотъ что разсказывалъ мнѣ о немъ:

„Добролюбовъ прекрасно владѣлъ иностранными языками, былъ хорошо знакомъ съ западно-европейскими литературами, особенно до тонкости изучилъ онъ новѣйшія теченія въ области поэзіи и философіи. Въ спорахъ любилъ подчеркнуть свои доводы цитатами изъ новѣйшихъ поэтовъ-символистовъ и философовъ.

„Онъ былъ близокъ съ петербургскимъ кружкомъ декадентовъ „перваго призыва", въ который входили Д. С. Мережковскій, З Н Гиппіусъ, З. А. Венгерова и др. Многіе смотрѣли на него, какъ на будущую знаменитость въ литературномъ мірѣ, ждали отъ него талантливыхъ и крупныхъ произведеній.

„Но когда появились его первыя книжки,—получилось полное разочарованіе. никакого таланта не оказалось Мало того въ нихъ не оказалось никакого содержанія. Поэтому, конечно, неудивительно, что публика не замѣтила его книгъ, такъ какъ это была сплошная и претенціозная „литературщина".

Грѣшный человѣкъ —продолжалъ критикъ,—но мнѣ сильно сдается, что Добролюбовъ „ушелъ" изъ культурнаго міра именно вслѣдствіе своего полнаго литературнаго провала и фіаско. По-моему, это—мученикъ неудовлетвореннаго самолюбія".

Я не могъ, конечно, согласиться съ такимъ упрощеннымъ и притомъ слишкомъ уже профессіональнымъ объясненіемъ мотивовъ и причинъ, заставившихъ Добролюбова уйти изъ культурнаго міра, отрѣшиться отъ всего, чѣмъ онъ жилъ до тѣхъ поръ. Тѣмъ не менѣе я поинтересовался узнать, въ чемъ же собственно выражалось чрезмѣрное самолюбіе Добролюбова.

„Страшное, невѣроятное самомнѣніе,—сказалъ собесѣдникъ.—Достаточно сказать, что въ спорахъ Добробовъ иногда проводилъ такую тріаду „Онъ, Толстой и Богъ"...

Д. С. Мережковскій посвятилъ Добролюбову двѣ-три странички въ своей книгѣ „Не миръ, но мечъ“. Оказывается, Добролюбовъ посѣтилъ его около того же самаго времени, когда онъ былъ у меня Г. Мережковскій подробно разсказываетъ объ этомъ свиданіи, но, къ сожалѣнію, ровно ничего не сообщаетъ о религіозныхъ взглядахъ Добролюбова, объ его ученіи (кромѣ указанія на то, что онъ рѣшилъ, что „православная церковь—не истинная“), почти ничего не говоритъ, въ чемъ собственно состоитъ дѣятельность Добролюбова среди народа, въ чемъ заключается его проповѣдь „Евангелія Царствія Божія“, которую онъ, по свидѣтельству г. Мережковскаго, ведетъ въ народѣ.

О прошломъ Добролюбова, объ условіяхъ, при которыхъ совершилось его обращеніе изъ декадента въ религіознаго проповѣдника, и, наконецъ, о причинѣ ухода его въ народъ Д. С. Мережковскій пишетъ такъ: „Крайній декаденгъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ, подражатель Бодлэра и Свинборна, отравленный всѣми ядами „искусственныхъ эдемовъ“, проповѣдникъ сатанизма, соблазнявшій молодыхъ дѣвушекъ къ самоубійству (пусть это—легенда, любопытно и то, что она могла сложиться), онъ вдругъ опомнился, „покаялся“, бросилъ все и бѣжалъ въ народъ“.

Но *почему* именно Добролюбовъ „вдругъ опомнился“, *въ чемъ* именно онъ „покаялся“ и *почему* „бѣжалъ въ народъ“,—этого г. Мережковскій не объясняетъ, хотя въ этомъ-то собственно и заключается, конечно, весь смыслъ, вся суть добролюбовскаго „обращенія“. Лица же, стоявшія болѣе близко къ Добролюбову во время его наибольшаго увлеченія декадентствомъ, слѣдующимъ образомъ объясняютъ тотъ переломъ, который произошелъ въ немъ.

Будучи въ университетѣ на послѣднемъ курсѣ, Добролюбовъ началъ проповѣдывать нирвану, прелести небытія, сладострастіе смерти. Очень вѣроятно, что все

это шло у него рядомъ съ тѣмъ „сатанизмомъ“, о которомъ упоминаетъ г. Мережковскій. Подъ сліяніемъ такихъ настроеній онъ обилъ свою комнату черной матеріей, задрапировалъ ею стѣны, потолокъ, окна и двери. Около него организовался цѣлый кружокъ молодежи изъ лицъ, которыя должны были рано или поздно покончить расчеты съ жизнью путемъ самоубійства. Были слухи, что члены кружка на своихъ собраніяхъ курили гашишъ, принимали опіумъ и т. д.

Сбившіеся съ толку юноши, изломанные и истеричные, старались увѣрить другъ-друга, что они „сладострастно жаждутъ смерти“ и что они готовы въ каждую данную минуту „умереть, торжествуя“.

Эта дикая, возмутительная игра вскорѣ окончилась крайне печально. Подъ вліяніемъ кошмарныхъ настроеній, царившихъ въ этомъ кружкѣ, одинъ изъ товарищей Добролюбова, студентъ , покончилъ съ собой, застрѣлившись въ своей комнатѣ. Другой сдѣлалъ попытку послѣдовать его примѣру, но попытка оказалась неудачной,—онъ остался живъ.

Исторія эта привлекла къ себѣ вниманіе общественныхъ круговъ. Ею между прочимъ заинтересовались и университетскія власти. Мнѣ передавали,—не знаю, насколько это точно,—что изъ-за этой исторіи Добролюбову пришлось уйти изъ университета до окончанія курса.

Разразившаяся катастрофа крайне тяжело отозвалась на душѣ Добролюбова. Безъ сомнѣнія, ему пришлось очень много вынести, много пережить, перестрадать. Подъ вліяніемъ этихъ событій въ немъ совершается глубокій переломъ· крайности модернизма, увлеченіе сатанизмомъ, всевозможные, „искусственные эдемы“ теперь возбуждаютъ въ немъ сильнѣйшее отвращеніе. Онъ рѣшаетъ разъ навсегда порвать со своимъ прошлымъ и съ той средой, въ которой онъ вращался.

И вотъ совершенно неожиданно для своихъ знако-

мыхъ и даже родныхъ онъ бросаетъ Петербургъ и уходитъ изъ дома неизвѣстно куда. Онъ отправляется странствовать по Россіи, при чемъ опускается въ самыя нѣдра народныя.

Сначала онъ направляется на далекій, крайній сѣверъ, въ Олонецкую губернію. Здѣсь онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ, собирая народныя былины и знакомясь съ жизнью послѣдователей очень распространенной здѣсь секты странниковъ или бѣгуновъ, извѣстныхъ также подъ именемъ „скрытниковъ". Эти сектанты произвели на него большое впечатлѣніе. Вообще онъ вернулся изъ этого путешествія совершенно инымъ, другимъ человѣкомъ.

Между прочимъ, онъ всѣхъ поразилъ своимъ внѣшнимъ видомъ, выраженіемъ своего лица, которое вдругъ сдѣлалось значительнымъ, вдумчивымъ и спокойнымъ. Въ его отношеніяхъ къ людямъ начала проявляться мягкость, доброта, чего прежде совсѣмъ не замѣчалось. Когда знакомые по поводу такой перемѣны высказывали свое удивленіе, онъ отвѣтилъ, по своему обыкновенію, крайне лаконически:

— Чайки научили...

Никто, конечно, не понялъ, что означали эти слова. Но затѣмъ онъ пояснилъ, въ чемъ дѣло. По его словамъ, онъ былъ на охотѣ, съ ружьемъ. Вокругъ него въ воздухѣ носились чайки. Вѣроятно, гдѣ-нибудь поблизости было ихъ гнѣздо. Добролюбовъ вскинулъ ружье и прицѣлился, но въ этотъ моментъ чайки подняли такой хватающій за душу крикъ, такой плачъ, что у него сжалось сердце и опустились руки.

Въ немъ вдругъ проснулось чувство жалости, чувство состраданія, которыхъ раньше онъ совсѣмъ не зналъ. Больше онъ уже не могъ охотиться, и рѣшилъ разъ навсегда никогда не брать въ руки ружья... Вотъ что значило его короткое —„Чайки научили"...

Подъ вліяніемъ овладѣвшихъ имъ побужденій и

настроеній религіознаго характера онъ попадаетъ въ Соловецкій монастырь и здѣсь, въ глубокомъ уединеніи, проводитъ около года въ качествѣ послушника. Къ этому времени его внѣшній обликъ измѣнился уже до неузнаваемости: вмѣсто элегантнаго франта и эстета передъ нами—молодой крестьянинъ въ подрясникѣ и въ высокихъ, тяжелыхъ мужицкихъ сапогахъ.

Очень близкое къ Добролюбову лицо передавало мнѣ, что въ дѣтствѣ онъ отличался большой религіозностью, будучи въ гимназіи, онъ одно время даже носилъ на тѣлѣ вериги. Затѣмъ эта религіозность,—какъ обыкновенно бываетъ,—мало-по-малу растаяла, такъ что казалось, что Добролюбовъ совершенно эмансипировался отъ всякаго религіознаго чувства. Однако онъ не переставалъ быть мистикомъ.

Катастрофа, о которой мы говорили, и пережитыя въ связи съ нею волненія, вновь пробудили въ душѣ Добролюбова религіозныя стремленія. И притомъ настолько сильно, что онъ готовъ былъ навсегда остаться въ монастырѣ и даже выражалъ желаніе постричься въ монахи. Однако, проживъ годъ въ Соловкахъ и насмотрѣвшись на жизнь монаховъ, онъ отказался отъ этого рѣшенія, такъ какъ совершенно разочаровался не только въ монахахъ и монастыряхъ, но и въ самой православной церкви.

Съ крайняго сѣвера Добролюбовъ перекочевываетъ на Уралъ и юго-востокъ, въ оренбургскія и самарскія степи. По всей вѣроятности, къ этому времени его религіозные взгляды пріобрѣли уже извѣстную опредѣленность. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по тому судебному процессу, въ которомъ ему пришлось выступать около того времени.

О путешествіяхъ Добролюбова, объ его скитаніяхъ по Россіи никто изъ его знакомыхъ не зналъ ничего достовѣрнаго, точнаго, такъ какъ онъ въ то время избѣгалъ переписки, избѣгалъ встрѣчъ со своими знако-

мыми. Поэтому объ его похожденіяхъ ходили лишь смутные, неясные, противорѣчивые слухи.

Первыя извѣстія о Добролюбовѣ и его дѣятельности проникли въ печать въ 1901 году. Въ газетѣ „Уральская Жизнь“ появился отчетъ о судебномъ процессѣ, происходившемъ 25-го іюля 1901 года въ г. Троицкѣ Оренбургской губерніи. По словамъ отчета, сессія казанскаго военнаго суда разсматривала „интересное дѣло о дворянинѣ Добролюбовѣ и казакахъ Неклюдовѣ и Орловѣ, обвиняемыхъ въ нарушеніи правилъ военной дисциплины“. Я привожу здѣсь этотъ отчетъ цѣликомъ въ виду того, что содержащіяся въ немъ свѣдѣнія, несмотря на ихъ отрывочность, знакомятъ насъ хотя отчасти съ характеромъ дѣятельности Добролюбова, въ народѣ.

„Добролюбовъ, бывшій студентъ петербургскаго университета по филологическому факультету, молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти. На вопросъ предсѣдателя суда. „Ваше званіе?“ Добролюбовъ отвѣтилъ: „Крестьянинъ, а раньше былъ дворянинъ“.

„Костюмъ Добролюбова—что-то въ родѣ подрясника, подпоясаннаго поясомъ Добролюбовъ, какъ онъ заявилъ на судѣ, въ университетѣ прошелъ уже три курса, когда рѣшилъ, что необходимо итти въ народъ ,для проповѣди о мирѣ“.

„Встрѣтился съ казаками Неклюдовымъ и Орловымъ случайно, идя изъ Верхотурья. Эти люди пригласили его къ себѣ въ поселокъ Верхотурскаго уѣзда, гдѣ онъ и находился у нихъ въ работникахъ Въ разговорахъ съ Неклюдовымъ и Орловымъ онъ, Добролюбовъ, убѣдилъ ихъ, что „воевать грѣхъ, а также грѣхъ носить оружіе“.

„По писанію Божьему слѣдуетъ всѣмъ жить въ согласіи и дружбѣ“. И вотъ, когда Неклюдовъ и Орловъ были вызваны на сборный пунктъ то они явились туда

безъ оружія, заявивъ, что они „считаютъ грѣхомъ носить мечъ".

„Изъ-за этого возникло дѣло. Въ заключительномъ словѣ Добролюбовъ просилъ судъ „освободить отъ наказанія его братьевъ—Неклюдова и Орлова", такъ какъ они въ данномъ случаѣ нисколько не виноваты, а во всемъ виноватъ онъ, Добролюбовъ Онъ ихъ убѣдилъ въ томъ, что носить мечъ—грѣхъ. Кромѣ того, Неклюдовъ и Орловъ—люди семейные. „Ради ихъ семей не слѣдуетъ ихъ наказывать, а только меня" [1])

Судъ, по словамъ „Уральской Жизни", вынесъ такой приговоръ: Неклюдова и Орлова заключить въ арестантскія роты на $2^1/_2$ года, а Добролюбова заключить въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ.

Въ то время случаи отказа отъ военной службы происходили довольно часто, при чемъ почти всѣ они объяснялись вліяніемъ извѣстныхъ антимилитаристическихъ идей Л. Н. Толстого. Можно было думать, что и Добролюбовъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ идей. Многіе толстовцы такъ и поняли это и уже считали Добролюбова „своимъ".

Вскорѣ однако имъ пришлось отказаться отъ этой мысли: Добролюбовъ пошелъ своимъ особымъ путемъ и даже увлекъ за собой многихъ „толстовцевъ", и—что особенно удивительно,—увлекъ изъ числа тѣхъ, которые считались наиболѣе цѣльными и послѣдовательными сторонниками идей великаго моралиста.

Во время скитаній по Россіи у Добролюбова постоянно выходили столкновенія съ полиціей на почвѣ его безписьменности. Первыя свои путешествія онъ совершалъ обыкновенно безъ паспорта. Урядники, становые задерживали его, арестовывали, сажали въ „холодную", а затѣмъ по этапу отправляли на мѣсто жительства, т. е, въ Петербургъ.

---

[1]) Цитирую по газетѣ „Курьеръ", 1901 г., отъ 16-го апрѣля.

Всѣ эти мытарства вынудили его, наконецъ, пойти на компромиссъ: онъ согласился взять паспортъ, о выдачѣ котораго хлопотали его родственники, но при этомъ поставилъ условіемъ, чтобы изъ паспорта были исключены слова, что онъ православнаго вѣроисповѣданія, а также, чтобы не было сказано, что онъ—дворянинъ. Полиція долгое время не соглашалась на эти условія, но въ концѣ-концовъ соглашеніе все-таки было достигнуто: „православное вѣроисповѣданіе“ исчезло изъ паспорта, но, вмѣсто слова„ дворянинъ“, было написано: „сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника“. Скрѣпя сердце, Добролюбовъ принужденъ былъ примириться съ этимъ.

Сколько мнѣ извѣстно, это—*единственный* компромиссъ, который онъ допустилъ.

Молчальники.

„Молчаніе и благородные молчаливые люди!.. Они разсѣяны повсюду, они думаютъ въ молчаніи, работаютъ въ молчаніи, каждый въ своей области, и утреннія газеты не упоминаютъ о нихъ... Они—соль земли, и страна, у которой нѣтъ ихъ или ихъ очень мало, не стоитъ на вѣрномъ пути...

Мэтерлинкъ

Какъ-то недавно въ Петербургѣ, во „Всероссійскомъ литературномъ обществѣ“ однимъ изъ членовъ его былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Религія молчанія“ (Творчество М. Мэтерлинка).

Мнѣ не пришлось быть на этомъ рефератѣ, и потому я ничего не могу сказать о немъ, но тема, затронутая рефераторомъ, невольно заставила меня вспомнить о русскихъ послѣдователяхъ Мэтерлинка и его „религіи молчанія“

М. Мэтерлинкъ, конечно, и не подозрѣваетъ, что въ далекой холодной Россіи, гдѣ-то на Уралѣ и въ поволжскихъ степяхъ, живутъ люди, которые не только восприняли его мистическія идеи, какъ послѣднее слово человѣческой мудрости, но и создали на основаніи этихъ идей новое религіозное ученіе, во имя котораго ломаютъ всю свою жизнь, радикально перестраиваютъ всѣ свои житейскія отношенія.

Для меня несомнѣнно, что произведенія Мэтерлинка

послужили не только главнымъ толчкомъ, но и главнымъ источникомъ для вдохновенія извѣстнаго мистика Александра Михайловича Добролюбова и его ближайшихъ послѣдователей. Мистицизмъ бельгійскаго поэта—своеобразный и изысканный—заразилъ и увлекъ русскихъ религіозныхъ искателей, прошедшихъ и Ницше, и Толстого, и буддизмъ, и многое другое

Г. Георгій Чулковъ, воспѣвая какъ-то поэзію Мэтерлинка—„эту удивительную поэзію, трепетную и нѣжную, цѣломудренную и чувственную вмѣстѣ съ тѣмъ“,—въ особую заслугу Мэтерлинку ставитъ именно то, что поэтъ-мистикъ „предъ лицомъ смерти, сознавая весь ужасъ человѣческой обреченности, имѣлъ мужество твердою рукой начертать слово молчаніе“.

Мэтерлинкъ воспѣвастъ молчаніе, какъ важный, великій догматъ новой религіи, которой суждено обновить духовный міръ человѣка Такъ какъ я уже имѣлъ случай подробно говорить по этому поводу и приводить изъ сочиненій Мэтерлинка цѣлый рядъ цитатъ, въ которыхъ онъ прославляетъ молчаніе и молчаливыхъ людей, то поэтому здѣсь я не буду распространяться на эту тему. Желающіе познакомиться съ проповѣдью молчанія Мэтерлинка могутъ легко провѣрить мои выводы, прочитавъ хотя бы одно изъ его произведеній—„Сокровище смиренныхъ“.

„Будемъ ждать въ молчаніи,—можетъ быть, мы скоро различимъ „шопотъ боговъ!“—таковъ основной призывъ Мэтерлинка, съ которымъ онъ обращается къ своимъ читателямъ.

На этотъ призывъ—отвлеченный и туманный—всей душой откликнулся русскій мистикъ-декадентъ А. М. Добролюбовъ. Онъ проникся проповѣдью автора „Сокровища смиренныхъ“ о великомъ мистическомъ значеніи молчанія и началъ проводить эти принципы въ жизни—послѣдовательно, настойчиво. Молчаніе становится од-

нимъ изъ главныхъ требованій, главныхъ догматовъ ученія Добролюбова.

Собственно говоря, въ этомъ нѣтъ ничего особенно новаго, такъ какъ великое мистическое значеніе молчанія давно признавалось во многихъ религіяхъ, съ другой стороны, многіе философы, писатели доказывали важное значеніе молчанія въ моральной жизни людей.

„Великое дѣло—молчаніе"!—вспоминается мнѣ восклицаніе Плутарха. Въ XIX столѣтіи горячимъ сторонникомъ молчанія является Карлейль, тирады котораго о пользѣ и преимуществѣ молчанія сочувственно цитируются, между прочимъ, и Мэтерлинкомъ.

Обреченіе себя на молчаніе—постоянное, даже вѣчное—съ давнихъ поръ считалось величайшимъ подвигомъ среди мистиковъ, отшельниковъ, схимниковъ. Но въ то же время этотъ подвигъ всегда считался и наиболѣе труднымъ. Среди схимниковъ, находящихся въ разныхъ православныхъ монастыряхъ, только изрѣдка можно встрѣтить людей, которые произнесли обѣтъ вѣчнаго молчанія.

Наконецъ, въ нашемъ расколѣ еще сравнительно недавно существовала цѣлая секта,—правда, очень малочисленная,—которая главнымъ условіемъ спасенія считала молчаніе. Есть указанія, что секта эта была извѣстна администраціи еще въ царствованіе Екатерины II.

О сектѣ молчальниковъ упоминалъ баронъ Гакстгаузенъ. „Рѣшительно ничего неизвѣстно объ ученіи и даже о внѣшнихъ обрядахъ секты безсловесныхъ,—писалъ онъ.—Всякій, вступающій въ эту секту, принимаетъ на себя обязательство нѣмоты, и съ этой минуты ничто уже не въ состояніи заставить его произнесть слово. Правительство тщетно хлопотало разузнать объ этой сектѣ Нѣкоторые чиновники доходили въ своей ревности до того, что подвергали бѣдныхъ

сектантовъ различнымъ пыткамъ, но и это не привело ни къ чему. Пестель, извѣстный генералъ-губернаторъ Сибири при Екатеринѣ II, пыталъ ихъ самыми жестокими пытками: онъ заставлялъ щекотать ихъ подошвы, капать горячій сургучъ на животъ—сектанты не произнесли ни одного слова" (стр. 229).

У пишущаго эти строки имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о существованіи секты молчальниковъ во второй половинѣ XIX столѣтія. Священникъ города Сарапула, дѣйствительный членъ Императорскаго русскаго географическаго общества Н. Н. Блиновъ сообщалъ мнѣ, что около 1880 года „въ Сарапулѣ появилась новая секта „молчальниковъ", о которой еще нигдѣ офиціально не заявлялось, такъ какъ мѣстнымъ властямъ въ то время не удалось узнать о ней ничего достовѣрнаго". Къ сектѣ молчальниковъ примкнуло нѣсколько человѣкъ изъ мѣщанъ г. Сарапула, но въ чемъ именно состояло ученіе этой секты—отцу Блинову, къ сожалѣнію, также не удалось узнать.

О существованіи секты молчальниковъ въ Саратовской губерніи мнѣ сдѣлалось извѣстно изъ процесса, разбиравшагося въ половинѣ 70-хъ годовъ въ саратовскомъ окружномъ судѣ. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣли мѣщане посада Дубовки, Акимъ Романовъ Богатенковъ, Василій Парфеновъ Киселевъ и жена послѣдняго Анна Гаврилова. Немало хлопотъ судьямъ надѣлали эти странные люди.

Началось съ того, что они отказались войти въ залу суда. Ихъ ввели силою, силою посадили на скамью.

— Подсудимый Богатенковъ! — вызываетъ предсѣдатель.

Богатенковъ продолжаетъ молча и неподвижно сидѣть на скамьѣ, гдѣ его посадили, не обращая ни малѣйшаго вниманія на обращенный къ нему вызовъ.

— Какъ ваше имя, отчество и званіе?—продолжаетъ предсѣдатель.

Богатенковъ хранитъ гробовое молчаніе.

— Сколько вамъ лѣтъ отъ роду? Получили ли обвинительный актъ?

Ноль вниманія! Богатенковъ безучастно смотритъ вверхъ и молчитъ, какъ убитый.

То же самое продѣлали и всѣ остальные подсудимые. ни на одинъ изъ вопросовъ они не сказали ни одного слова, не издали ни одного звука. Обстоятельство это, однако, не помѣшало состояться судебному процессу. Прокуроръ энергически требовалъ для подсудимыхъ строгаго и примѣрнаго наказанія, такъ какъ видѣлъ въ нихъ людей, не признающихъ такихъ основъ государственности, какъ судъ.

— Что вы имѣете сказать въ свое оправданіе?— спрашивалъ подсудимыхъ предсѣдатель, готовясь удалиться для постановленія рокового приговора.

Но подсудимые и тутъ не вымолвили ни слова. Молча и, казалось, совершенно безучастно выслушали они обвинительный приговоръ, который обрекалъ ихъ на далекую ссылку, и только тогда обнаружили нѣкоторое оживленіе, когда предсѣдатель приказалъ конвою отвести ихъ обратно въ тюрьму: они быстро поднялись со своихъ мѣстъ и, видимо, поспѣшили поскорѣе оставить залу суда.

И такъ молчали монахи-схимники и затворники, уходившіе отъ міра, отрѣшавшіеся отъ жизни, молчали сектанты-анархисты, порывавшіе всѣ связи съ обществомъ и государствомъ. Теперь, въ XX вѣкѣ, къ молчанію призываетъ насъ изысканный авторъ „Принцессы Маленъ“ и „Синей Птицы“. И на его призывъ отзываются русскіе декаденты и модернисты, вчерашніе сатанисты и „язычники“.

Не будемъ сравнивать мотивы, изъ которыхъ исходили въ этомъ случаѣ Мэтерлинкъ и Добролюбовъ, съ тѣми, которыми руководствовались отшельники, затворники и „раскольники“ секты молчальниковъ. Однако,

нельзя не признать, что, какъ бы ни были различны исходныя точки этихъ людей, въ конечномъ итогѣ они приходятъ къ одному и тому же выводу. И тѣ и другіе добровольно отказываются отъ высшаго дара, какимъ надѣленъ человѣкъ, отъ слова, отъ рѣчи, и обрекаютъ себя на сосредоточенное молчаніе, на добровольную нѣмоту, на молчаливое созерцаніе.

Конечно, ни Мэтерлинкъ, ни Добролюбовъ не проповѣдуютъ полнаго, абсолютнаго вѣчнаго молчанія, какое практиковали схимники и послѣдователи секты „молчальниковъ". Но согласитесь, что здѣсь разница не въ принципѣ, а лишь въ степени проведенія его въ жизнь.

Когда въ 1905 году А. М. Добролюбовъ, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, посѣтилъ своего стараго знакомаго Д. С. Мережковскаго, онъ, вмѣсто того, чтобы подѣлиться со старымъ пріятелемъ своими впечатлѣніями, вынесенными изъ долголѣтней жизни среди народа, то-и-дѣло обращался къ нему съ приглашеніемъ:

— Помолчимъ, братъ!

И наступало долгое молчаніе, нѣсколько жуткое, по крайней мѣрѣ, для меня,—говоритъ г. Мережковскій:—когда онъ (Добролюбовъ) опускалъ глаза свои съ длинными рѣсницами, и простое лицо, какъ-будто изнутри освѣщенное тихимъ свѣтомъ, становилось необычайно прекраснымъ. Я не сомнѣвался, что вижу передъ собою святого".

Въ тотъ же свой пріѣздъ въ Петербургъ Добролюбовъ посѣтилъ и меня, хотя до тѣхъ поръ я совсѣмъ не былъ знакомъ съ нимъ. Я ждалъ, что разъ человѣкъ пришелъ съ цѣлью познакомиться, обмѣняться мыслями, то онъ проявитъ, конечно, извѣстную общительность и не будетъ уклоняться отъ разговора, отъ бесѣды. Но я очень ошибся. Добролюбовъ оказался крайне молчаливымъ, отнюдь несловоохотливымъ собесѣдникомъ. Сидя у меня, онъ, какъ и у Мережковскаго, не разъ обращался ко мнѣ съ просьбой:

— Помолчимъ, братъ!

Вслѣдъ за этимъ онъ склонялъ голову на грудь и погружался въ глубокое молчаніе. Казалось, онъ совсѣмъ забывалъ, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Хотя все это мнѣ казалось очень страннымъ, тѣмъ не менѣе, считаю долгомъ заявить, что я ни на минуту не усомнился въ полной искренности Добролюбова. Даже мысль о возможности рисовки съ его стороны ни разу не мелькнула у меня.

Въ книгахъ и рукописяхъ Добролюбова, распространенныхъ среди его послѣдователей, можно встрѣтить много всевозможныхъ цитатъ изъ сочиненій разныхъ мистиковъ и философовъ всѣхъ временъ и народовъ о пользѣ и преимуществѣ молчанія. Напримѣръ, въ рукописи Добролюбова „Мои вѣчные спутники“ приводится слѣдующее изреченіе изъ Талмуда: „Молчаніе прекрасно у глупыхъ и еще прекраснѣй у мудрыхъ. Весь свой вѣкъ провелъ среди мудрецовъ и не нашелъ для человѣка ничего лучше молчанія“.

Проникшись подобными взглядами, послѣдователи Добролюбова въ состояніи молча просидѣть съ вами цѣлый день и не сказать при этомъ ни одного слова.

Необходимо, однако, замѣтить, что проповѣдь молчанія у добролюбовцевъ тѣсно переплетается съ ихъ пантеистическими идеями и взглядами, составляющими одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей ихъ міропониманія.

Съ теченіемъ времени уклонъ въ сторону пантеистическаго созерцанія у Добролюбова становится все болѣе замѣтнымъ; въ его рѣчахъ все чаще и опредѣленнѣе слышатся отзвуки тѣхъ чисто восточныхъ, буддійскихъ мотивовъ, которые особенно яркое выраженіе получили въ произведеніяхъ знаменитаго индусскаго поэта Рабиндраната Тагора, пользующагося теперь такой широкой извѣстностью

Подвижники.

Итакъ, еще появилась новая секта.

Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ давно уже извѣстно, что у насъ на Руси секты плодятся и множатся, какъ грибы въ теплую дождливую погоду.

Но новая секта представляетъ особенный интересъ по личности своего основателя, каковымъ является поэтъ-декадентъ, бывшій эстетъ и „сатанистъ“ Александръ Михайловичъ Добролюбовъ

Хотя наши миссіонеры-„боевики“, несмотря на всю свою ретивость, до сихъ поръ еще „не дознали“ о появленіи новой секты, тѣмъ не менѣе число послѣдователей Добролюбова постепенно растетъ какъ среди интеллигенціи, такъ еще болѣе среди народа, среди крестьянъ и казаковъ.

Чѣмъ объясняется этотъ успѣхъ? Что привлекаетъ въ этомъ человѣкѣ и въ его ученіи людей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ общественнымъ группамъ? Тутъ и студенты, и казаки, и городскіе интеллигенты, и степные крестьяне-землеробы.

По-моему, прежде всего подкупаетъ необыкновенная цѣльность, необыкновенная послѣдовательность этого человѣка. У него слово не расходится съ дѣломъ, его ученіе, его религіозные взгляды сливаются съ его жизнью въ одно стройное, гармоническое цѣлое. Никакой раздвоенности, никакого разлада между идеаломъ и жизнью.

Разочаровавшись въ томъ, чѣмъ онъ жилъ раньше во времена своего студенчества и увлеченія эстетизмомъ, декаденствомъ и сатанизмомъ,—онъ вдругъ сразу

и рѣзко оборвалъ со всѣмъ этимъ, бросилъ городъ съ его культурой, бросилъ друзей и родныхъ и „ушелъ въ народъ".

И не только „ушелъ въ народъ", но и „опростился" по внѣшности до одного уровня съ нимъ, можно сказать, „слился съ народомъ", то-есть, совершилъ именно то, о чемъ когда-то такъ горячо и такъ страстно мечтали народники-идеалисты 70-хъ годовъ и чего, однако,—увы!—имъ такъ и не удалось достигнуть.

Вотъ уже цѣлые 18 лѣтъ Добролюбовъ живетъ среди крестьянъ и казаковъ на востокѣ Россіи: на Уралѣ, въ Пермской губерніи, въ оренбургскихъ и самарскихъ степяхъ и т. д. Одно время онъ довольно долго прожилъ въ глухой деревнѣ въ юго-восточномъ углу Самарской губерніи, вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, среди безконечныхъ степей.

Здѣсь, какъ и повсюду, онъ живетъ, какъ простой мужикъ, въ работникахъ у самаго бѣднаго крестьянина. Исполняетъ всякую работу наравнѣ съ крестьянами. Лѣтомъ цѣлый день въ полѣ, съ ранняго утра и до поздней ночи. Но работаетъ Добролюбовъ только у крестьянъ и притомъ наиболѣе бѣдныхъ, нуждающихся, разоренныхъ. Ни у помѣщиковъ, ни у купцовъ, ни у богатыхъ мужиковъ-міроѣдовъ онъ никогда не работаетъ.

Едва ли не большую часть года Добролюбовъ проводитъ въ скитаніяхъ по Россіи. Онъ то-и-дѣло предпринимаетъ далекія странствованія: въ Оренбургскую губернію, на Уралъ, въ Сибирь, на Кавказъ и т. д. Въ Петербургѣ онъ всегда появляется на самое короткое время исключительно только для того, чтобы повидаться съ матерью и сестрами.

Огромный, шумный городъ, повидимому, дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на его психику, и потому онъ спѣшитъ поскорѣе снова уйти въ глушь поволжскихъ степей, къ своимъ самарскимъ и оренбургскимъ „братьямъ".

Во время своихъ скитаній Добролюбовъ повсюду находитъ людей, которые относятся къ нему съ сочувствіемъ. Такихъ людей онъ называетъ „братьями по духу“. Чаще всего такіе люди встрѣчаются среди послѣдователей разныхъ сектъ: молоканъ, хлыстовъ, толстовцевъ и т. д.

Рѣзко отрицательное отношеніе къ городу и современной культурѣ составляетъ характерную черту не только Добролюбова, но и его послѣдователей

Городъ,—по ихъ словамъ,—„это чудовище“, это „могильный склепъ“, въ которомъ покоятся „мертвецы, то-есть, равнодушные, черствые люди, похоронившіе всѣ свои лучшія надежды“. „Сизый туманъ вѣчно окутываетъ городъ“; „холодные каменные дома“, „мрачныя городскія стѣны“ угнетаютъ мысль; „въ зараженномъ воздухѣ“ городовъ человѣкъ задыхается

Добролюбовцы восхваляютъ природу, поля, лѣса и степи. Они зовутъ „на чистый воздухъ подъ покровъ синяго неба“. Только тутъ, среди природы, человѣкъ можетъ быть счастливымъ и свободнымъ. Очень возможно, что во взглядахъ добролюбовцевъ на городъ и на жизнь среди природы сказалось вліяніе идей Толстого

Вообще религіозное credo Добролюбова носитъ на себѣ несомнѣнное вліяніе Льва Толстого. Но еще большее вліяніе на психологію Добролюбова и на весь складъ его ученія оказалъ Мэтерлинкъ. Слѣды вліянія бельгійскаго мистика невольно чувствуются во взглядахъ Добролюбова на откровеніе и на возможность общенія съ духовнымъ, невидимымъ міромъ

Добролюбовъ—несомнѣнный мистикъ. Онъ вѣритъ въ откровеніе, вѣритъ въ возможность непосредственнаго общенія съ невидимымъ міромъ, вѣритъ въ чудеса.

— Человѣку нужно только очиститься,—говоритъ онъ,—и тогда для него будутъ возможны и откровеніе, и непосредственное общеніе съ духовнымъ, невидимымъ міромъ, и чудеса Левъ Толстой все хочетъ объяснить

и понять холоднымъ разсудкомъ, онъ не признаетъ чуда, не вѣритъ въ его возможность. Но откровеніе выше разума, и потому мы должны стремиться достигнуть того состоянія, при которомъ будетъ возможно откровеніе.

Добролюбовъ, посѣщая Ясную Поляну, не разъ бесѣдовалъ со Львомъ Николаевичемъ на тему объ „откровеніи", которое, сходя на человѣка, озаряетъ его. Но всѣ его старанія убѣдить Толстого въ огромномъ значеніи „откровенія" не привели ни къ чему. Толстой остался непреклоненъ.

— Я не знаю, что это за Жаръ-птица такая—откровеніе,—говорилъ Левъ Николаевичъ.—Можетъ быть, эта Жаръ-птица на кого-нибудь и слетала, но на меня-то она, по крайней мѣрѣ, никогда не садилась...

Это передавалъ мнѣ одинъ изъ послѣдователей Добролюбова, бывшій вмѣстѣ съ нимъ у Толстого.

О религіозномъ ученіи Льва Николаевича добролюбовцы отзываются такъ: у Толстого слишкомъ много разума, рефлексіи, холоднаго раціонализма и слишкомъ мало непосредственной вѣры, мало чувства, экстаза, религіознаго увлеченія.. Онъ остановился на полдорогѣ.. Онъ не доводитъ до Бога...

Несмотря на это, они питаютъ къ Толстому глубокое уваженіе и только выражаютъ сожалѣніе, что онъ слишкомъ поздно порвалъ съ тѣми условіями жизни, которыя такъ долго тяготили и угнетали его.

Съ церковью и духовенствомъ у Добролюбова все порвано. Никакихъ обрядовъ, никакихъ таинствъ онъ не признаетъ. На этой почвѣ у него нерѣдко происходятъ разныя столкновенія съ властями. Чаще всего эти недоразумѣнія возникаютъ по доносамъ священниковъ. Однажды онъ и его послѣдователи были привлечены къ отвѣтственности за то, что не сняли шапокъ при похоронахъ.

— Не желаемъ снимать шапокъ передъ мертвыми!

Добролюбовъ отрицаетъ все внѣшнее, все „наружное или видимое", какъ говоритъ онъ. Отрицаетъ храмы, церкви, отрицаетъ всякій ритуалъ, всякій культъ. Бывшій эстетъ и поклонникъ красоты, теперь онъ отрицаетъ картины, статуи, портреты.

— Отъ портретовъ недалеко дойти и до иконъ, и до образовъ,—такъ аргументируетъ онъ свое отрицаніе.

Меня увѣряли, что въ послѣднее время онъ началъ отрицать даже книги!

Однако, пѣніе постоянно практикуется на собраніяхъ добролюбовцевъ. Долгія паузы общаго, глубокаго молчанія, когда всѣ они сосредоточенно ждутъ сошествія „откровенія", нерѣдко смѣняются у нихъ пѣніемъ.

Послѣдователи Добролюбова распѣваютъ на собраніяхъ составленные имъ гимны, а также разные сектантскіе стихи, преимущественно духоборческіе. Чаще всего поется слѣдующій „гимнъ любви":

Ты любовь, ты любовь,
Ты любовь святая.
За тебя, любовь, много
Крови пролито и т. д

Одно время на собраніяхъ добролюбовцевъ особенно много пѣли. По мнѣнію Александра Михайловича, это мѣшало самоуглубленію, не давало возможности сосредоточиться мыслью на своихъ внутреннихъ переживаніяхъ. И вотъ однажды онъ высказалъ мысль о томъ, что „граммофонъ ни къ чему". Этого замѣчанія было достаточно для того, чтобы пѣніе прекратилось. Однако, отказаться совсѣмъ отъ пѣнія эти люди не могли. спустя нѣкоторое время на собраніяхъ добролюбовцевъ снова начали распѣвать стихи и гимны, но теперь они уже не злоупотребляютъ пѣніемъ.

Одинъ изъ горячихъ послѣдователей Добролюбова, бывшій студентъ-медикъ К—ко, составилъ псаломъ „Великій Простой", въ которомъ старался изложить сущность моральнаго ученія Добролюбова. Псаломъ начинается такимъ вступленіемъ:

«Воспоемте, братья, пѣснь Великому Простому:
Міру мы повѣдаемъ сокрытое въ сердцахъ.
Занималася заря по небу голубому;
Разыгрались звѣри дикіе въ лѣсахъ.
Проходилъ тропою одинокій нищій Странникъ,
Выходилъ въ дорогу дальнюю Простой».

И вотъ, этотъ „Великій Простой“, взойдя на гору, возвѣстилъ людямъ:

«Нѣтъ мудрости выше простоты духа!
Нѣтъ святости выше величія смиренія!
Нѣтъ радости выше радости чистаго сердца!»

Въ этихъ завѣтахъ заключается главный смыслъ ученія добролюбовцевъ, главные принципы ихъ религіозной морали. Заканчивается „псаломъ“ слѣдующимъ призывомъ къ людямъ:

«Оставьте тлѣнную мудрость,
Оставьте всѣ ваши разсужденія,
Оставьте царей человѣческаго ума;
Не заботьтесь объ одеждахъ своего Духа
Или о пищѣ и питьѣ для него.
Отецъ нашъ Небесный знаетъ, въ чемъ
вы имѣете нужду,
И дастъ вамъ все это въ совершенствѣ,
Если вы обратитесь къ нему, Единому.
Ибо нѣтъ мудрости безъ простоты духа!
Нѣтъ святости безъ высокаго смиренія!
Нѣтъ радости безъ чистоты сердца!»

Авторъ этого „псалма“, бывшій студентъ К—ко, живетъ, какъ простой, рядовой рабочій, на одной изъ петербургскихъ фабрикъ.

Самъ Добролюбовъ въ послѣднее время жилъ въ мѣстности, гдѣ особенно сильно распространены секты молоканъ, хлыстовъ, мормоновъ и т. д. Русскіе декаденты и модернисты съ огромнымъ интересомъ и сочувствіемъ относятся къ сектамъ хлыстовскаго характера, къ ихъ таинственнымъ радѣніямъ и „ликованіямъ“, къ ихъ мистическимъ интуиціямъ и переживаніямъ.

Признаюсь, я сильно побаивался за то, что Добро-

любовь, какъ поклонникъ „откровеній“, увлечется хлыстовскими настроеніями религіознаго экстаза, ихъ пророчествами, „хожденіемъ въ духѣ“ и т. д. Однако, я долженъ сказать, что до сихъ поръ ничего подобнаго не случилось. Добролюбовъ отнюдь не сочувствуетъ хлыстамъ и тѣмъ радѣніямъ, которыя устраиваются этими сектантами. Онъ называетъ ихъ „пляшущими“.

Мнѣ передавали, что во всей этой округѣ Александръ Михайловичъ пользуется огромнымъ уваженіемъ, особенно среди молоканъ, хлыстовъ и другихъ сектантовъ. Всѣ они высоко ставятъ его, какъ необыкновенную въ нравственномъ отношеніи личность.

— Братъ Александръ,—сказалъ о немъ одинъ 80-лѣтній крестьянинъ,—это великій примѣръ!

Какъ мы сказали, число послѣдователей Добролюбова быстро растетъ. Особенно много ихъ въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ, есть также въ Сибири, въ Пермской и Рязанской губерніяхъ. Въ 1909 году въ газетахъ было напечатано письмо, полученное Д. С. Мережковскимъ отъ одного молоканина съ Урала, который сообщалъ, что Добролюбовъ „откололъ въ свою вѣру отъ собранія нашего (т. е. молоканскаго) около 900 душъ“ *).

Вообще, многіе факты указываютъ на то, что наибольшій успѣхъ въ народѣ Добролюбовъ имѣетъ среди молоканъ, т. е. секты наиболѣе раціоналистической. Что же касается до интеллигенціи, то здѣсь ему особенно посчастливилось у „толстовцевъ“ почти всѣ болѣе активные послѣдователи Добролюбова изъ интеллигенціи ранѣе были толстовцами, нерѣдко очень искренними, горячими и послѣдовательными.

Объ А. М. Добролюбовѣ за послѣднее время у насъ писалось не мало, но объ его послѣдователяхъ,—сколь-

*) Я долженъ однако замѣтить, что по справкамъ, наведеннымъ мною, этотъ послѣдній фактъ не подтвердился.

ко намъ извѣстно,—до сихъ поръ ничего не появлялось въ печати. Въ виду этого мы полагаемъ, будетъ нелишнее привести здѣсь хотя самыя краткія свѣдѣнія о наиболѣе выдающихся „добролюбовцахъ".

Главнымъ послѣдователемъ Добролюбова считается „Леонидъ Семеновъ." Сынъ помѣщика Рязанской губерніи, Леонидъ Дмитріевичъ Семеновъ—Тянь-Шанскій приходится внукомъ знаменитаго географа и сенатора Петра Петровича Семенова—Тянь-Шанскаго, бывшаго вице-президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Онъ окончилъ петербургскій университетъ почти наканунѣ революціи 1905 года.

Въ университетѣ онъ нимало не интересовался политикой, былъ далекъ отъ всякой „лѣвизны"; принадлежалъ къ студенческому обществу „Дениица." Увлекался литературой, искусствами, театромъ. Писалъ стихи; имѣется сборникъ его стихотвореній. Сотрудничалъ въ журналѣ „Новый Путь," писалъ тамъ о театрѣ.

Революціонный потокъ 1905 года его захватилъ и увлекъ Онъ съ головой окунулся въ политику. Но въ этой новой для него области онъ повидимому не сразу разобрался въ программахъ и платформахъ различныхъ политическихъ партій. На первыхъ порахъ онъ примыкаетъ къ соціалъ-демократамъ, но вскорѣ убѣждается, что не можетъ сочувствовать идеологіи, лежащей въ основѣ экономическаго матеріализма.

Въ это время онъ сближается съ семьей А. М. Добролюбова, съ его братьями и сестрами, симпатіи которыхъ явно склонялись въ сторону радикальнаго народничества. Здѣсь между представителями этихъ двухъ теченій происходятъ постоянные споры и битвы. результатомъ этихъ столкновеній, этой полемики было то, что Леонидъ Семеновъ становится соціалистомъ-революціонеромъ. Онъ идетъ въ народъ и отдается революціонной пропагандѣ

Его арестуютъ, судятъ, приговариваютъ къ тюрьмѣ.

Но по освобожденіи изъ заключенія, онъ тотчасъ же снова еще съ большей энергіей принимается за революціонную дѣятельность. Однако за нимъ уже слѣдятъ, и потому онъ очень скоро снова попадается въ руки полиціи, снова оказывается за желѣзными рѣшетками. Онъ не сдается, замышляетъ и приводитъ въ исполненіе побѣги, нерѣдко очень рискованные. На этой почвѣ у него происходятъ столкновенія со стражей, которыя кончаются крайне печально.

Однажды, напримѣръ, ему пришлось сидѣть въ арестантской при полицейскомъ управленіи въ какомъ-то уѣздномъ городѣ. Грязная, отвратительная камера, миріады насѣкомыхъ, ужасный воздухъ, постоянная гнусная брань полицейскихъ, ихъ сквернословіе. Онъ рѣшаетъ бѣжать, во что бы то ни стало. Денегъ при немъ было только что-то около трехъ рублей—этого было достаточно, чтобы проѣхать на родину, гдѣ онъ надѣялся укрыться отъ преслѣдователей. Желая сохранить эти деньги, онъ отказывалъ себѣ во всемъ, питался кое-какъ, вслѣдствіе чего очень ослабѣлъ физически.

Разъ съ прогулки онъ незамѣтно выходитъ на улицу и бросается бѣжать по направленію къ рѣкѣ. Онъ убѣжденъ, что стоитъ ему только перебраться черезъ мостъ, чтобы спастись отъ преслѣдованій; на другой сторонѣ рѣки былъ большой лѣсъ, гдѣ легко было скрыться. Онъ бѣжитъ, но чувствуетъ, что силы его оставляютъ. У него кружится голова, онъ теряетъ сознаніе и падаетъ въ траву. Черезъ нѣкоторое время онъ приходитъ въ себя, но слышитъ, что за нимъ погоня. Озлобленные голоса разъяренныхъ людей раздаются все ближе и ближе. Полицейскіе натыкаются на него, и начинается избіеніе—свирѣпое, жестокое, звѣрское...

Революція быстро пошла на убыль. Начались репрессіи, карательныя экспедиціи, казни. Леонидъ Семеновъ болѣзненно переживалъ эти мрачные, кровавые дни и годы. Подъ гнетомъ этихъ впечатлѣній онъ на-

писалъ разсказъ на тему о смертной казни. Л. Н. Толстой одобрилъ этотъ разсказъ, который затѣмъ и былъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1909 годъ.

Во взглядахъ и убѣжденіяхъ Леонида Семенова постепенно происходитъ большой сдвигъ. Кровь и насилие становятся для него непереносимыми. Личное знакомство съ Толстымъ, который относился къ нему съ горячей симпатіей, еще болѣе укрѣпило эти настроенія. Вскорѣ ему пришлось на дѣлѣ доказать вѣрность своему новому міропониманію.

Будучи призванъ на военную службу, онъ рѣшительно отказался принять присягу. Однако, несмотря на это, онъ былъ зачисленъ въ военную службу и отправленъ въ г. Пермь. Здѣсь его держали на службѣ цѣлые два года, хотя въ теченіе всего этого времени онъ упорно отказывался отъ исполненія приказаній и игнорировалъ требованія дисциплины. Всѣмъ начальникамъ и офицерамъ онъ всегда говорилъ, „ты“, „братъ“.

Дважды возбуждался вопросъ о его психической ненормальности. Два раза его заключали въ казанскую окружную психіатрическую больницу, при чемъ въ общей сложности онъ пробылъ тамъ четыре мѣсяца. Содержали въ общихъ камерахъ; въ первый разъ Леонидъ Семеновъ находился въ камерѣ, въ которой было 40 человѣкъ психически больныхъ людей; во второй разъ—въ камерѣ, въ которой было 60 человѣкъ душевно-больныхъ.

Легко себѣ представить, что долженъ былъ испытать здоровый, нормальный человѣкъ, осужденный на постоянное пребываніе среди душевно-больныхъ людей. Покоя не было ни на одну минуту. Ни днемъ, ни ночью.

Знакомство Леонида Семенова съ Александромъ Михайловичемъ Добролюбовымъ состоялось еще до его военной службы. Первая-же встрѣча съ Добролюбовымъ произвела на Леонида Семенова огромное впечатлѣніе; больше всего его поразили и въ то же время

плѣнили цѣльность и послѣдовательность Добролюбова, полное отсутствіе всякихъ противорѣчій между его словомъ и дѣломъ, между его ученіемъ и жизнью. Съ этого момента Леонидъ Семеновъ отдаетъ свое сердце новому другу-учителю.

Увлекшись Добролюбовымъ, онъ отправляется вмѣстѣ съ нимъ въ путешествіе по Россіи. Они вмѣстѣ бродятъ по поволжскимъ степямъ, при чемъ работаютъ у крестьянъ, которые за это ихъ кормятъ. Вернувшись на родину, Леонидъ Семеновъ уходитъ изъ родной усадьбы и поселяется въ сосѣдней деревнѣ, въ крестьянской семьѣ, въ качествѣ рабочаго.

Кромѣ Леонида Семенова—Тянь-Шанскаго горячими послѣдователями Добролюбова являются: Николай Григорьевичъ Сутковой—дворянинъ по происхожденію и кандидатъ университета по образованію,—затѣмъ землевладѣлецъ Кубанской области Владиміръ Ивановичъ Скороходовъ, дѣятельный участникъ многихъ толстовскихъ общинъ, бывшій студентъ-медикъ А. Я. Колесниченко, молодой богатый казакъ П. П. Картушинъ и другъ. Всѣ эти лица раньше были „толстовцами“, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, В. И. Скороходовъ, пользовались большимъ расположеніемъ Льва Николаевича.

Сутковой въ послѣдніе годы занялся печатаніемъ и изданіемъ брошюръ и книгъ въ духѣ ученія Добролюбова. Но это обстоятельство, конечно, нисколько не повліяло на образъ его жизни. Недавно, напримѣръ, онъ жилъ „на дачѣ“, въ трехъ верстахъ отъ г. Гатчины. Маленькая, бѣдная деревня, до крайности пыльная въ сухую погоду и грязная—въ сырую. Мѣстность унылая, болотистая, безотрадная. Ни рѣки, ни лѣсу, ни хорошихъ полей и луговъ.

Сутковой снялъ какую-то заброшенную крестьянскую избу, очевидно, самую бѣдную изъ всей деревни. Большая русская печь. Но кромѣ стола и скамеекъ—нѣтъ

никакой мебели. Сутковой поселился въ этой избѣ вмѣстѣ со своей сестрой, молодой, замужней женщиной, мужъ которой живетъ на Кавказѣ.

Ни кроватей, ни постелей, ни подушекъ. Все это признается совершенно лишней роскошью. Сами себѣ готовятъ пищу, такъ какъ прислуги, конечно, нѣтъ. Пища, разумѣется, самая простая. Хлѣбъ и похлебка изъ картофеля, съ постнымъ масломъ, хотя это было еще до войны. Вмѣсто чаю, пьютъ кипятокъ съ изюмомъ, сахаромъ или дешевыми леденцами.

Одежда у Суткового, какъ и у всѣхъ другихъ добролюбовцевъ, также, конечно, самая простая, бѣдная, почти нищенская. На ногахъ—чоботы, очевидно, собственнаго издѣлія, затѣмъ косоворотка или просто ночная рубашка, какіе-нибудь штаны и, наконецъ, поддевка или старое пальто. На головѣ дешевая шляпа изъ простой соломы или суконный картузъ.

— Важно только одно внутреннее, духовное,—говорятъ добролюбовцы,—чувства, сердце, мысли...—Все-же наружное, внѣшнее не должно имѣть никакого значенія...

Отсюда ихъ ригоризмъ, доходящій до аскетизма, отсюда ихъ отрицательное и пренебрежительное отношеніе ко всѣмъ удобствамъ жизни, ко всякому, даже самому элементарному комфорту и довольству. Въ этомъ сказывается основной характеръ религіозныхъ устремленій добролюбовцевъ, ихъ идеалистическіе порывы, ихъ высокое подвижничество. И дѣйствительно, это въ полномъ смыслѣ слова подвижники-аскеты, отрекшіеся отъ всякихъ благъ міра, отъ всякихъ соблазновъ жизни и культуры, отъ всего, за что милліоны людей такъ жадно цѣпляются. Бродячіе странники, нищіе, смиренные, чистые сердцемъ, они добровольно обрекли себя на вѣчную нужду, бѣдность, нищету во имя достиженія тѣхъ высшихъ духовныхъ цѣнностей, которыя только и составляютъ, по ихъ мнѣнію, истинное счастіе человѣка. Это — „простота духа“, „величіе смиренія“, чистота сердца...

Оглавленіе.

Стр.

Борьба съ антихристомъ 1

I. Анархическое теченіе въ русскомъ сектантствѣ . . 4

II. Секта неплательщиковъ 9

III. Призывъ 1874 года 14

IV. На военной службѣ 20

V. Призывъ 1875 года 27

VI. Судьба новобранцевъ-неплательщиковъ . . . 33

VII. Демонстраціи 36

Богочеловѣки 45

Толстовцы.

Кризисъ толстовства 79

„Непротивленыши“ 86

Толстовцы

I. Лева и Сережа 93

II. Современные Діогены 96

III. Мнѣніе Побѣдоносцева и миссіонеровъ 100

IV. Плоть и духъ 103

V. Проповѣдники кротости и смиренія 108

Письма толстовца Сережи Попова.

Письмо первое 115

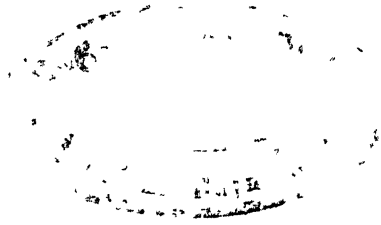
Письмо второе 126

А. М. Добролюбовъ и его послѣдователи.

Декадентъ—сектантъ 145

Молчальники 162

Подвижники 169



ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

А. С. ПРУГАВИНА:

Религіозные отщепенцы. Очерки современнаго сектантства. 2 изд. «Посредника». Москва. 1906 г. Два выпуска. Выпускъ I. Ц. 75 коп. Выпускъ второй. Печатается третье изданіе.

Монастырскія тюрьмы. Второе дополненное изданіе «Посредника». Москва. 1909 г. Двѣнадцатая тысяча. Ц. 80 коп.

Въ казематахъ. Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ.—Шлиссельбургъ.—Суздальская тюрьма.—Петропавловская крѣпость. СПБ. 1909 г. Цѣна 1 руб.

Расколъ вверху. Очерки религіозныхъ исканій въ привилегированной средѣ. Изданіе Т-ва «Общ. польза». 1909 г. Цѣна 1 руб.

Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898—99 гг. Изданіе „Посредника". М 1906 г. Цѣна 85 коп.

Старообрядчество во второй половинѣ XIX вѣка. Очерки изъ новѣйшей исторіи раскола. Москва. 1914 г. Цѣна 1 руб.

Расколъ и сектантство въ русской народной жизни. Ц. 30 к

О Львѣ Толстомъ и толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. Москва. 1911 г. Цѣна 80 коп.

„Братцы" и „Трезвенники". Изъ области религіозныхъ исканій. Цѣна 40 коп.

Бунтъ противъ природы.—О хлыстахъ и хлыстовщинѣ. Москва. 1917 г. Изданіе «Задруги». Ц. 1 руб. 25 коп.

Печатается:

Третій выпускъ **„Религіозныхъ отщепенцевъ".**

Всю корреспонденцію на имя автора слѣдуетъ направлять по слѣдующему адресу:

ПЕТРОГРАДЪ, Введенская, 17.

Александру Степановичу Пругавину.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ.

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., 9. К-во «ЗАДРУГА»

ОТД. въ ПЕТРОГРАДѢ, Гончарная 24.

Т-во „ЗАДРУГА“

Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. 9.

Петроградъ, Гончарная, 24.

Отд. въ Харьковѣ: Кооперативное Т-во „Народная Свобода“, Петропавловскій пер., 13.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ БРОШЮРЫ ПО ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ

С. П. Мельгунова:

1. **Москва и старая вѣра** (этюдъ изъ исторіи религіозно-общественныхъ движеній на рубежѣ XVIII в.). Ц. 60 к.
2. **Старообрядчество и свобода совѣсти** (о необходимости для старообрядцевъ отдѣленія церкви и государства) Изд. 2-е. Ц. 75.
3. **Великій подвижникъ Протопопъ Аввакумъ.** Изд. 2-е. Ц. 25 к.
4. **Какъ создалась въ Россіи государственная церковь.** Ц. 30 к.
5. **Наши монастыри.** Изд. 2-е. Ц. 30 к.
6. **Церковь въ новой Россіи** (попул. очеркъ). Ц. 20 к.